

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ЯНВАРЬ
2005**

**ТЕВЕС
5765**

№ 1 (153)

ДЛИННЫЙ КОРОТКИЙ ПУТЬ ХАСИДИЗМА

ВÍ ÂÄÐÑÊÎÁ ÑËÎÁÎ ÄËÄÁÎ ÎÁÎ ÐÄÄÄËÎÁ ÐÎÑÑËË

...Ôäë îäëî -äëîäë ä äîäâ Äîääë äî ääçäëëëë, ä ôäî î äëü-ëë ðëäëô. «Ëäëäü äîäâä ä äîäâ ääääô?» - ðîääçäëäâð îöòîëë.- «Îää - îôää-ääð î äëü-ëë, - ôîëüëî îääääü äëëîäü, ôîôü è îîëîäî-ä äüüäð, ä ääääü èîäîçäëü, ôîôüë è îîäëëîäâ».

Путник, конечно, двинулся левым путем, коротким. Немного прошел – вот он, город, уже на горизонте виден. Только дорога грязная, разбитая, вся в рытвинах. Прошагал еще чуть-чуть, испачкался весь, ноги сбил. А тут новая беда: бурная река впереди! И от моста одни опоры из воды торчат – снесло мост...

Делать нечего, вернулся путник к развилке, спрашивает ребенка: «Что ты меня в эту грязь бездорожную загнал? И не стыдно тебе над людьми издеваться?!» А тот ему: «Да я всё честь по чести объяснил! Левая дорога и впрямь короткая, только по ней скоро не дойдешь. А правая, хоть и в обход, длинная, зато хорошая, мощная, идти по ней одно удовольствие. И времени уйдет куда меньше».

Алтер Ребе напоминает нам об этой истории, чтобы с ее помощью объяснить, что должен делать человек, чтобы принять слово Б-жие в свою душу. Сказано: «Слово Г-спода близко душе твоей, оно на устах твоих, в сердце твоём, и исполнится оно, благодаря тебе» (Дворим, 30:40). Однако для того, чтобы слово Б-жие действительно «исполнилось, благодаря нам», у нас есть два пути – длинный и короткий. В трактате «Тания», излагающем основы хасидизма, Алтер Ребе предлагает нам именно тот «длинный путь, что покороче будет» – путь через любовь к Б-гу.

Когда человек только начинает читать Тору, когда впервые произносит молитву «Шма Исроэл», у него сразу же возникает серьезный вопрос: как понимать заповедь «и возлюбишь ты имя Г-спода Б-га нашего»? Что она означает на деле? Допустим, Б-гу нужно, чтобы мы исполняли Его волю, поступали всякий раз так, как Он хочет. Но при чем тут любовь? Разве мало веры и послушания? Зачем Ему, сотворившему нас и весь мир, нужно, чтобы мы Его еще и любили? И вообще – как можно приказывать испытывать любовь?! Отец же не станет говорить детям: «Вы обязаны любить меня!»

Что касается заповеди любви к Б-гу, то есть еще одна проблема. Как исполнять все остальные заповеди Торы, понятно, даже если ты не понимаешь, почему Б-г повелел именно так, а не иначе. Например, заповедь соблюдения кашруса: мы не знаем, почему Творец определил для нас именно такие законы, но мы знаем, что надо делать, чтобы исполнить заповедь. А как исполнить заповедь «возлюби Г-спода Б-га твоего»? Что для этого нужно делать?

Есть такие люди, объясняет Алтер Ребе, которые знают, чего Б-г от них хочет. Они соблюдают заповеди, потому что так написано в Торе: Б-г сказал – я исполняю. Это хорошие, праведные люди, но они идут «коротким путем, который подлиннее». Действительно, человек исполняет заповеди, как солдат приказы, – не тратя время на «лишние» раздумья: что в Торе написано, то делаю, что не написано – не делаю. В определенном смысле такое поведение сокращает путь к Б-гу: Он сказал – я сделал. Но в душе человека – именно потому, что он выбрал «короткий путь» – раз за разом возникают сомнения: а почему надо делать именно так? Вот в Торе сказано, что надо помогать бедным – я и помогаю. Но ведь я так тяжело работал, чтобы получить свои деньги, почему же я должен отдавать их другому человеку, который наверняка работал меньше, а может и вовсе не работал?! Или сказано, что надо молиться столько-то раз, столько-то времени: а ведь это мое время, я мог бы потратить его с большим удовольствием для себя!..

Иначе не бывает! Человек не может не думать над тем, что делает: таким его сотворил Б-г. Тот, кто выполняет заповеди лишь потому, что «так сказано в Торе», подобен путнику, который добирается до города короткой, но разбитой дорогой. Может, он и дойдет до цели – но усталым, в синяках, в грязной одежде и порванной обуви.

А второй путь, «длинный, зато покороче», – это путь через любовь. Если любишь – все делаешь с охотой, делаешь не для себя, а для того, кого любишь. Иными словами, человек, познавший суть хасидизма, возлюбивший Б-га, соблюдает заповеди не потому, что «так написано в Торе», а потому, что сам

этого хочет. Вот тогда Тора и заповеди становятся действительно «очень близки» нам, как говорил Алтер Ребе.

Чтобы полюбить Б-га, надо осилить долгий путь, требуется очень серьезная душевная работа. Рамбам учит: «Только когда человек всесторонне обдумает и поймет, кто такой Б-г и что Он сделал, только тогда придет он к настоящей любви». Что нужно «обдумать», чтобы понять способ своего движения по «долгому пути», – этому учит «Тания».

Зато идти по этому пути легко и радостно. Выбор нашей «длинной короткой дороги» продиктован внутренним чувством, имеющимся у каждого человека, – потребностью любить. Любить не за что-то, не за какие-то подарки (хотя, если говорить о подарках, так ведь это Он даровал нам жизнь и весь мир вокруг!), а потому, что любовь – воистину неотъемлемое свойство нашей души, потому что любить естественно. Естественно и стремиться к Б-гу, ибо любовь – это Его язык.

Здесь, в конце «длинной короткой дороги» хасидизма, нас ждет ответ на вопрос: зачем Б-гу нужна наша любовь? Она нужна Ему не для Него – для нас. Потому что Он нас любит. Пробуждая в нас любовь к Себе, Он облегчает нам жизненный путь. Полюбив Создателя по-настоящему, мы совершенно по-другому начинаем относиться к жизненным проблемам, к житейским обязанностям, к выполнению заповедей.

И последнее: только полюбив Б-га, человек может по-настоящему полюбить людей, своих ближних. Как рассказывает притча, некто сказал своему другу: «Я очень люблю тебя, но не люблю твоих детей», – и получил ответ: «Значит, ты и меня не любишь: люби ты меня, любил бы и тех, кто мне всего дороже». Настоящая любовь к Отцу – это любовь к его детям.

Аעאזי זע דאזעזי די תורה אאזע עאזד

УЧЕНИЕ РЕБЕ ОБ УЧЕНИИ

בִּי אֲבֹנֶהָ יִינְעָאִי עֵב עֶפְאָאֵם נְעִיאִי דָאָא

אֲוִיָּא נְאֵרִי יִי

יִדְאִי אֲדֹאֵאִי עֵאִי עֵבִי צְאִי עֵב עֵי דְעִי אֶוֹאֵנֶוֹאֵב

נְאֵעֵאֶוֹאֵעֵוֹאֵאֶוֹאֵ אֶוִי דְוִי

В одной из работ Ребе приводит стих «Если увидишь, что осел врага твоего лежит под ношею своею, разве оставишь его без помощи? Помоги непременно: развьючьте осла вместе» (Шмойс, 23:5) в качестве доказательства того, что Тора отдает приоритет деяниям. В своей интерпретации Ребе следует толкованию, которое дал этому стиху Баал-Шем-Тов. Основатель хасидского учения обращал внимание учеников на то, что слово «хамор» («осел») на иврите созвучно слову «хомер» («материализм»), и обязанность развьючить несчастное животное, упавшее под тяжестью непосильного груза, указывает на нашу обязанность использовать физическое тело для духовного служения. Баал-Шем-Тов подчеркивал: наша задача заключается не в подавлении телесных инстинктов и полном самоотречении, а в том, чтобы перенаправить эти инстинкты на служение Б-гу. То есть принцип трансформации себя и мира находится в самой «сердцевине» нашего служения. Тора подчеркивает также активный характер служения.

נְאֵעֵאֶוֹאֵעֵוֹאֵאֶוֹאֵ אֶוִי עֵי אֶוִי

В этом контексте Ребе обращается к теме свидетельских показаний и ее разработке в Талмуде. В чем основная функция свидетельства, как ее понимает Закон? Ребе демонстрирует, что прежде всего свидетельство призвано разрешить двусмысленность ситуации и внести в нее ясность.

Существует процедура установления «начала календарного месяца». Необходимо, чтобы как минимум два человека засвидетельствовали: они видели новорожденную Луну. После перекрестного допроса свидетелей бейс-дин официально объявляет начало нового месяца. Однако Талмуд специально оговаривает: в тех случаях, когда у бейс-дина нет сомнений, что соответствующий день является днем полнолуния, в свидетельских показаниях нет нужды. Также в Талмуде установлено: если известно, что некий спорный вопрос неизбежно разрешится самим ходом времени, то к свидетельским показаниям в ходе этой тяжбы предъявляются «упрощенные» требования. То есть вердикт выносится на основе свидетельства в тех случаях, когда реальное положение дел неясно и нуждается в прояснении.

Ребе в своих рассуждениях идет дальше и задается вопросом: на каком основании понятие «свидетельство» в Торе последовательно связывается с физической святыней, присутствующей в мире, – с Шатром Свидетельства? Сказано же: «Вот итоги сооружения Шатра Откровения – Шатра Свидетельства...» (Шмойс, 38:21).

Ребе показывает, что связь этих понятий очень глубокая и верная. Ведь речь идет о физической святыне, Б-жественная природа которой не сразу ясна в силу «физичности» объекта. Эта Б-жественность нуждается в подтверждении, то есть в свидетельствовании. И физическая актуализация духовной

«парадигмы» святости является крайне важным аспектом: именно через физическое Б-жественное сходит в мир, так что тот становится обителью Б-га.

Ребе привлекает текст Талмуда, чтобы подтвердить истину: преобразование неодушевленной материи путем надления ее святостью является для нас религиозным императивом. И в Талмуде (Таанис, 11а), и в Зогаре (II, 28а) говорится о том, что сами столпы дома свидетельствуют о поведении его хозяина. В другой книге Талмуда (Йома, 47а) и в Алохе (Тур, Шулхан Орух, Орах Хаим, 2) мы встречаемся со сходным образом, когда о неподобающем поведении женщины сказано: столпам дома ведомо, что она является на людях с непокрытыми волосами (тогда как Закон требует от замужней женщины покрывать голову). Ребе делает вывод, что человеческие деяния оставляют свой отпечаток даже на неодушевленных вещах.

Преобразование физического мира – важнейшая составляющая нашей религиозной жизни. С этим положением иудаизма связано алохическое правило, подчеркивающее, что лишь прямое физическое исполнение заповедей, а не размышление над их мистической сутью дает человеку возможность исполнить волю Создателя. Поэтому даже механическое исполнение заповедей, как бы далеко оно ни было от идеала, может приблизить нас к Творцу.

Следует уточнить: примат деяния над помыслами, активной жизни – над созерцательной вовсе не является оправданием эмоционального и интеллектуального равнодушия при исполнении религиозных обязанностей. Однако именно действие является «предварительным условием» нашего движения к Б-гу.

נִאֲמָרוּ אֲבֹתֵינוּ אֵיךְ יֵאָדָר אֵל

Ребе приводит ряд цитат из Мидраша о том, что источником эха является препятствие на пути звука, но когда на Синае народу Израила давалось Откровение, эха не было. В Мидраше сказано еще об одной особенности этого Откровения: Десять заповедей звучали сразу на множестве языков. То есть Откровение на Синае сопровождалось рядом феноменов, выходящих за рамки естественного порядка вещей. Но экзегетика исходит из того, что природный мир, будучи однажды создан Творцом, управляется законами, заложенными Самим же Создателем. И отклонение от естественного порядка природы может происходить только по воле Вседержителя, оно связано с устранением некоего «противоречия» в ткани мироздания (Шабос, 53а).

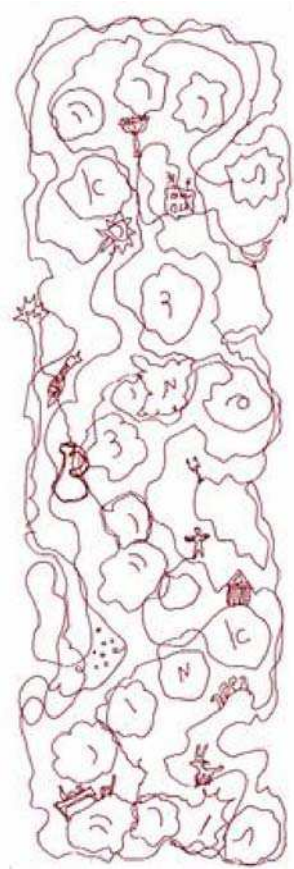
Ребе указывает: в отсутствии эха можно видеть не нарушение фундаментальных законов природы, но своеобразную их реализацию, когда даже неодушевленная тварь впитывала сказанное Творцом и не могла отвергнуть Им возглашенное, а значит, не могла отразить звук Его голоса, что было бы равносильно отвержению. Поэтому Ребе считает неверным толкование, утверждающее, что эха во время Синайского Откровения не было, дабы никто не подумал ошибочно, будто Откровение это исходит не от Единого Б-га, а от многих источников. Здравый смысл подсказывает, что эхо, вторящее звуку, никто и никогда не принимает за нечто самостоятельное.

Какое значение все это имеет для нашей темы? Подчеркивая «впитывающий» характер реакции синайской природы на слова Откровения, Мидраш говорит о специфичности такого взаимодействия, его отличии от обычного порядка вещей – а значит, о преобразении мироздания в ходе Откровения.

אֵל מִיֵּאָדָר אֵל מִיֵּאָדָר אֵל מִיֵּאָדָר

Наша задача в этом мире – возвышать и преобразовать физическое бытие. Отказ от выполнения этой обязанности, возложенной на нас Творцом, является своеобразным оскорблением, наносимым Его Творению.

Хасидизм подчеркивает: поглощаемая нами пища призвана напитать нас энергией, в конечном счете направленной на служение Всевышнему и движение на пути духовного развития. Так физическая пища преобразуется в духовное усилие: физическое причащается духовного и изменяет свой статус. Но если мы об этом забываем, видим в пище лишь источник гедонистических радостей, то процесс реализации физического в духовном приобретает обратное направление, и повышенное внимание к физическим наслаждениям влечет за собой духовную деградацию.

Говоря о латентно присущей миру святости, Ребе напоминает о символическом значении того факта, что Синайское Откровение прозвучало одновременно на семидесяти языках. Все эти языки возвышались до статуса Священного языка, изначального языка Торы, причащаясь святости Писания и раскрывая свой потенциал носителей Священной вести. В этом же контексте Ребе говорит о том, что использование в Мишне арамейской лексики – и еще более активное использование арамейского языка в Вавилонском Талмуде – придает этому языку статус причастного к Священному и возвышает его, изменяет саму его природу. То есть мы вновь имеем дело с процессом трансформации.

Итак, через вовлеченность в процессы, связанные со служением народа Израиля Всевышнему, материальные сущности изменяют свою природу и «возвышаются», причащаясь духовному. Но это причащение материального духовному возможно только через посредство человека. В этом мы найдем и объяснение Рассеяния. Народ Израиля живет среди других народов во имя того, чтобы собрать те Искры Святости, которые оказались рассеяны по всему миру.

Также Ребе, вслед за своими предшественниками, подчеркивал, сколь важное значение имеет тот факт, что физический мир является манифестацией Б-жественности, скрывающей свою Б-жественную сущность от нашего восприятия. Хасиды считают, что человек способен прикоснуться Ацмуса – настолько тонкого уровня Б-жественности, что он полностью лежит за пределами человеческого понимания. Однако, пользуясь материальными сущностями нашего мира и обращая их на строительство святилища, человек делает эти сущности проводниками Б-жественности: «материально-плотное» становится «медиумом»

для самых тонких уровней духовности.

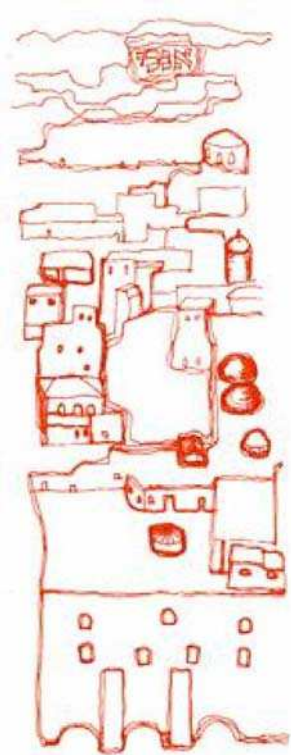
Хасиды считают молитву актом, в котором еврей обретает единение с Создателем. Само слово «тфила» («молитва») этимологически происходит от слов Торы «нафтули нифталти» («связывать», «соединять узами»). Но одновременно слово «тфила» связано с понятием «а-тофел», употребляемым в Мишне и означающим «сплачивать», «объединять».

В кабалистической традиции молитва символизировалась лестницей, явленной Якову в его ночном откровении: лестницей, достигающей неба, но стоящей на земле. Мидраш также использует этот образ как метафору изучения Торы. В обоих случаях лестница олицетворяет собой коммуникацию между Б-гом и человеком: Тора – это слово Б-га, нисходящее свыше, молитва – слово человека, восходящее к Б-гу. Тем самым верхнее не отделено от нижнего и наоборот. Ребе напоминает, что второй Любавичский Ребе Дов-Бер утверждал: то, что внешне обладает более низким статусом в этом мире, имеет более высокое происхождение в мире духовном. В свете этого Ребе интерпретирует начало Десяти заповедей, открывающихся египетским словом «Анохи». Казалось бы, египетский – это язык идолопоклонников, и не египетскому слову следует открывать Б-жественное Откровение народу Израиля. Но именно это слово передает самую сущность Б-жественности, запечатленной в формуле: «Я – Б-г, Всесильный твой» (Шмойс, 20:2). Взаимопроникновение высшего и низшего приводит нас к заключению о том, что всякая духовная активность должна найти выражение на уровне физических действий и поступков.

Ребе напоминает толкование, предлагаемое Иерусалимским Талмудом тому обстоятельству, что слова «как повелел Г-сподь» употребляются при чтении Амиды 18 раз – и число это соотнесено с 18 упоминаниями о возведении Шатра Откровения в физическом мире (Шмойс, 36:8–39:43) и 18 исходящими от Б-га повелениями, касающимися того, как этот Шатер должен быть воздвигнут (Шмойс, 25:1–30:10). Мы опять видим связь физического и духовного, созерцания и действия – и прежде всего видим, какая роль отведена активности человека, своими действиями преобразующего мироздание и делающего его «обителем Б-га».

יְדַאֵי אֲדַאֵי עֵא יְעֵדִי צֵאֵי עֵב

Ребе подчеркивал, что пути Торы ведут к максимальной реализации каждого из нас. Как Тора была дана Израилу у подножия горы Синай, так задача Израиля – нести семена веры в Единого Б-га в мир. Свою философию просвещения Ребе развивает именно из этой предпосылки. Методология, которую он предлагает, корнями уходит в раввинистическую традицию.

ŃĀĒĀĀŌĀĔÛŃŌĀĀ Ī ĒĀĐĀŌĀ

Тора говорит о Синайском Откровении: «Слова эти произнес Б-г всему собранию вашему с горы, из огня, облака и мглы, голосом громким...» (Дворим, 5:19). Мидраш настаивает, что Синайское Откровение не было единовременным актом, но продолжается во времени и не имеет конца в нашем понимании. При этом Мидраш сообщает, что сказанное Б-гом было сказано одновременно на семидесяти языках: не «привязано» к одному только Священному языку, но облечено в семь отличных друг от друга звуков, которые разделились на семьдесят языков народов, населяющих землю. Закон, данный в Торе, определяет этические принципы, на основе которых возможно существование наилучшего социума, и эти принципы едины для всего рода людского. Этот закон «развертывается» во времени всей человеческой истории.

Говоря о ддящемся и не имеющем конца характере Откровения, Мидраш указывает, что оно продолжалось через пророков и праведников и не ограничилось «поколением Синая», но было явлено всем последующим поколениям. В том же самом комментарии Мидраш говорит об ином измерении этого продолжающегося Откровения: у подножия Синая народ Израиля услышал Десять заповедей, которые легли в основу раввинистической традиции.

Важно, что выводы о Торе как основе морали всего человечества и о вечном характере Десяти заповедей Мидраш делает на основании одного и того же стиха из книги Дворим. Роль Торы как инструмента, изменяющего мироздание, прививая человечеству всеобщий моральный кодекс, реализуется, когда моральные качества, о которых говорит Тора, не просто вбирают в себя сказанное Всесильным однажды в прошлом, но утверждаются в актуальном настоящем как современное свидетельство ддящегося Синайского Откровения. Поэтому на Израиль возложена особая миссия: жизнь в настоящем, построенная на этических принципах Торы, становится актуальным, происходящим здесь и сейчас, декларированием морального кодекса, записанного Всевышним на скрижалях, данных Моше. Сама эта жизнь есть Синайское Откровение, звучащее сегодня.

ŃĒĪŌĀÇĒ Ī ĐĒĪĒ ĒĐĀĪĒĀ Ī ĐĪŌĒĀĪĪĪĒĪĒĪĒŃŌĀĔ

Ребе утверждал, что примирение противоположностей возможно. Нынешнее состояние бытия, с присущими ему конфликтами и поляризацией, восходит к иному, бывшему его истоком: то есть к тому состоянию, которое было гармонией в себе самом. И задача человека – примирить элементы, которые кажутся противоречащими друг другу и претендующими на мнимо независимое бытие.

ŃĀĒĀĀŌĀĔÛŃŌĀĀ ŌĪ ĐŪ

Памятуя о том, что в результате Синайского Откровения физическое бытие оказалось причастным духовному, Ребе подчеркивал: физическое и духовное действительно являются противоположностями друг друга. Но когда физическое бытие оказывается проникнуто духовным, а духовное может непосредственно воздействовать на материальное, мы можем говорить о примирении противоположностей. Такое примирение возможно потому, что элементы, которые сейчас кажутся взаимоисключающими, в изначальном состоянии бытия были единым целым.

И если мы задумаемся, чем же было это изначальное состояние, то увидим, что элементы, которые мы воспринимаем как отрицающие друг друга и ведущие друг с другом борьбу, могут существовать в гармонии и выступать гармоничными частями единого целого. Что есть физическое и духовное по отношению к Тому, Кто говорит: «Я – Б-г, Всесильный твой, Б-г-Ревнитель...» (Дворим, 5:9)? Разве физическое и духовное не далеки от Него в равной мере, поскольку Он – превыше того и другого?

Слияние физического и духовного, их взаимопроникновение, начало которому было положено на Синае, указывает на возможное преобразование всего мироздания, в ходе которого противоречия будут сняты. На определенной ступени развития нашего мира физическое и духовное становятся в равной мере несущественны, представ перед лицом Создателя. Десять заповедей возвестили о присутствии в мироздании Б-га, к Которому это мироздание стремится и в Котором нет и не может быть противоречий.

ŌĀÑĒĀÑĒĒĀ ÑĀĒĀĀŌĀĒŪÑŌĀĀ

Ребе отмечал, что пример синтеза противоречий мы обнаруживаем в алохических правилах, касающихся обязанности еврея читать молитву. В читаемой при погруженности в молчание Амиде молящийся полностью отрешается от восприятия себя как самости, а своего существования – как единичного и не зависящего от Б-га. Но при этом важно, что молящийся взывает об удовлетворении своих материальных нужд. Именно об этом – его молитва. Как такое возможно? Дело в том, что в момент погруженности в молитву и слияния с Творцом человек восходит к уровню, который равно далек и от материального, и от духовного. На этом уровне «проговаривание» материальных нужд вовсе не противоречит духовной составляющей момента молитвы.

Достижимость этого уровня показывает, что примирение противоречий – реальность, в которую мы вступаем, произнося Амиду, а синтез противоречий – возможен.

ĀĀ×ĪĪÑŌŪŌĪĐŪ

В понимании Ребе Тора является текстом, значимость которого вечна: в каждом ее эпизоде можно найти параллель с сегодняшней действительностью и указание на то, как строить наши отношения с жизнью именно здесь и сейчас. Ребе следует давней традиции истолкования Писания, делающей акцент не на буквальном воспроизведении тех или иных ритуальных практик, описанных в Торе, а на вечном значении Книги. Союз, заключенный народом Израиля у подножия горы Синай, связал не только присутствовавших там в момент Откровения, но и все последующие поколения, ибо на Синае было сказано: «И не с вами одними я заключаю союз этот и строгое заветное это, но и с теми, кто здесь с нами стоит сегодня перед Б-гом, Всесильным нашим, и с теми, кого нет здесь с нами сегодня» (Дворим, 39:13,14).

Однако Ребе подчеркивал, что вечная актуальность Торы связана не только с ее присутствием в среде народа Израиля, но прежде всего с тем, что Тора адресована всему человечеству как вечная весть. Более того, заповеди, исполнение которых жестко связано с присутствием в мире Скинии Свидетельства и которые поэтому не могут быть исполнены сегодня, остаются для нас источником тех или иных указаний, регулирующих нашу духовную жизнь, – но для этого мы должны постигнуть их духовный смысл. Так, комментируя талмудический трактат Сота, повествующий о ритуальных действиях, совершаемых над женщиной, заподозренной в измене мужу (сегодня этот ритуал неисполним), Ребе видит в нем духовное наставление, актуальное и для сегодняшнего дня: вызов обстоятельств ниспосылается нам по воле Всемогущего и воля эта направлена на наше благо – выйдя из состояния кризиса, мы достигаем большего, чем было до кризиса. Исход из Египта прочитывается Ребе как указание на необходимость преодоления любых ограничений, стесняющих духовную жизнь.

Хотя большинство комментаторов Торы всегда стремились прояснить исторически обусловленные детали, соотнесенные с теми или иными эпизодами Писания, Ребе в первую очередь пытался показать связь этих эпизодов с нашей сегодняшней жизнью.

ŌĪĐĀĒĀĒĪĐĀĪĒÑĀĪĒĀ

Ребе видит в Торе источник наставлений, указаний, предписаний, которые обращены к нашей реальности. В этом смысле он идет дальше многих комментаторов-предшественников, в известной степени обновляя сам принцип традиционного истолкования. Например, сформулированная в книге «Зогар» мысль о том, что одна из главных функций Торы – научающая, часто истолковывается в том смысле, что Тора направляет наше бытовое поведение, сообщая нам ритуалы, заповеди и указания. Ребе настаивает, что, помимо этого, Тора просвещает все человечество в том, что касается жизненных ценностей и приоритетов, в том числе в тех сферах, которые не связаны с религиозными ритуалами и обрядностью. Из анализа, казалось бы, очень конкретных и частных алохических правил Ребе делает выводы о том, что мы должны смотреть на мироздание с позитивным настроем, или что мы должны искать разрешения конфликтов и примирять противоположности. Его мысль направлена на глубинное понимание письменной и устной Торы и постижение того, что находится за буквой Закона. Именно определенное отношение к мирозданию наиболее важно в каждой из формул Закона, оно научает нас жизни, угодной Всемогущему.

При этом экзегетика Ребе отличается внимательным и бережным отношением к смыслу истолковываемого текста. Его принцип не в том, чтобы любой ценой «привязать» текст к современной ситуации, а в том, чтобы увидеть современность в зеркале вечного текста.

ПЕРЕСОЗДАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Адин Эвен-Исроэл (Штейнзальц)

Талмуд неоднократно повествует о разногласиях, существовавших между двумя школами толкования Торы, известными как Дом Шама и Дом Гилела. Несколько сухих, лаконичных фраз уделено и спору между ними на тему «Лучше человеку родиться или пребывать нерожденным?» Спор этот состоялся около 2000 лет назад, длился два с половиной года, и в конце концов было решено, что лучше бы человеку не родиться. Однако при этом уточнялось: если уж человек рожден, он должен приложить все усилия, чтобы прожить жизнь наилучшим образом.

Почти все споры между Домом Шама и Домом Гилела касались толкования Закона и соблюдения ритуала: садясь за субботнюю трапезу, должно ли сперва прочесть кидуш или прежде следует омыть руки, – и далее в этом роде. Встретить в подобном контексте спор о том, является ли жизнь благом для человека, довольно странно. Что же послужило причиной разногласий двух школ?

Разницу между ними можно выразить формулой: Дом Шама – идеалисты, Дом Гилела – реалисты. Мудрецы, принадлежавшие к Дому Шама, стремились представить идеальную картину мироздания, тогда как ученые, связанные с Домом Гилела, думали о реальности как она есть. Всякое обобщение чревато упрощением, однако предложенная формула передает суть разногласий между школами. Принадлежавшие к Дому Шама были людьми не от мира сего, думавшими о небесах, а не о повседневности. Всему, что явлено в этом мире, положены свои пределы, все сущее здесь существует в рамках тех или иных ограничений. А мудрецы Дома Шама стремились видеть вещи поверх этих пределов, воспринимать мироздание как целостность, внутри которой каждое качество максимально явлено. Ученые из Дома Гилела рассматривали проблемы и ситуации нашей жизни так, как они явлены на земном уровне. Естественно, такие глобальные различия во взгляде на наше бытие вели к разногласиям по множеству вопросов.

В реальности нашего мира мы руководствуемся правилами, сформулированными Домом Гилела. Но с приходом Мошиаха мир изменится, изменятся управляющие им законы – и тогда мы будем жить в соответствии с правилами, сформулированными Домом Шама.

Итак, два видения Закона связаны с видением мира в целом и зависят от того, как мы воспринимаем все сущее и как отвечаем на вопрос «что есть человек». Дом Гилела говорит: погруженные в несовершенство, мы должны заботиться прежде всего о том, чтобы выстроить наши отношения с окружающей реальностью. Главным вопросом оказывается такой: «Как поступать в той или иной конкретной ситуации, как жить?» Этот вопрос можно сформулировать еще короче: «Как?» А Дом Шама настаивает: мы не должны забывать о целостной картине мироздания во всей ее временной перспективе. При таком подходе недостаточно делать лишь то, что должно, – наши поступки должны соотноситься с «большой картиной».

Насколько человек оправдывает все то, что дано ему Создателем? В реальной жизни люди грешат. Дом Гилела учитывает это и утверждает: мы – здесь, и мы должны действовать в этой реальности. Дом Шама противоречит: мы должны брать за точку отсчета человека, каким ему назначил быть Творец, того человека, сравнением для которого служат ангелы.

Самое удивительное качество Любавичского Ребе, которое явственно видно во всех его поступках, в беседах и дискуссиях, в каждой его фразе, – энергия и энтузиазм, направленные на то, чтобы превзойти уже достигнутое, сделать следующий шаг.

Я знаю это по личному опыту общения с Ребе. Лег двенадцать назад я написал ему письмо. Я попытался объяснить, чем я занят, подчеркнул, что проект, который я стремлюсь реализовать, требует непрерывной работы изо дня в день и отнимает все мое время, не оставляя его ни на что иное. Однако у меня есть еще один проект, требующий не меньше усилий и времени, и еще один – столь же масштабный. Я писал Ребе, что мне очень тяжело нести эту ношу и каждый день она становится все тяжелее. «Чему же следует отдать предпочтение? – спрашивал я его. – От чего следует отказаться?» Он ответил мне – это было

последнее письмо, полученное мною от Ребе. Вот что он писал: «Продолжайте всё, чем Вы заняты, и возьмитесь за новое дело».

Он настойчиво требовал этого от всех окружающих. Как это можно пояснить? Помните историю о человеке, который пришел к раввину жаловаться, что у него множество детей, домик очень маленький и жизнь совершенно невыносима? Раввин посоветовал ему завести козу и держать ее дома – грязную, невыносимо пахнущую, постоянно блеющую козу. Вскоре этот человек опять пришел к раввину и пожаловался, что жизнь стала еще невыносимее. Тогда раввин посоветовал ему избавиться от козы. Человек так и поступил, а придя в следующий раз к раввину, радостно поделился с ним: он, дескать, и не знал, какой у него просторный и чудесный дом.

История эта не нова. То, что делал Ребе, весьма на нее похоже – и все-таки отличается. Когда люди жаловались ему, какая тяжелая у них работа, он нагружал их новой. Они жаловались на стесненность своих обстоятельств – он предлагал завести козу – и еще, и еще раз! При этом и сам он работал так же, нагружая себя больше и больше! И кто бы ни жаловался ему на неспособность справиться со свалившимися проблемами или просто на тяжелый период жизни, Ребе всегда советовал такому человеку взять на себя дополнительную ответственность.

Казалось бы, это противоречит законам природы! Так или иначе, но есть же естественные ограничения чего бы то ни было: пределы, отпущенные человеку, пределы пространства и времени, которыми мы располагаем. Однако воспользуемся аналогией из физики, чтобы объяснить это качество Ребе. Существует некое предельное давление, которое можно приложить к веществу. Но если вы приложите давление, во много раз – в десятки, сотни раз – превышающее этот предел, произойдет следующее: молекулы вещества изменятся и изменится само это вещество – произойдет его «схлопывание», ведущее к совершенно новым физическим параметрам. Так, астрономам хорошо известен феномен «белых карликов». Это очень маленькие звезды, имеющие чудовищную массу, во много раз превышающую массу нашего Солнца. Один кубический сантиметр вещества, из которого состоят «белые карлики», весит десятки тонн: материя «схлопнулась» под действием чудовищной гравитации – и изменились распространяющиеся на нее законы.

Эта аналогия поясняет, что Ребе хотел изменить саму природу людей, с которыми сталкивался, их поведение и характер их действий. Он стремился трансформировать человека в нечто иное. Прежде всего он осуществил этот эксперимент на самом себе. Сохранились письма, которые он писал в 1950-х годах, когда хасиды настойчиво просили его стать Любавичским Ребе. Письма эти необычны для Ребе своей эмоциональностью. «Могу ли я принять на себя эту тяжкую ношу? Я не достоин ее. Я не хочу ее, это – не мое». Он говорит: «Они просят, чтобы я стал Ребе, мне от того больно, будто плоть мою отделяют от костей моих». Если бы его спросили: «Быть или не быть?» – он, вслед за Домом Шама, ответил бы: «Не быть». Но он все-таки принял обязательства и стал тем, кем, по его настойчивому убеждению, не являлся и что было уже вне пределов человеческих возможностей.

Сказанное возвращает нас к Талмуду и полемике о том, лучше ли человеку быть рожденным или нерожденным.

Итак, единственное, что можно добавить в связи с этим: «Если мы все же оказались здесь, попробуем радоваться о лучшей доле». Но существует иной ответ на поставленный вопрос: ответ, находящийся за пределами оппозиции «да» или «нет». И именно этим ответом старался руководствоваться Ребе в своих деяниях. Вместо того чтобы отвечать на вопрос: «стоит ли человек того, чтобы быть в мире?» – лучше побудить человека стать чем-то иным и новым, обрести новое качество существования, и тогда ответ на заданный вопрос будет утвердительным.

Обращает внимание то обстоятельство, что с каждым годом Ребе делал все больший акцент на круге тем, связанных с приходом Мошиаха. Он говорил о Мошиахе вновь и вновь. Во всех его выступлениях повторялась мысль: Мошиах грядет. Приход Мошиаха – это не такое событие, которое случается время от времени, пусть даже очень редко, это конец истории. Его приход будет означать не то, что все сущее стало немного лучше, – сущее станет таким, каким оно должно быть. Это значит, что все наши чаяния, которые мы лелеяли на протяжении веков, из поколения в поколение, исполнятся. До того дня все развитие человечества идет по схеме: мы достигаем чего-то, но потом отступаемся, совершаем ошибку, и нас отбрасывает назад. Вся история человечества тому иллюстрация: история усилий, кончающихся неудачей, ошибкой. С приходом Мошиаха это наконец разрешится: ошибок больше не будет. Мир станет иным, обновленным – и в корне отличным от того, каков он сейчас.

Но привести мир к эре Мошиаха несравненно труднее, чем создать государство Израиль или США. Привести Мошиаха в мир означает изменить этот мир так, чтобы его уже нельзя было «отбросить» в прежнее состояние. Ребе стремился побудить людей совершать невозможное. Он стремился к тому, что хасиды называют «бе-хол мейодехо»: эти слова мы произносим, когда читаем молитву Шма. Обычно их переводят как «со всем, на что способен», но, по сути, они значат «со всем, что у тебя есть, – и более того». Иными словами: отдавая этому жизнь и все, что тебе дано, и – более того. Что означает это «более»? Именно то, что ты не в силах совершить.

В этом заключался подход Ребе: давать человеку все больше и больше работы, пока он не изменится и не станет другим. Ребе вовсе не стремился создать что-то вроде легиона «выдающихся специалистов» – он хотел, чтобы каждый мог найти для себя обитель в хасидизме. Он в буквальном смысле хотел изменить людей, самую их природу: от каждого требовал все больше и больше усилий, никогда не был удовлетворен достигнутым – ведь мы не переходили на другой уровень существования, не происходило «схлопывание» нашей личности, подобное схлопыванию «белого карлика»... А между тем должна была возникать качественно иная, более цельная личность, лишённая пустот и ущерба.

Непросто изменить даже нескольких людей рядом с собой, что же говорить о реальности в целом, которая может и должна меняться лишь в результате совместных усилий всех нас... Ребе говорил о том, что невозможно совершить, что нельзя вместить в рамки одной жизни. Но сказано: с приходом Мошиаха мы перейдем в мир невозможного и достигнем не только того, что могли, но и того, что мыслилось совершенно недостижимым.

Ребе думал о таком достижении, которое больше любой революции.

Ребе прекрасно понимал людей, – еще и потому, что многие в его присутствии раскрывались настолько, что представляли во всей своей внутренней обнаженности: проговаривали свои ошибки, слабости. Его послание нам заключалось в следующем: Бегите вперед! А если не можете бежать – идите! И если не можете идти – ползите! Но всегда – только вперед, вперед!

ВЕК ЖИВИ – ВЕК УЧИТЬСЯ...

*Ėo: o e a o i u : a i t a a : a i o a a i d e e a a e e o i e e e y, a i t e a a y i i i a i e u o a a a a e i i i i e i a i e y i a e a o
a e o a e y i e i a o a e i i i a i i o d a a a e u i e i e i e a i a d u. I a i i d a a a e e a i a u e i a u i o i a o e a a o u i y i o
i d e i a d a d a i i i a i i u o a (D a i i i e a e e : d a i i a d i i o i e a a o u i y e i .)*

Человечество в конечном счете обречено на прогресс. Даже когда не стремится к нему. Или упомянутый прогресс выходит ему боком.

Противоречие не только в том, что «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд», и даже не в соседстве этих медалей на груди. Сама созидательная деятельность, само конструктивное мышление способны давать непредусмотренные результаты, слабо согласующиеся друг с другом.

В 41-м на фронт ушли поколения, выросшие на апологии социалистического созидания, ушли, дабы разрушить многие плоды этого процесса. (Как те выращивались, как велась «прополка» – разговор особый.)

Не имея своего государства, евреи веками отстаивали интересы и территории стран, давших им прибежище. Немалое их число получило в первую мировую Георгиевские кресты за храбрость, проявленную по долгу службы, по природной добросовестности. Подобно евреям, воевавшим по другую сторону линии фронта. Те и эти были солдатами, убивавшими друг друга, выполняя присягу.

Не более, но и не менее того. Пускай не пешки, но и не воины, убежденные в высшей правоте своего армейского долга.

В наши дни, когда у евреев появилось, наконец, Отечество, им воистину есть за что сражаться. Прежде всего – когда они служат в израильских вооруженных силах, стяжавших законную славу. Лишь израильский автомат «узи» способен конкурировать с нашим «калашниковым», «калашом», как его именуют в армиях разных стран.

Не только по техническому оснащению, но и по боевым качествам личного состава израильская армия на одном из первых мест в мире. Помимо всего прочего, это «работает» и на Россию, которая, по мере разгула терроризма, все больше делается надежным военным союзником Израиля.

Сближение двух наших стран становится фактором, определяющим соотношение сил в войне со все более дерзко поднимающим голову терроризмом. Это величайшее зло нового тысячелетия дает себя знать и на Ближнем Востоке, и на кавказских границах России.

Время деклараций миновало. Геополитическая ситуация настаивает на истинно союзнической близости между странами, решительно вставшими на путь борьбы с убийцами. Без таких отношений чудовищное зло не одолеть, благополучие поколений, вступающих в жизнь, не обеспечить. Это надо хорошенько понять, глубоко осмыслить. Как говорится, век живи – век учишься...

Áιθινα αδοξίη!

9 ι αγ 2005 ααα αα ι υ οιδεαποααίι ε μ νεααι ε ια αααο ιοι αοει 60 εαοεα Ιίααυ α Ααεεεε Ιοα:αποααίιε αεία Διααεοεγ αοοίαεα «Εααει» ιθαίτεααο ι αεηεε ιιι αδ ιηηγοεου Ααεεεε Ιίααα ιαα οαοεα ιι. Παοι ααοιη, ιοαεεααοεε ια γοο οαι ο ααοο ια οίεηει α παεεαείιι αηιοηα, ιι ε α αδοαο ιιι ααο αοοίαεα

Οαη, ααη γ αααο ηαα: αη ι αηαα ιηοααοηη α αεαηο ο:αηοίεεα ε ι:αεααα ηαηοεε οαο εαο. Ιίεα ααα ια ιηαίι, ι υ ααεεε ιθαίτεαου ιαοει ε:οαοαεγι αείαο Ιιηει αηδαηεαοιε

1. Ι ηα ιι ιαη γοιιι αεγ αηγιεααα αείιυ.

Ιοααοα ια γοιο αηιθιη ι υ αααι ιο οθιιοίαεεα εεε εο αεεεεο, γαηιι ιεαοεο γοε ηιεαηαυ.

2. Ι οηι, ααα ε εαε αη αηοαοεεε Ααη υ Ιίααυ.

Ιοααου ι ιαο αηουι ο:αηοίεεα αείιυ ε ιο οθααίεεα ουεα

Ααοε ηηαυαίεγ - ια αείαα ααοο ι αοείιηεη υο ηοδαίεο - αααη αη 1 οαααεγ 2005 ααα ιι ααδαηε 103055, Ι ηηεαα, 2-ε Αηααηαααα ιαδ, α 5α; εεε ιι γεαεοθιίιε ιι:οα: lechain@lechain.ru

Αααο ι:αη υ οηοι, αηεε αη ιδεοεαοα εηιεε αείοι αιοια οίοιααοεε, δεηιίεε ε αδοαα ι αοαεαευ, εεεηηοδεθπυεα ααοε ιοααου.

Αεαηααοει ααη

Διααεοεγ αοοίαεα

ЧУЖИЕ

Èaí í eã Diãçè òí aítèé

Àéy èpáíã áãdiéñéã NÌ È áí òéñí èòèçì - àãáí ày, áá-í ày, òí òí òáí òí òí èçépáéáí í ày òáí à Ìéñòú íá yòíí áíáíéúí í òí òéáíí - áííyáò, +ááí òááòú ííy éáéèí-òí çáí èáéúí í áí òá-éíáíí í òí áéí òéáéíí, èðáíí í òí áéúí ày áéçíú à òú áá í òí éáéíé-òí òí òéáíéé áðáá... Í áéíí áy, yòí í òí òí í òé òí éíáé-áíéé í áçáí òí áí: áíéé páí òí áí áéyò èðáíí «íáí èò áááá», òí ááéé - «íáí èò páí òí áíá», ðáçáé áááòíy «páí òí áí-òí áéy».

С другой стороны, как известно, отвращение к антисемитам – одна из основ еврейской самоидентификации. Конечно, это плохая основа «от противного» (в буквальном смысле слова!), но для миллионов ассимилированных и нерелигиозных евреев только она и реальна. Значит ли это, что с исчезновением антисемитов рухнет еврейское самосознание (как был уверен, скажем, Эренбург), – вопрос спорный, но вполне абстрактный. В реальности антисемитизм может исчезнуть (не сразу!) лишь после того, как исчезнут евреи, окончательно ассимилировавшись.

Среди антисемитов всегда хватает ученых и писателей, юдофобия не только живуча, но часто бывает «интеллектуально модной». Так, может, мы и вправду что-то «такое» сделали – но ЧТО?! Попытки встать на точку зрения юдофобов порождают психоз «еврейской самоненависти».

Однако, при всей увлекательности путешествий по «дурной бесконечности» лабиринтов антисемитизма, разумно поставить вопрос шире. Все-таки не такие уж мы и исключительные – других тоже ненавидят.

Ксенофобии подвержены все нации, почти все бесхвостые обезьяны Homo sapiens, в том числе сами евреи. Никакой «солидарности обиженных» нет: например, кавказцы – первые юдофобы, но и евреи подвержены «кавказофобии». И про русских евреи часто говорят вполне «русифобски».

Ксенофобия – отвращение к чужаку, страх перед ним – естественное биологическое чувство. Вопрос «за что» – бессмысленный. Не «за что», а «почему». Потому что – ЧУЖОЙ. Чужой и на моей территории. Почти все религии наряду с «плодитесь и размножайтесь» (для СВОИХ!) словесно оформляют и другой «основной инстинкт» племени – борьбы с чужаками. «Ксенофобия» есть у всякого организма – это иммунитет. Организм жив до тех пор, пока различает свои и чужие клетки, белки, вирусы и т. д. и борется с чужими (и наоборот – пока жизнь в нем теплится – борется). Люди то же самое переносят в социальные отношения, к «чужим» возникает чувство беспощадно-сильное, как всё природно-племенное, изощренное, как всё «культурно-племенное». Такой, чисто биологический, расистский, подход, как известно, очень развит и у евреев, для верности определяющих «своего» даже не по отцу, а по матери – тут уж без обмана...

Прогресс если и есть в человеческой истории, то в том, что в беспощадных формах борьба за существование сейчас встречается редко. Новое великое смешение народов в Европе происходит без войн – культура все-таки одолевает биологию, политкорректность со страшным скрипом выдавливает расизм и шовинизм в подсознание Европы. У «культурных наций» сегодня ксенофобия есть атавизм, оставшийся от времен каннибализма, прочих прелестей зоологической родоплеменной борьбы.

Конечно, евреи вызывали и вызывают у всех народов самые сильные ксенофобские чувства. Словесно это оформляется в сложный бред – Б-га распяли, царя убили, ко мне подбираются, народ споили водкой, сами пьют кровь младенцев, работать не хотят. И – венец всего, закольцовывающий отдельные «глюки» в законченную параноидальную систему: евреи составили всемирный заговор коммунистов-капиталистов-сионистов...

Евреи – образцовые «козлы отпущения», поскольку везде были самыми беззащитными «чужими» – своего государства нет, нет статуса «иностранца», защищающего юридически, физически, а главное, психологически. В таком положении были еще цыгане. Но цыгане – народ легкий, кочевой. Погадали, наркотики продали, поплясали-попели, коней украли – и ускакали. Чужие, не претендующие на роль «своих», да и вообще ни на что, кроме развлечений и краж, не претендующие, «в печенку не лезут».

«Народ книги» – оседлый, серьезный, иудаизм глубоко диалектически переплетен с христианством, для христиан евреи «чужие» уже не на внешнем, а на интимно-духовном уровне (родственники треклятые!). Да и социально евреи, не будь дураками, претендуют – на всё! Суровая юдофобская школа заточила евреев, они стали самой конкурентоспособной нацией в Европе. Поэтому и ответ Давида юдофобскому Голиафу оказался нокаутирующим. Вы нас преследуете – а мы защищаем себя тем, что входим в вашу элиту! С XIX века гонимые евреи – самый элитарный народ Европы, их процент почти в любой элите (научной, политической, деловой) любой страны в 10–20 раз превышает их процент в населении (а сейчас в России в 100–200 раз).

Отдельные евреи в составе любой национальной элиты всегда разобщены по партиям, школам, группам; не преследовали никаких общих «специально-еврейских» целей; приносили пользу (вред) не больше и не меньше, чем другие члены элит. Но, будучи «чужими», вызывали соответствующие эмоции – и в элитах и в народе. И европейские элиты постарались (составили «всемирный антисемитский заговор»?) – разработали целую сложную юдофобскую идеологию, тот самый, освященный традицией, системный бред, ставший «мифом народов мира», неотъемлемой частью христианской культуры.

Конечно, сейчас культурная ассимиляция евреев исключительно глубока, а при сохранении нынешних темпов ассимиляции биологической в Европе через пару поколений еврейский вопрос будет – нет, не «окончательно решен», но «окончательно снят». Будет ли это означать исчезновение юдофобии и чем европейцы заполнят зияющую пустоту в своих головах?

ЕВРЕЙСКИЙ ВЫБОР УКРАИНЫ

צַיִת אֲוֵעֵי יֵאָאֶפֶר אֲאֹוֹאֶב

Yi eëü Öeäei iäe:

«Nëäy i nëä iädäü çäei apò iä çü eä äéüöä i äüä, -äi ä eüüöe», - i eüä ä XVIII ääeä i äi äöeë i eüöäü Eüüi i -Äüödeä Ääüüäð çöü, eüiä-i i: iä öäe ääüi Eeä, iädüäö ü Ääeë-äi è I iäüüüü, ä i iüü i iüüäeüe ääüiäeüep i iëeöeëö (IÄÄ Öüüü äüä iä i deäüi äeë, nëäü Ä-ä). I i ääeä äeë i deüüü äi äeüi äeä i iüüüüü öi-éö çäeü, iüiä Öeäeüä iüüü eöäeüü i ääüüüüüü öüüüüü: eäi äüü äüü i eüüüü öäeäeüäeüä, äeüi äeä eüüiäeëö i iëeöeëiä i ääüüüü è Öeäeüä çäüü i deüäe «äiäüdeäe» i äeäö çäiäüi è Üüüäe, çäüü - èö i deüäeü iä i äöäeüüi deäö, ääüi deüüü, ö äädeö i deë i iä äiäü iüä ääü.

Чтобы описать жизнь на Украине, приведу некоторые данные. Население – 47 миллионов, но сколько граждан находится на заработках в России и в других странах, точно никто не знает.

По данным Госкомстата Украины, средняя зарплата составляет около 100 долларов в месяц. Значит, реальная цифра – около 200 долларов, с учетом «черного нал». При этом брюки на рынке стоят 20–40 долларов, кожаные куртки – 250–350 долларов (в магазинах цены на фирменные товары вдвое выше). Подержанные автомобили дороже, чем в Израиле. Если и есть что-то относительно дешевое, так это продукты (мясо около 3 долларов за килограмм, сало – около 4 долларов) да сигареты местного производства («Мальборо» – 0,75 доллара). Бензин здесь стоит около 0,6 доллара за литр, любопытно, что дизельное топливо стоит дороже, чем АИ-92. Во многих областях Украины случаются перебои с подачей электроэнергии и воды.

В регионах цены ниже, чем в Киеве, но и уровень зарплат значительно ниже. Работу с зарплатой в 500 долларов найти очень сложно. В то же время пенсии недавно были увеличены до 45 долларов в месяц – почти вдвое. За последние два года новый кабинет, которому приходится расхлебывать последствия приватизации, проведенной его предшественниками, добился 14-процентного экономического роста. Историческая зона Киева отреставрирована и иллюминирована, как и центры других крупных городов Украины. Машины можно брать в кредит – в результате число иномарок на дорогах в одночасье выросло более чем вдвое. Повсюду идет бурное строительство, как жилья, так и офисных центров. Промышленность работает. Вечерами народ отдыхает в маленьких ресторанчиках, бродит по бульварам. Спокойно...

Это спокойствие поразило больше всего в момент приезда. Потому что украинские СМИ, мониторинг которых мы начали еще до приезда в Киев, рисовали такие картины противостояния и грядущего раскола, что мы ожидали увидеть перекопанный траншеями и заставленный противотанковыми «ежами» Крещатик, толпы антисемитов, штурмующих киевскую синагогу, и «бандитов от власти» в лыжных шапочках и с бейсбольными битами в руках на всех углах.

Киев остался интернациональным, его жители – коммуникабельными и приветливыми. Такая же обстановка и во многих других городах, несмотря на бытовые неурядицы. Надо было очень постараться,

чтобы расшатать это спокойствие, вывести толпы на майданы и улицы. Старались в течение полутора лет, профессионально и грамотно, за большие деньги. И добились своего. Технология разноцветных «революций», опробованная на Балканах, в Грузии и других странах, работала и на Украине. Организация, в Грузии называвшаяся «Кмара», здесь получила название «Пора» – со значком прицела на желтом флаге.

Евреев на Украине, согласно данным на 1 января 2002 года, насчитывается 105 тысяч человек. А под израильский закон «О возвращении», вместе с членами семей, попадают до 400 тысяч человек: этой примерной цифрой оперирует Еврейское агентство. Впрочем, возвращаться собираются далеко не все – многие и здесь неплохо устроены. В Верховной Раде – высшем законодательном органе Украины – более 20 депутатов, которые не скрывают своих еврейских корней. Один из них, Михаил Бродский, даже выставил свою кандидатуру на пост президента страны. В Киеве работают синагоги, и охрана возле них пребывает в блаженной скуке: нападений, слава Б-гу, нет. Рестораны «Цимес», «Наша Хайфа» и другие принимают посетителей. На Бессарабском рынке периодически звучит ивритская речь; израильтяне активно делают в Киеве бизнес – держат магазины и рестораны, торгуют лесом, работают в СМИ, строят здания.

Часть евреев Украины, как и везде, пытается «мимикрировать» под окружающую среду, другая, напротив, возвращается к корням. Иногда доходит до смешного. На Суккос в одну из общин приехал «новый» украинец, еврей по национальности. Ткнул пальцем в сукко, поинтересовался: «Это еще что за шалаш?» Собравшиеся как могли объяснили. Визитер поморщился и сказал с возмущением: «Ну что за позорище, денег нету, что ли? Так скажите, каменную построим!..»

Когда мы пришли в кафе «Маккаби», собравшиеся здесь за столиками украинцы и евреи поглощали кошерную пищу, внимательно следя по телевизору за происходящим на площади Независимости. С телеэкрана вещал Ющенко. Мы пришли сюда вместе с оператором израильского «9 канала», и единственный присутствующий в кафе человек в кипе поднял страшный шум, требуя, чтобы мы перестали его снимать, что сначала надо получить разрешение, что в стране не то время... Снимать поэтому предпочли не его, а оказавшуюся здесь Наталью Нерубавскую, редактора журнала «Интерьер». На сумочке у нее была аккуратно повязана оранжевая ленточка.

– Я голосую против власти, потому что не хочу, чтобы Украина была страной эмигрантов. Я хочу, чтобы она стала страной реэмиграции, чтобы те, кто уехал, возвращались обратно, – пояснила Наталья, после чего передала привет своим друзьям в Израиле.

По Петровскому вещевому рынку спокойно бродили люди в одеяниях ортодоксальных иудеев, прицениваясь к товарам. По-прежнему велико количество паломников, съезжающих в Умань: могила рабби Нахмана из Браслава в этом маленьком городке неподалеку от Хмельницкого содержится в прекрасном состоянии, рядом продают альбомы и сувениры.

В восточную и центральную части Украины, которые остались интернациональными, антисемитизм старательно привносится с запада страны, там же издается и большая часть соответствующей литературы. На площади Независимости продаются газетки вроде «Идеалиста», выходящего под девизом «Мир Вам! Огонь жидам!», и похожие книжки. Благообразная старушка продавщица доходчиво рассказала нам, как жиды растлевают украинский народ. Рядышком были выставлены на продажу флаги разных стран, в том числе сирийский и израильский...

Еврейская община свои политические симпатии предпочитает не афишировать. Еврейская пресса тему выборов обходит стороной, будто и нет их вовсе. В синагоге близ площади Победы я встретился с председателем Ассоциации еврейских организаций Украины Иосифом Зисельсом. Он сказал, что точных

цифр по голосованию не знает, ибо никто такую статистику не ведет, но еврейская община традиционно голосует за власть.

В данном случае это было неудивительно. Янукович включил в свою программу пункт о придании русскому языку статуса официального и о поддержке национальных меньшинств. Его оппонент, Ющенко, колебался: он понимал, что окружение, в котором немало националистов самого крайнего толка, его не поддержит и не поймет.

«У нас в Украине политика и бизнес тесно связаны», – пояснил Зисельс. Почти все известные евреи во власти – Червоненко, экс-мэр Одессы Гурвиц, Бродский – повязали на себя оранжевые шарфы. Гурвиц выступил в защиту газеты «Сельские вести», которая позволила себе антисемитскую публикацию, за что ее судили и собирались закрыть. «Надо различать: Гурвиц выступил не в поддержку антисемитской публикации, а против закрытия оппозиционной газеты, главного источника информации для сельских жителей», – сказал Зисельс. Продается эта газета во всех киосках и выходит тиражом чуть ли не в миллион экземпляров. На выборах она старательно агитировала за лидера социалистов Мороза, который во втором туре примкнул к Ющенко. Мне в одном из номеров особенно понравился заголовок: «Лауреаты Нобелевски та Шнобелевски», причем по соседству с другим материалом, который рассказывал, что украинского антисемитизма вообще не существует...

Уже после того, как второй тур выборов прошел и Украина оказалась расколотой надвое сторонниками главных политических лагерей, а точнее – двумя финансово-промышленными группами, за этими лагерями стоящими, в эфир израильского «9 канала» вышел Червоненко, который на вопрос ведущего об антисемитских лозунгах, появившихся на западе Украины (вотчине Ющенко, между прочим; во Львове стены были расписаны обещаниями бить «жидов и москалей»), пространно отвечал, что сам Виктор Андреевич никогда не допустит никаких проявлений ксенофобии.

Ющенко в самом деле откестился от антисемитских речей г-на Тягнибока и вышел из попечительского совета Межрегиональной академии управленческого персонала (МАУП), поставляющего на-гора до 50 % антисемитских и антиизраильских публикаций в Украине. (Кстати, в этом совете в свое время состояли и посол Израиля на Украине Анна Азари, и многие украинские политические деятели.) Но короля играет свита, как известно. А свита – «еще та»: Роман Безмертный, консультант Ющенко, «с пониманием» отнесся к действиям террористов в Беслане, чем шокировал на Украине многих. А Организация украинских националистов (ОУН), возглавляемая Козаком, опубликовала «Марш ОУН», в котором пояснила, что «незалежна Украина» им видится в границах от Тисы до Кавказа (правда, сил и политического веса у ОУН сравнительно немного).

Что до МАУП, то массовый исход вменяемой публики из ее попечительского совета произошел в начале 2002 года, после того как в конце 2001 года на Украине появилось «Палестинское посольство», которое заключило с МАУП договор о сотрудничестве. По данным еврейских организаций, только по известным каналам в МАУП было перекачано не менее 2 миллионов долларов – и журнал «Персонал», орган МАУП, сменил курс на резко антиизраильский, потом появилась и аналогичная газета «Персонал Плюс». Арабов на Украине немало – в местных вузах учатся тысячи студентов. Дмитро Корчинский, лидер партии «Братство» и автор бестселлера «Революция от-кутюр», называет цифру живущих на Украине мусульман: 2 миллиона человек! Может, он и преувеличивает, но на рынке здесь можно встретить и афганцев, и турок, и азербайджанцев, и выходцев с Северного Кавказа.

А Бродский отличился во время атаки на ЦИК, осуществленной депутатами от «Нашей Украины» (блока Ющенко). Да так отличился, что глава ЦИК Кивалов просто убежал из зала – даром что в прошлом работал укротителем! Вообще-то, нескольким парням из «Беркута» ничего бы не стоило навешать депутатам «каштанов» под глаза, более того, по закону они имели право применить табельное оружие. Но пиетет по отношению к народным избранникам на Украине велик, потому лишь спустя какое-то время троих из них схватили и надели на них наручники.

Посетившая Украину в качестве наблюдателя от миссии ИВЕС Рахель Эренфельд, директор американского Центра по борьбе с коррупцией в странах СНГ и Восточной Европы, была в легком шоке от увиденного в регионах: «Повсеместно происходит психологическое давление, это недопустимо! Я сама ощущала этот страх, это нагнетание обстановки. Оранжевый цвет в день выборов – везде, но это же запрещено, так нельзя! В США, например, просто пришла бы охрана и восстановила порядок. Надо знать грань дозволенного». Схожее мнение высказал нам и директор Центра по борьбе с международным терроризмом конгресса США Йосеф Бадански, также наблюдавший за ходом выборов.

Запад, как известно, итог выборов не признал. Впрочем, изначально было заявлено, что Запад устроит только один результат выборов – если победит Ющенко. В машине наблюдателей от ОБСЕ был замечен флажок «Так, Ющенко!» Впрочем, нам ли в Израиле не знать, сколь объективными бывают господа из ОБСЕ? Совет Европы и США закрыли глаза на наличие ксенофобских лозунгов среди сторонников «их кандидата». Им не понравилась 96-процентная поддержка Донецкой областью В. Януковича, тогда как по 93,5 % за Ющенко в Тернопольской и Ивано-Франковской областях возражений у них не вызвали.

Между прочим, «москалей» на западе Украины не любят даже сильнее, чем «жидов». Одна женщина, посетившая Львов еще до выборов, наблюдала митинг под странным лозунгом: «Утопим москалей в жидовской крови»... Трижды она просила водителя маршрутного такси остановиться, чтобы выйти, – тот лишь пояснил, что по-русски она может говорить «у себя в России». Пришлось ей перейти на украинский и гордо заявить, что она не русская, а еврейка. «Так пани жидовочка! Что ж сразу не сказала!» – протянул заулыбавшийся водитель и моментально остановил машину.

О своих впечатлениях женщина рассказала потом израильской прессе. Но давайте считать, что этот случай не вполне показательный.

В Израиле большинство украинцев, имеющих право голоса, проголосовали за Януковича – 72,6 % голосов. А телеканалы предпочли показывать демонстрацию под оранжевыми флагами с лозунгами «Россия, отстань от Украины!», собравшуюся перед посольством России в Тель-Авиве... Выборный штаб Ющенко, надо отдать ему должное, работал с максимальной отдачей и профессионализмом.

Россиянам от оппозиции на выборах доставалось куда больше, чем евреям. Плакатов типа «Путин – параша, Украина будет наша» оказалось много, а транспарант «За чистоту нации», в котором вместо буквы «С» нарисовали эсэсовский значок – две параллельные молнии, – всего один.

Впрочем, «антисемитизм на Украине – это ярлык, который перед каждым выборами будут навешивать друг на друга разные политики», убежден Зисельс, и в этом с ним трудно не согласиться. Этой стране пока удастся избежать как ярких всплесков арабского террора, так и явных проявлений правого радикализма и ксенофобии. Тем силам, которые пытаются эту ситуацию расшатать, противостоят отнюдь не еврейские общины – они слишком заняты внутренними распрями и только недавно «разрулили» наконец ситуацию вокруг проекта строительства в Бабьем Яру мемориального комплекса. Пока что им противостоит дружелюбие и спокойствие самого украинского народа. С таким фактором справиться нелегко. Но работа в этом направлении, увы, ведется.

Νίτσι τὶ Αἰεεῖτᾶ ἐ Αἰ ἐὸ δὲ Ὀπὸ αἰτᾶε.

Ἐὰν εἶ ἀλλᾶ, 1965 ἄᾶ

То же – у композиторов. Только у композитора в большей мере, чем у поэта, между личным, эмоциональным импульсом и конечным результатом лежит опосредованная работа. Понимаете: можно сесть и записать, как Есенин, предсмертное восьмистишие, но я не могу вообразить, чтобы композитор записал квартет в ночь перед самоубийством. Это слишком трудно чисто технически. Слишком много нужно значков поставить на нотную бумагу. А тем более – если большое музыкальное произведение для оркестра. Тут и с компьютером ненамного легче стало... Тщательное расположение на бумаге этих точек – не дай Б-г, ошибешься. Но первоначальный импульс и у композитора – в личном.

– И у Шостаковича так было?

– Конечно, «Леди Макбет» Шостаковича отражает его отношения с женой. То, что одновременно его и притягивало к ней, и от нее отталкивало.

– С кем тяжелее беседовать – с поэтами или с музыкантами?

– Не знаю. Мне в моей жизни повезло общаться с несколькими людьми, которых условно можно назвать гениями. Это особая природа – сверхчеловеческая, конечно. Но жизнь в Америке отучает от привычки обобщать. Ты вдруг понимаешь, что каждый человек – исключительный случай. Каждая ситуация – это исключительная ситуация. Не надо обобщать и говорить: «Русские такие-то, американцы такие-то, немцы все аккуратные и точные, а французы легкомысленные...» От этого меня мои уже скоро тридцать лет в Америке почти отучили...

Однако человек пытается во всем найти закономерность. Двойной процесс. С одной стороны, жизнь – пустая и глупая шутка, подписываюсь под этими словами (Михаил Юрьевич) безо всяких. С другой стороны – в почтенном возрасте, в который я уже прибыл, начинаешь понимать (или хочется так думать), что в твоей личной жизни ничего не было случайного. Все закономерно. И некие доказательства этому выстраиваются.

Когда я юным разговаривал с Ахматовой, мне казалось, что это у нее волевая попытка, волюнтаристская – придать всему закономерность. А теперь я думаю, как она: а может, был во всем этом единый смысл?

*Νῆρι τῆ Ἀίεετα (ἰάδαυε ἡῶα) ε̄ ᾱᾱ δῖααδευε̄ ο̄ Αἰῖ ἰ Ἀοῖ ἀδῖαε̄ ἂ Ἐῖ ἂδῖα ἰ ἡῶᾱ ε̄μ̄ ἡῖ ἂ ἔϋ 9-ἡ̄
ε̄ᾱδδῶᾱ ἂ Ὀῖῖ ἂεῖῖε̄-ἂ*

Ἐῖ ἔῖ ἂῖἂ, 1956 ἂῖ

И еще. На сегодня я могу констатировать, как ко мне, к Соломону Волкову, относятся параллельно определенные социальные группы в разных геополитических обществах – в США, в Европе, в России.

– По-разному?

– Нет. Одинаковые социальные группы, не стовариваясь, относятся совершенно одинаково.

– А как к вам относится либеральная общественность? Наш с вами общий старший друг, ныне покойный Анатолий Наумович Рыбаков, – я уже не раз это вспоминала – после любого разговора мне на прощанье говорил: «Так и передай это аэропортовским идиотам».

– Прямо так и слышу интонацию Рыбакова. (Хочочет. – Т.Б.)

– Он так называл осторожных московских либералов, живущих, как и я, в Москве в писательском квартале у метро «Аэропорт». У вас в последней книге «Шостакович и Сталин: художник и царь» явлено настолько неангажированное отношение к Иосифу Виссарионовичу, что они могут вас осудить: дескать, не на ту мельницу льете...

– Уже осудили. Парадокс заключается в том, что «правая, левая где сторона?» Те, кого в России сегодня называют правыми, в США – левые. И наоборот... Моя позиция здесь по отношению к политическим разборкам в России – это позиция аутсайдера. Как у вас в одном стихотворении сказано, я – «человек отсебятины».

Да. Что хочу, то и говорю!

– Лучшие наши писатели относительно последних времен (и Искандер, и Войнович) Сталина, как правило, изображают дегенератом с низеньким лбом. А у вас он – при всей констатации злодейств – личность значительная, а?

– Он и есть одна из самых значительных фигур XX века. Сомнений в этом быть не может. Спорить не будем. Простые цифры. Сужу по недавним данным из Интернета: есть восемь тысяч названий книг со Сталиным в заголовке. Это человек, который fasciniрует пишущую и читающую публику и является одним из титанов (это для меня не качественное, а количественное определение) XX столетия. Это

первое. Второе – Сталин был прежде всего политиком. И он был – со своей точки зрения – успешным политиком. То, что он хотел сделать, он во многом сделал. Не на сто процентов, но на сто никто – ни Наполеон, ни Александр Македонский – свою программу не реализовал. На значительную часть Сталин свои задачи и амбиции осуществил... И со своей точки зрения, при которой не учитывалась стоимость человеческой жизни, он был успешен. Он умер в своей кровати – убили его, не убили... Все может быть. Умер, создав супердержаву и устранив до этого людей, которых очень многие считали гораздо более способными к управлению страной.

Νῆπι ἰί Ἀῖεῖτᾶ ἐ Ἀεᾶεῖ ἐδ Νῖ εᾶεῖτᾶ

Ἰ ἰῖεᾶᾶ, 1975 ᾶᾶ

В понимании Сталина мне, как ни смешно, очень помогли события перестройки и то, что было потом. Мы все думали, что когда произойдет либеральная революция, то, скажем, Евтушенко будет министром культуры. Он так энергично выступал! Однако мы знаем, что ему предлагали стать министром культуры, но он отказался. И ни один из властителей дум того времени не оказался способным на то, чтобы работать в новом политическом аппарате. Каждый оказался художником в первую очередь.

Быть поэтом – одно дарование, быть политиком – другое. Можно даже быть общественным, что ли, трибуном, но все равно ты не будешь политиком... Пример – Александр Исаевич Солженицын. Он оказался общественной фигурой, но не политиком. Он не сумел ничего реализовать из собственных, вполне продуманных предложений, «как обустроить Россию». Реальная политика этих его предложений не взяла. Не приняла к сведению. Он оказался менее влиятельной общественно-культурной фигурой, чем Горький...

– **Соломон, поговорим-ка о секретах мастерства. Беседа – это такой трудный жанр! Внешне – беседа, а на самом деле – портрет. Есть ли у вас наработанные приемы, или вы каждый раз ищите ключ заново?**

– Это как в браке: тебе кажется, что ты выбрал жену, а на самом деле это она тебя выбрала. Он, собеседник, тебя выбирает. У меня ведь было много претендентов, но – не сложилось. Это все люди живые и очень крупные для русской культуры. Я их называть не буду. Новую книгу с новым человеком я уже не потяну. Я отказывался за минувший год – дай Б-г не соврать – четыре или пять раз. Я был вынужден отказаться – ночами не спал, ворочался... Но отказался – должен успеть главное.

– **Как все-таки вам удастся разговорить человека, вызвать его на откровенность?**

– Первое: человек должен быть готов такое о себе рассказать, а это обыкновенно связано с подведением итогов. У человека ощущение: жизнь заканчивается, а где-то тебя не так поняли, и ты хочешь

объясниться с будущими поколениями. Именно это было, безусловно, главным импульсом у Шостаковича. Вне всяких сомнений. Та же история была с Баланчиным. И у Бродского – та же история. Он после того, как мы начали беседы, ложился на операцию... А потом – поскольку был задел, то мы время от времени, на протяжении восемнадцати лет, продолжали встречаться.

– Сколько раз вы встречались с Бродским специально для этих диалогов?

– Думаю, не меньше тридцати.

– Выпивали в процессе? Я почему спрашиваю: вы там на одной фотографии в книге сидите с бутылкой.

– В беседах я от этого, как правило, отказывался, потому что подходил к этому делу в высшей степени ответственно... Потому ко мне и друзья Шостаковича, и друзья Бродского, и друзья Баланчина, когда эти книги вышли, отнеслись с колоссальной ревностью. По правильной причине. Ведь они с ними выпивали, и дружили, и болтали, а Волков вдруг раз – выпускает книгу. Но потому Волков и выпускает книгу, что у него есть дистанция. Я не был никогда их близким другом. Все трое выбрали меня в первую очередь как профессионала. Шостакович, как и Баланчин, попробовал меня на том, на другом, на третьем. Бродский увидел, что вышел проект Шостаковича, и тоже попробовал, как оно у нас пойдет... Сначала собеседник тебя проверяет в работе. Потом вы вступаете в непростые отношения, когда первоначально происходит борьба: что он будет, а что не будет говорить...

Нієні ті Аієєіа є Єєєу Адеє

І тієєє, 1975 рік

– Довлатов где-то написал, что не понимает, как вы ухитрились дирижировать разговором с этим независимым и резким человеком, с Бродским то есть, и решались ему возражать и противоречить, «чего маэстро очень не любил». И впрямь – как?

– Речь-то – о стихах. Возражения его как раз заводили. Каждый второй его ответ был: «Нет, Соломон». И из своего опыта общения с Бродским я знаю, что если бы я сказал наоборот (с черного на белое), то он все равно ответил бы: «Нет, Соломон». Это был человек, который сначала должен был непременно вам возразить и настоять на своей точке зрения... Что меня со всем этим примиряло – я видел, как человек думает. Он иногда говорил даже: «Нет, я это переговорю». Ты видел, как на твоих глазах раскручивается грандиозный маховик. Увлекательное было зрелище. С точки зрения интеллектуальной, а не творческой. С творческой – самый гениальный был Шостакович...

– А как вы полагаете: кто такой гений?

– Гением я называю человека, который так трансформировал нечто в своей сфере, что после него эта сфера изменилась. Вся его отрасль изменилась.

Я очень увлекаюсь (некоторые не любят – «фи» говорят) этакой интеллектуальной игрой: первая десятка... первая двадцатка... Обожаю! Ментальная гимнастика. Я составляю такие списки для себя по разным поводам. Эта моя склонность в Америке нашла подпитку – здесь все это постоянно делают.

– **Такую игру любил Борис Абрамович Слуцкий.**

– Видите, я не одинок. Есть иерархия XX века. Композитор номер один? Очень долгое время это место занимал Игорь Федорович Стравинский. На глазах Шостакович с десятого примерно места продвинулся вперед... Переходим к Бродскому. Он и в первую мировую двадцатку XX века не войдет. Учитывая, что там будут Рильке, Лорка, Элиот, Бродского там не будет... А Баланчин, без разговоров, номер один в балете. Первый номер в XX веке.

– **Ясно, но мы все о других – пора о вас. Вы, Соломон, ленинградец? Или, насколько я понимаю, рижанин?**

– Мои родители – рижане. Я же родился 17 апреля 1944 года в Ходженте, в эвакуации, а через год я уже был в Ленинграде.

– **А как же вы туда, в Питер, попали?**

– Я поехал в Ленинград учиться в музыкальную школу при консерватории. А до этого с шести лет учился в рижской музыкальной школе. Отец вернулся с фронта, потеряв там ногу, а мать работала в детском саду... И пошел я учиться на скрипке. Просто потому, что я из детского садика ушел в шесть лет, а в нормальную школу брали только с семи лет. И меня родители направили в музыкальную, чтобы я не болтался на улице. Там посмотрели на руки и говорят: пойдет на скрипку. Пальцы такие. И я – скажу без ложной скромности – стал очень хорошим скрипачом. Когда я перебрался в Ленинград, то моим одноклассником в прямом смысле слова (мы сидели за соседними партами и учились у одного профессора по скрипке) был Володя Спиваков. И про нас так и говорили: «Спиваков и Волков».

– **А почему вы все-таки потом перешли со скрипки на... как бы это сказать... книги о первых скрипках?**

– Это вопрос честолюбия. Я понял, что в скрипке, хоть я давал сольные концерты и так далее, номером один я не стану. Я нашел для себя, как любят говорить американцы, нишу. Нишу диалогов. Я занялся этим очень рано. Первую статью напечатал, когда мне было чуть ли не лет тринадцать. Или пятнадцать? По-моему, об Асафьеве... Я довольно рано стал записывать разговоры. Я встретился с одним поэтом и записал с ним разговор. И напечатал его в местной рижской газете. А потом вдруг я увидел, что это воспроизведено в его книге практически дословно. Я понял: значит, мне это удалось очень неплохо сделать. А был это Андрей Вознесенский...

Я ко всем этим людям отношусь с величайшим уважением. Стихи их всегда знал наизусть. Они моей душе многое говорили. Я вам, Таня, так скажу: у меня дома стоят двадцать книжек Бродского с надписями Бродского, двадцать книжек Вознесенского с надписями Вознесенского и двадцать книжек Евтушенко с надписями Евтушенко. (И еще двенадцать книжек Довлатова.) Я, наверное, единственный в мире человек, что со всеми троими в одинаково ровных отношениях. Они, поэты, все трое мне симпатичны. Каждый по-своему. Мне нравятся их сильные стороны. А на слабости я в каждом случае глаза закрываю.

– **Вы людей прощаете – и у вас это продуктивно. В ваших книжках вообще, кажется, нет злодеев.**

– Потому что и в жизни нет злодеев. Я ненавижу только бездарностей.

– **Обратимся же к Шостаковичу. У нас людям талантливым общество, как правило, прощает все, включая двоемыслие и компромиссы, а вот гениальному Шостаковичу ничего не прощали. Почему?**

– Я сам раньше разделял все заблуждения либеральной интеллигенции. Я думал: вот Пастернак не шел на компромиссы... Да он первый шел! Он – основоположник жанра компромисса и восхваления Сталина в стихах... Да? Потом с ним вступил в творческое соревнование Мандельштам и создал свой гениальный опус о Сталине, да? Булгаков, кумир либеральной интеллигенции, написал свой «Батум» и не

стеснялся заранее торговаться и выбивать под это квартиру... Ахматова тоже написала такие стихи, потому что беспокоилась за судьбу сына.

Στέλι ή Αϊεέηά è Αέυόδää Οίεόέα

Ï ήπέα, 1975 ήά

Но ведь и Шостакович беспокоился за судьбу своей семьи, и Пастернак беспокоился, и все, кто тогда жил, беспокоились... Сейчас любят говорить на Западе, что во времена Хрущева все было уже безопасно... А кто это знал? Когда Вознесенский выходил вперед, а Хрущев на него орал, он – поэт – что думал? Что придут и заберут. И правильно думал. И правильно опасался.

Я хочу еще написать мемуарную книгу. Почему? Потому что я вижу, как на моих глазах происходит полная подтасовка реальной ситуации. Те несколько дней, когда был опубликован «Иван Денисыч», вы их помните?

– **Помню. Мне было четырнадцать лет, а мой папа ликовал.**

– С этих дней и до посещения Хрущевым Манежа был короткий отрезок, когда казалось: что-то происходит... А потом все опять всунули головы в плечи и все опять забоялись. Позднее, после событий в Чехословакии, пошел открытый террор, и ни у кого не было уверенности, что его не возьмут.

Говорят: «Чего же Шостакович брал Сталинские премии? Пять премий!» А чего Солженицын не отказывался от Ленинской премии, когда его продвигали?

А кто первый отказался от выдвижения на Ленинскую премию? Альфред Шнитке. А когда он отказался? Когда у него уже была финансовая независимость, связанная с Германией. Он понимал, что, отказываясь от Ленинской премии, не обрекает ни себя, ни свою семью на голодную смерть.

– **Вы Шнитке хорошо знали?**

– Да. Грандиозная фигура.

– **А почему вы с ним книгу не сделали?**

– Он в тот момент был не готов на такие разговоры, и от него импульсы не исходили. Повторяю: грандиозная фигура и единственный советский композитор, который по праву может себя

именовать наследником Шостаковича. При том, что он потом единственный из следующего поколения так называемого советского авангарда признался, что да, недооценивал Шостаковича... Никогда не забуду: Шнитке в 1992 году прилетел сюда, в Нью-Йорк, и у него была премьера одной из его симфоний... Мы пошли вместе на концерт, где исполнялась знаменитая увертюра Бетховена «Победа при Ватерлоо» (политическая, кстати, посвященная лорду Веллингтону) и Седьмая симфония Шостаковича, которую интеллигенция недолюбливала... Как и Одиннадцатую. Почему я уважаю Ахматову? Она-то почувствовала, что звучащие в Одиннадцатой революционные песни – не конъюнктура, что они от души и многое говорят душе... Итак, сыграли Седьмую. Шнитке поворачивается ко мне лицом. Бледный, потрясенный... И говорит: «Это великая музыка. Я ее недооценивал». Я спрашиваю: «А как тебе Бетховен?» Он: «А Бетховен не понравился!» (Смеется. – Т.Б.)

Соломон Волков и Джордж Баланчин.

Нью-Йорк, 1981 год.

Правильно: у Бетховена – случайное, заказное сочинение, которых полно у каждого автора. Но Бетховену это – заказные сочинения, отписочную государственную музыку – никто не ставит в укор. Такое почти у всех было... Прокофьев, например, написал кантату на 10-летие Октября, где от себя вставил сталинские тексты и распел их на музыку. И никто ему в укор это не ставил, как и премии, которых ему больше, чем Шостаковичу, дали.

– Почему же всё ставили в упрек Шостаковичу – и премии, и зигзаги, и странный характер? Может быть, чем человек крупнее, тем спрос с него строже?

– У Шварца об этом есть – гениально. В мемуарах. Он говорил, что «жучки ненавидят Шостаковича». Жучки... Его всю жизнь сопровождало это: «Не подам руки!» Шостаковичу – гениальному человеку – многие руки не подавали после подписания письма против академика Сахарова.

– Почему – повторяю? Кругом подлость всеобщая творилась, а за компромиссы коллеги, сами вполне компромиссные, наказывали именно Шостаковича? Какая-то в нем была, что ли, слабость сильной личности, которую люди чуют?

– Одно из моих предположений состоит вот в чем. Русская культура в своей основе логоцентрична и вербальна. И требуется, чтобы человек элоквентно (красноречиво, изящно) объяснял свою позицию. И когда Олеша выходит и элоквентно говорит, что стилю Сталина мог бы позавидовать Лев Толстой (в 1936 году), то отточенность всей речи сглаживает для вербально ориентированной интеллигенции суть. А когда Шостакович, являясь абсолютно не красноречивой фигурой, подписывает какие-то там бумажки с протестом, то давай осуждать... Причем что интересно: Шостакович никогда вреда никому своими поступками не причинял. Большинство бумаг, которые он подписывал, были просьбы. Разные просьбы о помощи кому-то.

Я специально у Елены Георгиевны Боннэр спросил, как Сахаров отнесся к этому единственному письму. Она сказала: «Г-споди! Да мы что – не понимали про Шостаковича? Другое дело – несколько академиков, это были личные знакомые, которые могли бы и воздержаться...» Более того, сейчас всплывает версия (я не знаю – так ли?), что поставили подпись в его отсутствие, не спрашивая... Он был старый, больной, абсолютно разбитый человек. Последние годы было жалко на него смотреть – он в пальто не мог попасть. Он так и говорил мне, что чувствует себя стеклянным...

– Кстати о том, что одних осуждают за конформизм, а других нет и почему. Вы ведь знали Лилю Брик и с нею тоже беседовали, да?

– Беседовал...

– А скажите, как вы объясняете, почему наша либеральная интеллигенция, зная о ее теснейших связях с наблюдательными и карательными органами и о ее политсвязи со Сталиным, все равно к ней благоволила? Многие старики до сих пор придыхают.

– Я сейчас скажу о ней как человек, у которого действительно связей с этими органами – ноль. Никаких компроматаций. Что мне дает возможность быть абсолютно объективным и спокойным в этом отношении... Да, есть недвусмысленные свидетельства того, что и Лиля, и Осип Брик сотрудничали с органами. Но я сел и составил такой список: Зоценко служил милиционером, Андрей Платонов работал, между прочим, в ЧОНе, Бабель вообще... И что интересно: все эти сведения мы имеем от них самих. О сотрудничестве Бабеля с органами мы знаем только из его автобиографии. Других свидетельств нету. Сотрудничество Платонова в ЧОНе никто сейчас не раскопал бы, если бы это не было в его автобиографии. А для меня что чоновец, что милиционер, что работник ЧК – все одно. Вот и Веничка Ерофеев работал в милиции! И все это вместе называется «правоохранительные органы». Ни в один из этих органов без соответствующей анкеты и проверки не пройдешь... Ну, позови меня работать в милицию! Я не могу. А у этих людей, значит, что-то было подходящее... И я про каждого из них понимаю – почему это было ему нужно.

Αἰ ἄδῃ Αἰσῆ αἰῆ πῆε, Νῆτῆ ἰῆ Αἰεῆτᾶ Αἰῆῆ εῆ Αἰὸσῶαῖ εῖ.

Ἰ ῖφ-Ἐῖ δῆ, 1991 ἄᾶ

Кто-то с возмущением пишет о Бабеле (и про Осю Брику тоже), что он охотно рассказывал кровавые байки... А ведь этим же занималась половина интеллигенции. Всеволод Иванов забавлял товарищей рассказами о том, как в Сибири во время Гражданской войны накручивали вражьи кишки на телеграфный столб. Меня от этих рассказов тошнит. Но я знаю крупных литераторов, которых хлебом не корми – позволь им попотчевать друг друга такими историями. Плюс – подробностями из своей и чужой личной жизни.

Но разве мы можем сказать, что Бабель был энкавэдэшник? Нет, конечно. Что касается Осипа Брика, то недавно вышел том документов под названием «Лубянка» – выясняется: Брика выгнали из органов (чем он там занимался, черт его знает), потому что он им в итоге не подошел... На эту тему как-то высказался Стасов: «Такая, – говорит, – наша несчастная русская культура, что вся она повязана с голубыми мундирами». То есть с жандармами. И там у него тоже идет длинный-длинный список людей, которые так или иначе были связаны с органами сыска.

У каждого класса – своя идеология. На сегодняшний момент... У меня стоит дома книга Олега Платонова – она только что издана (в редсовет входит, между прочим, и Лев Аннинский), и там говорится, что Сталин правильно уничтожил всех еврейских большевиков в 30-х годах, что у них был заговор – уничтожить российское крестьянство. А я скажу так: была, что называется, классовая война, в которой если бы победило крестьянство, то оно бы уничтожило всю интеллигенцию, даже и не задумываясь. А интеллигенция боролась за свое существование, за свое выживание.

– А что же тогда интеллигенция хотела, чтобы «просветившееся крестьянство» (все наши обкомы потом из него, недопросветившегося, состояли) ее любило?

– Она хотела, чтобы эти люди перевоспитались и урбанизовались. Это, кстати, была идеология и Горького. История русского гуманизма – процесс. И процесс, социально обусловленный... Лев Толстой мог себе позволить быть гуманистом определенного сорта... Есть замечательный эпизод: приходит к ним с Софьей Андреевной композитор Танеев, и она ему говорит: «А чего вы не протестуете против безобразия – студентов разогнали?» Он отвечает: «Боюсь, арестуют». А она: «Вот мы со Львом Николаичем протестуем – и нас не арестовывают». И Танеев говорит: «Как же, арестуешь вас со Львом Николаевичем!» (Хохочет. – Т.Б.) Толстой точно знал, что его пальцем не тронут...

Нельзя сказать, что Толстой желал России добра, а Горький желал России зла. Горький тоже желал России добра. И Солженицын желает России добра. Но каждый на свой лад...

– Ну, вы прямо-таки как горьковский Лука!

– «На дне» – лучшее произведение Горького. Величайшее... Если человека жизнь выводит на тот уровень, где он начинает радеть о счастье человечества (чего я не делаю), то он это осуществляет в соответствии с реальной ситуацией. А мы пытаемся наши абстрактные нормы, взятые неведь откуда, на этих людей накладывать. Они-то на месте пытались сделать лучше для страны – и нужно было каждый день сообщать.

Как я пишу в этой книге о Шостаковиче: «Даже Сталин не родился сталинистом».

– Удивительная фраза в стиле Розанова, я ее даже специально, читая вашу книжку, выписала... Вопрос: что же сделало Сталина сталинистом?

– Сталин стал сталинистом, решив, что счастья для Советского Союза можно добиться только его, сталинскими, методами. Он так решил...

Сталину досталась абсолютно невозможная страна, и он должен был в отсутствие Ленина, которого он, кстати, весьма уважал, решать, что с этой страной делать. Никаких рецептов не было. И видно, когда вникаешь в ситуацию, как этот человек маневрировал, как он пытался опереться то на большинство, то на группу людей и как нужна ему была в какой-то момент интеллигенция. И как потом он понял, что не нужна она ему совсем.

– Почему?

– Он в ней разочаровался.

– А вам не кажется, что он ревновал и завидовал, поскольку сам был несостоявшийся поэт? Творческая интеллигенция его могла раздражать своими амбициями.

– Не думаю, что у него остались поэтические амбиции. Если бы остались, он бы потом свои стихи издал, как это сделал Мао. Мне недавно одна умная женщина (мы с ней в Москве разговаривали по

телефону) говорит про Сталина: «Неужели ты думаешь, что он хоть что-то мог написать сам?» А я ей говорю: «Да он тринадцать томов написал!» Я, конечно, все это не так, как Рыбаков, проштудировал (Анатолий Наумыч Сталина знал насквозь), но прочесть прочел досконально. Нужно привыкнуть к сталинскому стилю с безусловными шероховатостями...

– **Ой, пока не забыла: Сталин, по вашему мнению, был антисемитом?**

– Нет. Он был прагматиком. Кстати. Говорили, что Мравинский не стал дирижировать Тринадцатой симфонией Шостаковича, потому что было в нем якобы антисемитское начало. Я сделал запрос человеку, который очень хорошо его знал (его оркестранту), был ли Мравинский антисемитом. И получил замечательный ответ: «Нет, он не был антисемитом – он одинаково ненавидел все человечество».

Это – сущность и Сталина. Если он считал, что в данный момент опасность для него представляют грузины, – значит, он грузин будет уничтожать. А если армяне – то армян. У него не было личных фобий ни к какой нации и ни к какому социальному классу. На каждом очередном этапе для Сталина было главное – остаться у власти и продолжать осуществлять свой долгосрочный курс... Он был идеальным политиком и безусловным фанатиком идеи.

– **Какой же идеи?**

– Идеи построения коммунизма. Вне сомнения. И он считал, что эта идея сработает. А каким путем – это он брал на свою душу и, умирая, конечно, был уверен, что выстроил великое и мощное государство и что в недалеком времени русский язык будет международным. Потому он и занялся языкознанием. Он полагал, что победа за нами...

– **Так, значит, он не был гений. Был бы гений, то просчитал бы, какой потом будет исторический откат.**

– Он был гений. Потому что выстроенное им сооружение простояло после его смерти еще сорок лет. Все придуманные им формы советской власти простояли потом четыре десятилетия как миленькие. Если бы Горбачев не открыл ворота, они бы, может быть, еще сорок лет простояли. Хотя подгнивали, подгнивали, подгнивали...

– **Соломон, вы чего – сталинист?**

– Я не сталинист, но меня эта фигура (повторяю американское слово) fasciniрует. Привлекает, занимает... Вне всякого сомнения. Мне кажется, что я понимаю логику его решений. И мне это очень интересно. И мне особенно интересно разбираться в деталях его взаимоотношений с деятелями культуры. Я эмоционально и психологически подставляю себя не на его, естественно, а на их место... Меня вообще интересуют взаимоотношения творческих людей с властью. Включая Пушкина с Николаем.

– **Вы в новой книге выступаете и как пушкинист. Особенно интересен анализ «Бориса Годунова», где вы разбираете, вслед за Пушкиным, три миссии любого художника – самозванец, юродивый и летописец... Одна миссия обычно преобладает над другими. Это ваше личное открытие?**

– У всех у нас Пушкин в голове – с детства. Мы все, как наркоманы, «на пушкинской игле». А к «Борису Годунову» я пришел через Шостаковича, который эту вещь поднял на совершенно новую, свою высоту.

Что касается означенной триады (самозванец-юродивый-летописец), то я придумал ее сам, но я очень боюсь, что вдруг кто-нибудь где-нибудь это уже сказал... А правда: к кому из поэтов эту парадигму ни приложи – работает. Да, Таня?

– **Работает. А кто тогда был Бродский по-вашему? Не без самозванства?**

– О, да! Ведь самозванец для меня – человек, который, будучи творческой фигурой, тем не менее принимает еще и участие в общественной деятельности. В тот момент, когда ты выходишь на трибуну, – всё! Но был в нем и элемент юродивости. И, конечно же, он, Бродский, ощущал себя летописцем... Для меня остался незабываемым разговор с Бродским, когда я ему сказал (и ему это страшно

понравилось): «А ведь стихотворение о Жукове надо было в “Правде” напечатать...» Державное стихотворение... Бродский во многом ощущал себя великодержавным поэтом. У него есть и антиукраинское стихотворение «Ода на независимость Украины» (1994 год. – Т.Б.).

– Ясно... А еще, Соломон, в вашей новой книжке вскользь упоминается, что вы бывали у Шкловского. Какое он оставил впечатление?

– Про него хорошо Пастернак сказал (я недавно прочел и полностью подписываюсь): «Шкловский похож на песочные часы: всё замечательно, но непонятно, который час»... Со Шкловским так: человек мыслит афоризмами, но ни один из них никуда не лезет. Не нужно... А запомнил я его таким старым человечком, которого теперь уже хорошо понимаю. У него было немного энергии, и вся она – остатки – была направлена только на творчество.

Никогда не забуду, как пришел однажды к нему и говорю: «Вот у вас там, Виктор Борисович, в “Эйзенштейне” написано, что Шаляпин пел теноровую арию. Он много вещей мог делать, но петь тенором – вряд ли». Шкловский на меня зыркнул, мигом всё уловил и в следующем издании исправил. То есть на что надо мгновенная была реакция. И когда я с ним прощался, он всегда говорил: «Спасибо, что не задержались».

– Тоже ведь афоризм... Соломон, а вы знали еще и знаменитую пианистку Юдину.

– Да-а-а... Знал. Она была точно юродивая и немного (по Пушкину) самозванка в искусстве... Великая личность. Но теперь, на старости-то лет, я понимаю: какой я был дурак! Все открыли рот: Мария Вениаминовна ходит... молится... читает запрещенных поэтов... А на самом деле все смельчаки, как мы позднее говорили с Бродским, кидали камнями в разрешенном направлении... В большей или меньшей степени.

– Как вы относитесь к православию евреев – в частности, экзальтированному, как у Юдиной?

– Я когда к ней пришел, она с первого момента стала вести меня к православию. Я первый раз у нее просидел пять часов – и к концу всё уже было решено. Я уже туда был введен. Вопрос обсуждался только о том, как моего отца в это посвятить... А со мной самим ей было всё ясно!

– Вы действительно согласились перейти в православие?

– Не-е-ет. Меня никто и не спрашивал. Она говорила-говорила, а я сидел – и всё.

– А сама Юдина рано в православие перешла?

– Очень рано. Хотя была классическая еврейка по всем статьям.

– И все-таки вы не ответили (хотя я уже заметила, что вы вообще не максималист и ничему не даете категоричных оценок): как вы относитесь к иудейскому православию? Нет ли тут предательства национального корня?

– У меня дома жена моя как бы выполняет роль морального стержня (которую Нина Васильевна выполняла для Шостаковича)... Марьяша – агностик. А я должен признаться, что я – человек слабый. И если бы я женился на особе религиозной, то – сами понимаете! Но поскольку она занимает позицию полного неприятия всего этого дела (без агрессивности), то и я туда же.

– Но и вы, и ваша жена можете дружить и с католиком, и с хасидом, да?

– У нас дома выработалось к религии общее отношение. Жена иногда говорит: «Как он, Икс или Игрек (люди, вам, Таня, известные), может называть себя христианином?» А я ей отвечаю: «А ты представляешь, каким он был бы, если бы не был христианином? Как бы он по трупам шагал... А это его сдерживает». ...

Люди любят говорить, например, так: комендант Освенцима – разве ему помогло то, что он любил Бетховена? А я говорю: «Может быть, если бы он не любил Бетховена, то он был бы много хуже. Может, он бы гвозди вгонял людям под ногти? А так его Бетховен останавливал!»

– **Вы – потрясающий человек. Вы очень наблюдательны, но не категоричны и ничему не выносите вердикты.**

– Я стараюсь. Но на самом деле мы с Марьяшей оба – жуткие слабаки. И по-хорошему завидуем сильным людям. Совсем небольшая жизненная загвоздка способна и ее, и меня вышибить из колеи.

– **Это в психиатрии называется «травматическое сознание». У тебя девяносто процентов может быть хорошего, но одна обида – и ты зацикливаешься на ней.**

– Такой Довлатов был. Я не был в числе его ближайших друзей (для этого надо было на другой шкале зашибать), но... Марьяна же с ним сделала книгу.

– **Как же! Она у меня есть – настольная книга. «Не только Бродский» – фотопортреты работы Марианны Волковой и байки Довлатова.**

– Это тоже начало жанра. Такого раньше не было в России. Она к нему очень долго приставала, что она сделает фотографии, а он – подписи к ним... Он обещал, но ускользал... И вот идем мы по Бродвею. Лето. Жарко. И вдруг – солнце перестает бить в глаза. Мы поднимаем головы – о, счастье! Это Довлатов солнце заслонил – такой он высокий. Заслонил солнце и говорит: «Здорово». И вдруг, обращаясь к Марьяне: «Ну давай делать книгу».

И всё. И тогда мы стали гораздо чаще встречаться... Другого такого невротика я не встречал. Он способен был из любой самой счастливой ситуации устроить полное самоедство, потому что где-то ему показалось, что его обидели. Или не так посмотрели. Ужас, ужас. А ведь здоровый, красивый, пользовался огромным успехом...

Ètèò Àðíàíèéé íòáá-ááò íà áíí òííí Ñíèí ííà Áíèèíáá

– Откуда это в нем?

– Страшная неуверенность в себе. Оно и заливалось алкоголем... Почему он уходил в эти запои? У него была примета, что когда он выйдет из запоя (он сам себя в них и вгонял), то всё уладится. Раз – и неприятности ушли!

– Ясно... Соломон, а что у вас происходит с беседами, которые вы вели с Анатолием Наумовичем Рыбаковым? Я часть читала в журнале «Дружба народов» – весьма интересно. Книгой все это издать не собираетесь?

– Не знаю... Я лет, наверно, пять назад нашел листок, на котором я, наверно, лет пятнадцать тому назад набросал план того, что я хочу сделать... И забыл об этом листке. Нашел и понял, что я неуклонно его осуществлял. Я планировал, что после книги о Баланчине будут разговоры с Бродским. Они растянулись, и прервала их смерть Иосифа – стало ясно, что глава о поездке в Петербург не сможет быть записана. Книга о Петербурге в моем плане называлась «Петербуржцы»: планировалось – Ахматова, Шостакович, Баланчин, и даже Бродского не было сначала... Потом вышел «Петербург», а не «Петербуржцы», но получилась замысленная книга, потому что остались эти самые столпы... Я делаю книгу в пять лет. Мне – шестьдесят.

– Шестьдесят? Ну, значит, еще минимум четыре рабочие пятилетки впереди.

– Да. Максимум четыре книги. А у меня их, наверно, десяток в голове. Вот почему я уже не соглашаюсь на новые вещи. Дай Б-г (если Б-г даст, или судьба, или гены мои) сделать что есть... Я не собираюсь стать специалистом по, условно говоря, Ирине Денежкиной. Все мои темы – в контексте сталинской или постсталинской культуры. Что называется, «советская культура». У нас с вами есть бесценное достоинство: мы жили в это время!

Αἰ ἀδελφεοὶ Ἀπόστολοι, ἡμεῖς ἵπὲρ ἡμᾶς ἵνα ἀγαπήσῃτε τὰ ἀγαπῶντάς. Ἰούλιος-Ἐπίσκοπος, 1996 μ.μ.

Сейчас ко мне стали обращаться американские специалисты по Шостаковичу. Молодые. За консультацией. И я вдруг вижу (что наполняет меня некоторым ужасом): вот человек – он проработал всю литературу, но от того, что он не знал этих людей, он не понимает их настоящих мотивов. Он вынужден оперировать только опубликованным или архивным текстом. А я-то этих людей знал и знал их незафиксированные мотивы... Мотивы... Мотивы... Почему человек в данный момент именно так выступил? Что он при этом имел в виду? Какой он хотел цели достичь? Почему он на этом этапе объединился, условно говоря, со Свиридовым, а на другом – с Шостаковичем, а на третьем – с Хренниковым... Это всё непонятно, если не знать скрытых мотивов и если не ощущать личных симпатий и антипатий.

– Потом вы ведь не только с основным героем говорили – вы и вокруг многое прощупывали...

– Вот именно. Я же знаю ситуацию изнутри. Сначала я жил в Питере и бывал у людей этого круга. Потом я переехал в Москву, нашел журнал «Советская музыка»... Между прочим, прописаться мне помог Тихон Николаич Хренников... О, знал бы он!

Ну да ладно. Переехал я в Москву. Шостакович жил в том же самом доме, где журнал расположен. На Огарева. Я когда в Москве был после долгого перерыва (в Питер-то я из Америки раньше навещался), то понял – всё, абзац... Нет уже журнала «Советская музыка», нет ничего.

А раньше я приходил к себе в редакцию (я там был старший редактор), и Шостакович мне звонил утром, часов в десять: «Соломон Моисеевич? Говорит Шостакович Дмитрий Дмитриевич». Он всегда так аккуратно представлялся, чтобы не было никаких недоразумений, потому что – давным-давно, в юности наверное, некое унижение было... Кто-то не узнал... «Не могли бы вы ко мне зайти?»

Ха-ха-ха! Не мог бы я?.. Да я тут же всё бросал и сломя голову бежал в другой подъезд. Несколько этажей вверх – и я у него.

– А когда-нибудь эта знаменитая книга ваших бесед с Шостаковичем выйдет нормально и в полном объеме на русском?

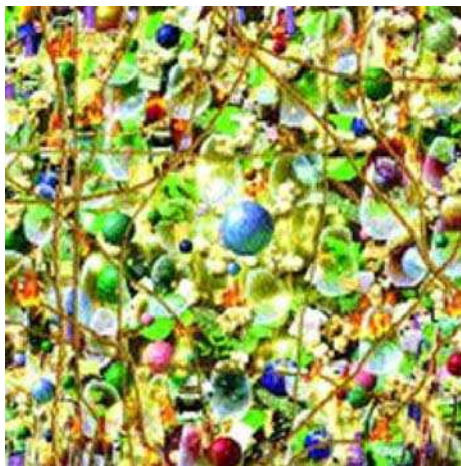
– Конечно, выйдет.

23 нәиә оҗады 2004 Ыҫп-Ғиҫе

НЕРОЖДЕННЫЙ МЛАДЕНЕЦ

Меер Кугелов

Война – жуткая вещь. В любое мгновение кусочек раскаленного металла может отправить тебя к праотцам. Или – что еще ужаснее – сделать калеккой. Грязь, вши, крысы, скудная пища сопровождают фронтовые будни... Но как ни туго нам приходилось, молодежь в часы затишья все равно мечтала о Прекрасной Даме. У нас в стрелковом батальоне женщин не было. Они вообще казались нам полумифическими существами с далекой планеты по имени Тыл.

Как-то днем, глубокой осенью 1944 года, дежурный телефонист заорал во всю мощь своих голосовых связок: «Капитан, баба!» – и протянул мне телефонную трубку.

Женский голос поставил меня в известность, что я должен явиться к комбату ровно в 19.30. Вот тебе на! Откуда у нашего престарелого Бати взялся боец слабого пола?

Батальон в то время занимал оборону на пахоте. Кругом – ни кустика, ни канавки. В светлое время суток голову не высунешь. Только с наступлением темноты нам приносили еду и боеприпасы, уносили раненых, хоронили убитых.

Ординарец, не дожидаясь указаний, принялся надраивать выходные сапоги до зеркального блеска. Началась процедура бритья и подшивки воротничка.

На этот раз офицеры, как по команде, прибыли в штаб раньше указанного времени. При свете коптящей гильзы от артснаряда в глаза мне бросились изуродованная мочка левого уха, черные, цвета вороньего крыла, коротко стриженные волосы. Лица девушки видно не было. На плечах у нее я заметил погоны старшего сержанта. В другие времена взгляд мой вряд ли выхватил бы из толпы именно ее заурядную фигурку. Но в промозглом блиндаже с нарами из неотесанных березовых жердей, с жидкой грязью, хлюпающей под ногами, она показалась мне едва не богиней.

Старший сержант представилась: «Ирина. Начальник радиостанции». Шел четвертый год войны, однако для связи с полком батальону впервые выделили рацию. Не помню, о чем была речь на очередных «посиделках» у комбата. Но лицо радистки все-таки рассмотрел. А фигура... Фигура просто поразила своим изяществом.

В расположении роты солдаты копали ход сообщения, переговаривались, шумели, а у меня перед глазами неотступно стояло лицо Ирины. Чтобы привести себя в нормальное состояние, я выхватил у взводного лейтенанта лопату. Без передышки швырял комья глины, пока гимнастерка не отсырела от пота.

Презрев строжайший запрет на личные разговоры по полевому телефону, часа в два ночи мы с Ирой поболтали. О чем – тоже сейчас уже не припомню. Зато не позабыл, что голос ее звучал мне тогда музыкой судьбы.

По телефону говорили почти каждую ночь, но встречались очень редко. Новый 1945 год отмечали вместе с остальными офицерами батальона. Меня усадили рядом с Ирой. Я не мог оторвать взгляд от девушки и до утра мечтал о несбыточном – прижаться губами к ее губам.

В первых числах января полк вывели в армейский резерв. Начались усиленные тренировки, одна за другой прибывали маршевые роты. Большинство солдат сменили винтовки на автоматы. После целого дня усиленной боевой подготовки позвал я Ирину погулять. Шли мы через лес, он становился все гуще, и вдруг потерялась тропинка. Не пойму, как вышли к брошенным немецким блиндажам. Кое-где в них сохранились чугунные печурки, лампы со стеклами, разная кухонная утварь. Развели огонь, зажгли лампу... Такую ночь человеку суждено пережить лишь раз в жизни. На двадцать втором году я впервые ощутил на своих губах солоноватый вкус девичьих губ. Под утро, уже в расположении батальона, встретили командира полка. Он глянул хитро на наши глуповато-счастливые физиономии и то ли в шутку, то ли всерьез поинтересовался:

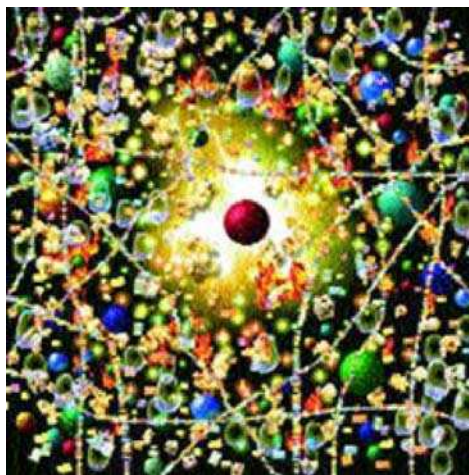
– На свадьбу позовете?

– Если Ирина согласится.

– Я согласна. Хоть сегодня! – зардевшись, проговорила моя подруга.

Полк стоял в прифронтовой полосе до середины марта. Как и бывает в армии, всё произошло внезапно. Приказ – и тотчас долгий ночной переход. На рассвете рота попала под мощный артиллерийский обстрел. Двоих бойцов из пополнения убило. Тогда-то и началась черная полоса в моей жизни.

Чтобы наметить ориентиры, я поднялся на бруствер траншеи. Пуля задела бедро, хоть и не сильно. Ротный санитар уговаривал меня отправиться в госпиталь, но перед наступлением мне и в голову не могло прийти оставить своих солдат. Пять ракет пересекли небосклон, еще гремели пушечные раскаты, но уже послышалось мощное «Ура!». Я бросился к отбитой вражеской траншее, пробежал метров двести, но вдруг упал от сильной боли. В сапоге хлюпала кровь.

Госпиталь был переполнен ранеными. В первую очередь врачи оказывали помощь тяжело пострадавшим. Я к этой категории не относился. То ли на четвертый, то ли на пятый день температура поднялась до сорока с лишним. Сознание мутилось. Нога опухла, одеревенела. Пришла женщина-хирург, осмотрела рану. Сквозь забытие услышал фразу:

– Нужно ампутировать.

Я еще смог произнести: «Лучше смерть...» Болеутоляющее на меня почему-то не подействовало, и боль была ужасная. Но рану все-таки очистили от гноя. Дня через три с помощью палочки я выкарабкался из госпитальной палатки на свежий воздух.

Прошел несколько шагов и не поверил чуду: по дорожке бежала Ирина с букетиком подснежников. Упав мне на грудь, зарыдала в голос:

– Комбата похоронили!

Я стоял потрясенный. Погиб наш Батя, с которым почти год мы воевали плечо к плечу!.. От Иры узнал, что батальоном временно руководит начальник штаба. Командиром же назначили меня. Повышение по службе, честно признаться, особой радости не принесло. Боевые действия близились к концу. Военная стезя меня никогда не привлекала. Я жаждал возвратиться в институт, откуда ушел на фронт почти сразу после нападения Германии на нашу страну. Прощаясь, Ирина вдруг заговорщицки прошептала:

– Главную новость узнаешь, когда вернешься в батальон.

Отчего-то я не обратил особого внимания на ее последние слова. Дня через четыре после прихода Иры хирург, сменив гнев на милость, выписала меня из госпиталя.

– Лети к своей черноглазой... Меня вот, сероглазую, никто не ждет.

Я был уверен, что эта женщина – старуха. Кто мог ее ждать?! А ей тогда шел всего только 29-й год.

Быстро добрался до штаба дивизии. По натянутым проводам определил местонахождение телефонной станции, открыл дверь. Незнакомая телефонистка в звании ефрейтора заговорила со мной на «ты»:

– Не звони... Иру похоронили вчера вечером... – В блиндаже раздались громкие всхлипывания. Оказывается, Ира одно время служила вместе с телефонисткой. От нее узнал, что меня нарочно не оповестили о похоронах. Ира подхватила брошенную немцем гранату: взрывом ей и снесло голову.

Командир полка не стал меня утешать. Налил по полстакана. Не чокаясь, не произнесши ни слова, выпили, долго стояли...

Потом подполковник сказал, что его адъютант отведет меня на сельское кладбище, к братской могиле. А в 21.00 я должен доложить ему о вступлении в командование батальоном.

Война заканчивалась. В июне 1945 года я уже служил на южной границе.

В середине 70-х годов приехал в санаторий. В Юрмалу, что на Рижском взморье. И в тот же день отправился на деревенский погост. Оказалось, братское захоронение военных лет еще в 50-х годах перенесли на территорию административного центра. Возле маленькой церквушки – скорбный мемориал. Сотни имен тех, что пали в годы второй мировой. На скамейке рядом с мемориалом заметил пожилую пару. Проходя мимо, услышал фразу:

– Майне тохтэр! Майне Итэ!

Идиш, который я знал с младенчества, меня особенно не удивил. Мы разговорились. Я услышал, что супруги приехали из Белоруссии на могилу погибшей в бою дочери. Мать протянула мне фотографию девушки в военной форме с погонами старшего сержанта. Я потерял дар речи. На меня смотрела Ирина – моя первая любовь. Женщина объясняла тем временем, что девочка изуродовала себе ухо еще до войны – упала на стекло, поранилась...

Обессиленный, я опустился на скамейку. За фотографией последовало письмо, аккуратно уложенное в целлофановую папочку. На конверте – четкие цифры почтового адреса нашего батальона. Первые строки помню до сих пор: «Мама, я влюбилась по-настоящему. Его зовут (далее шло имя, под которым меня знали в батальоне). Мамочка, не падай в обморок, я жду ребенка. Скоро приеду к тебе рожать. По-моему, мой любимый нашей национальности. При следующей встрече узнаю. Сейчас он в госпитале, на днях вернется в часть».

Так вот какой секрет хотела мне открыть Ирина! Впрочем, по-настоящему ее звали еврейским именем Ита. За полтора года знакомства национальные проблемы мы не обсуждали ни разу. И она так и не узнала, что при рождении мне дали имя Меер.

Химическим карандашом в конце перечня убитых героев написал: «Нерожденный младенец Иты и Меера».

С новыми знакомыми скоротали ночь на ступеньках церквушки. Общее горе сближает.

СТАТУС ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Ирма Фадеева

Окончание. Начало в № 11, 12, 2004

В 1840 году правительство приняло новый уголовный кодекс, во многом ориентированный на европейские правовые нормы, хотя прежние, как христианские, так и иудейские, продолжали действовать в миллетах.

В 1862–1863 годах был опубликован органический статут для христианских миллетов. Он должен был уменьшить в них власть духовенства и увеличить значение светских институтов.

Османские евреи получили такую хартию в 1865 году, но никакого энтузиазма в общинах она не вызывала. Этот проект внутренней реорганизации немусульманских общин был продекларирован и в новом хатт-и-хумаюне 1856 года. Правительство преследовало цель уничтожить религиозный антагонизм и межобщинные конфликты, чтобы обеспечить османское братство и равенство граждан; этими иллюзиями оно тешилось несколько десятилетий.

В 1868 году по образцу французского Государственного совета был учрежден османский Государственный совет (Шура-и-девлет) во главе с министром-президентом. В 1873 году совет имел четыре отдела: законодательный, административный, арбитража и общественных работ (последний вскоре был закрыт). Из 16 занятых в этом учреждении советников трое представляли немусульманские общины; это были грек, еврей и армянин.

Atō dātēē ātā Nōāi āē. Adāpā XIX ā

10 мая 1869 года на первом заседании совета выступил султан Абдул Азиз (1861– 1876). Он подчеркнул характер нового учреждения: «К какому бы вероисповеданию ни принадлежали наши подданные, все они дети одного отечества. Религиозные различия не должны быть поводом для розни между османскими подданными, поскольку у нас существует свобода вероисповедания».

Недостатка в подобных декларациях не было, но в некоторых соседних государствах, например в России, даже до деклараций дело не дошло.

Вскоре в совете начались разногласия, его реорганизовали, и шутники придумали ему новое название – «Шура-и-эвет» (игра слов), что означало «соглашательский совет».

Один из крупнейших османских реформаторов XIX века – Фуад-паша, неоднократно занимавший пост великого везира, был серьезно озабочен плачевным состоянием дел в империи. Для него интересы государства были выше устаревших догм и предрассудков. «Если какой-нибудь паша, – писал он, – молится Б-гу по закону Моисея или по христианским заветам, то это не причина для того, чтобы мы лишали себя пользы, приносимой его службой. Но если тот же паша, не признавая единства нашего

отечества, мечтает о Византийской империи или стремится служить Киликийскому царству, то он перестает быть лояльным слугой и должен быть устранен».

Его коллега и единомышленник Аали-паша обратил общее внимание на принцип равенства, провозглашенный в годы французской революции: «Каждый индивидуум свободен и равен любому другому». При этом Аали-паша подчеркнул, что в Европе отсутствует узаконенная религиозная дискриминация.

В XIX веке на службе Порты состояло немало христиан, в основном греков и армян, которые занимали даже должности министров. Что касается евреев, то они в этот период, по существу, оставались в стороне от набиравшего силу процесса модернизации немусульманских общин империи.

В XVII веке становятся заметными признаки упадка еврейских общин Османской империи, контрастировавшие с возрождением и укреплением христианских, объединенных идеями национальной независимости.

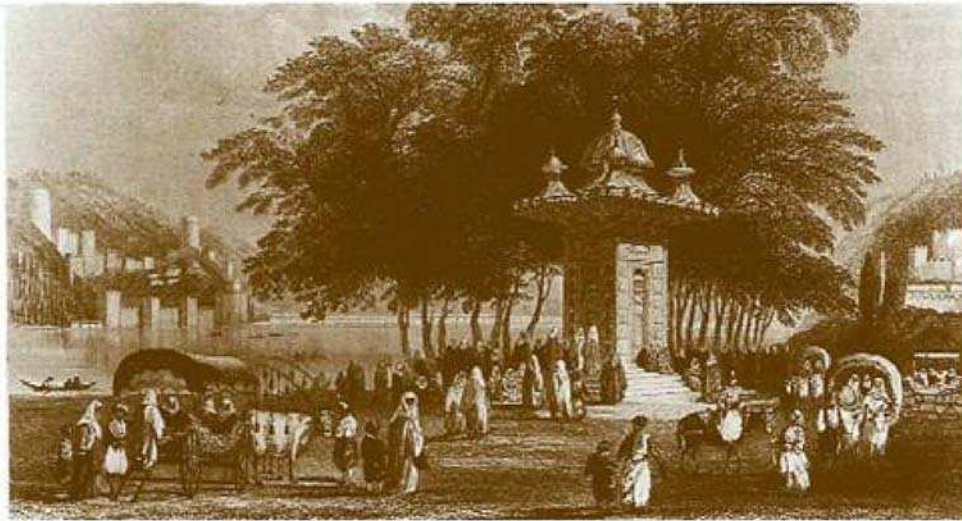
В числе причин постепенной деградации еврейского населения называют непомерные налоги в этот период, постоянные нападения янычар (грабежи, поджоги), а также отсутствие сильных, влиятельных лидеров. Евреи сдают свои позиции в экономике армянам и грекам, проигрывая в ожесточенной конкурентной борьбе.

В Османской империи модернизации общинной жизни в большой степени препятствовали внутренние неурядица. Призывы к всееврейской солидарности отчасти помогли всё-таки сгладить длительные распри между сефардами и ашкенази.

Евреи начали изучать турецкий язык, чтобы иметь возможность, в соответствии с султанскими рескриптами, занять государственные должности.

Социально-культурный разрыв османских евреев с христианскими этносами так и не был преодолен вплоть до младотурецкой революции 1908 года, хотя никакой правовой дискриминации евреев уже не было. Первая турецкая конституция 1876 года подтвердила равенство всех османских подданных. В числе депутатов первого османского парламента были евреи; двое прошли в сенат, еще двое – в Государственный совет. Секретарем совета, кстати, тоже назначили еврея. Но христиан в государственном аппарате было, конечно, много больше. Из таблицы соотношения числа мусульман и немусульман на государственной службе в позднеосманский период видно, что евреи занимали в ней весьма скромное место, да и то в низших разрядах османской бюрократии.

При султane Абдул Хамиде II (1876– 1909) экспертами в администрации дворца и в казначействе служили, в основном, армяне, тогда как в XVI веке евреев при дворе было немало. В османском министерстве иностранных дел с 1850 по 1908 год на 366 чиновников приходилось 107 немусульман: 30 греков, 52 армянина, 12 евреев (сефарды, ашкенази и караимы), 7 арабов-христиан из Ливана и Сирии. Кроме того, там состояли на службе 6 европейцев, не являвшихся османскими подданными, то есть иностранцы. Среди них были католики Леванта.

Àëã í à Ðóí àëè-Õèçàð è Áí àíëó-Õèçàð

Áííóíà Áðàçðà XIX á

В конце XIX и начале XX веков еврейские общины Османской империи насчитывали около 400 тысяч человек. В эту пору уже шла эмиграция евреев в США и другие страны, но одновременно существовала иммиграция из России, Румынии, других Балканских стран, где еврейское население страдало от погромов, грабежей и антиеврейских законов. Антисемитские предрассудки были широко распространены не только среди греков, но и среди армян, среди балканских славян. Все эти народы, нередко по разным поводам, враждовали между собой. Но едва у кого-либо из них возникал конфликт с евреями, остальные тотчас объединялись с прежними врагами – примерно так же, как сегодня это делают арабы. Арабы повторяют и антиеврейские нелепые наветы, и тактику нападков, позаимствованную у христиан: те старались приурочить провокации и погромы к еврейским либо христианским праздникам.

Как уже говорилось, большое значение во взаимной антипатии евреев и христиан, помимо религиозных предрассудков последних, имело торговое соперничество, особенно в Македонии и Западной Анатолии, где было много греков.

Христиане обвиняли евреев в колдовстве, порче, насылании хворей, от которых сами евреи, естественно, страдали не меньше других. Вполне обыденным для христиан были оскорбления в адрес евреев, насмешки над ними, бойкот еврейских торговцев, создание препон для предпринимательской деятельности, дискриминация (христиане старались не брать евреев на работу под предлогом, что тем запрещено трудиться в субботу и т. д.).

Отношения евреев и турок были много спокойнее. Хотя и среди турок идея кровавого навета пользовалась популярностью. В документах альянса содержатся сведения о том, что даже султан Абдул Хамид II не был вполне убежден, что обвинения целого народа в использовании крови христианских младенцев является абсолютной клеветой. Тем не менее серьезные инциденты в среде турок, основанные на этом предрассудке, как и конфликты на почве экономики и политики, были крайне редки.

Однако в Восточной Анатолии, где компактно проживали курды, ситуация сложилась иная. В Диярбакыре, Урфе, Мардине и некоторых других городах курды преследовали еврейские общины, принуждая их платить налоги сверх тех, что уже были уплачены турецким властям. Попытки протестовать немедленно и жестоко подавлялись. Вымогатели, в силу безнаказанности, действовали всё более нагло. К концу XIX века еврейские общины вилайета Диярбакыр были разорены, их население год от года заметно сокращалось.

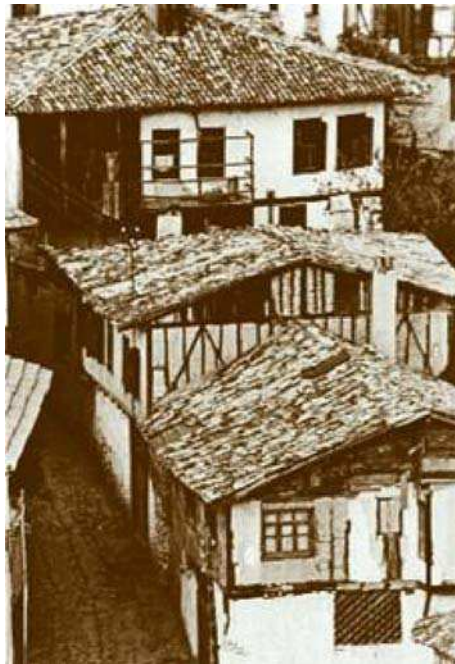
В Мардине дела шли не лучше. От небольшой общины в 500 человек, по данным начала XX века, к 1906 году остался лишь один еврей, охранявший синагогу. Его не трогали, поскольку жители города ценили его как предсказателя. Многие евреи, покинув Восточную Анатолию, уехали в Палестину, в Мосул, в Западную Анатолию, где серьезных проблем не было. Однако евреи уезжали из многих европейских и

азиатских районов Турции не только из-за преследований, но и по другим причинам. С 1899 по 1912 год из Европейской Турции в США выехали 4604 человека, из Азиатской – 3230.

Если же взять в целом сосуществование евреев с мусульманами на османской территории в XIX – начале XX века, то оно было гораздо более мирным, нежели существование на этих же территориях мусульман и христиан. Уже шла речь о том, что относительное экономическое благосостояние мусульман несколько умеряло антагонизм этих двух сообществ. Но когда экономическое равновесие нарушалось, власти сами нередко инициировали грабежи и погромы христианских кварталов. Христиане же, составлявшие значительный процент населения, опасались вступать в открытый конфликт с мусульманами, фактически хозяевами всех османских земель, в том числе Ближнего Востока, и отыгрывались на евреях. Евреи поэтому никогда им не сочувствовали и никогда их не поддерживали в борьбе против мусульман, хотя и сами время от времени становились жертвами последних. В целом же отношение мусульман Сирии, Египта и других территорий Ближнего Востока к евреям после реформ Танзимата не изменилось, поскольку те не требовали себе новых прав, провозглашенных султанскими указами 1839 и 1856 годов. В 1840 году известный исследователь Убичини писал об османских евреях: «Их спокойствие под османским управлением столь разительно противоречит волнениям и бунтам других реайя... что объясняется частично мирными обычаями и расположением евреев, не возбуждающими недоверия Порты... Будучи терпеливыми, трудолюбивыми и покорными судьбе, они вместе с тем не производят впечатления униженности, несмотря на ряд старых законов (например, против роскоши), которые их дискриминировали».

Ранги чиновников	Мусульмане-традиционалисты	Мусульмане-реформаторы	Греки	Армяне	
Ранг везира	1	12	3	4	
Высший ранг	4	9	7	6	
Первый ранг первого класса	13	23	13	15	
Первый ранг второго класса	18	20	17	23	
Второй ранг первого класса	22	15	13	15	
Второй ранг второго класса	16	5	17	12	
Третий ранг	10	9	10	12	
Четвертый ранг	7	2	-	4	
Пятый ранг	-	1	-	-	
Чиновники вне рангов	9	4	20	10	

Евреи продолжали платить местным властям прежние налоги, что в известной степени защищало их жизнь и имущество от набегов и грабежей. И хотя такие «отступные» не всегда были надежны, во время бунтов и мятежей они все же спасли многих. Евреи старались не провоцировать враждебность мусульман к себе по политическим вопросам, ибо не слишком были обрадованы «всеобщим равенством», что провозгласили в годы Танзимата. Их устраивали религиозные и экономические привилегии, которыми они пользовались в османском государстве и мало интересовали иллюзорные политические права; права эти они вполне обоснованно считали недостижимыми в реальной жизни.

Άἰὶ ἀΝαὸδαῖ ἁεία

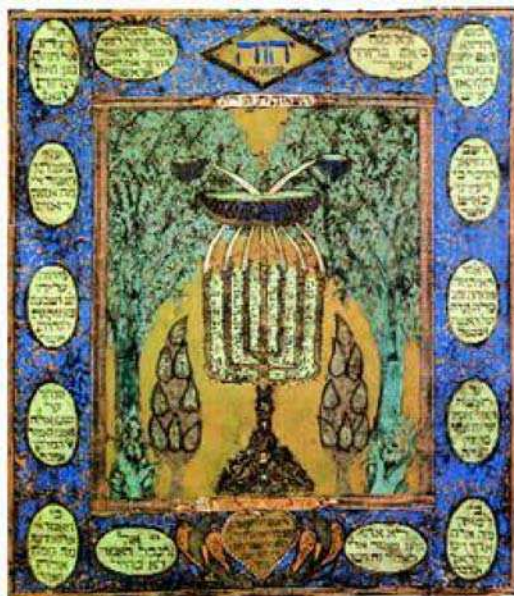
Демонстрируя лояльность османским властям, они приобретали симпатии мусульман в периоды мусульmano-христианской напряженности. Во время греческого восстания и войны за независимость евреи иногда пассивно, а подчас и активно занимали сторону турок. Точно так же они себя вели во время Крымской войны 1853–1856 годов и христианских бунтов в Дамаске. Экономический и религиозный антагонизм христиан и евреев Ближнего Востока длился столетиями, причем верх брала то одна, то другая сторона. Например, в конце XVII – начале XIX века евреи Дамаска и Акры сумели одержать победу в экономическом состязании с христианами. В финансовых и административных делах Дамасского и Сидонского эйялетов (эйялет – крупная административная единица) главенствовала семья Фархи. Но в 1820 году Хаим Фархи был казнен, а его имущество конфисковано. Евреи утратили многие позиции в Дамаске и Акре. А выигравшая этот раунд борьбы семья Бахри (греки-католики) сумела подняться очень высоко. Ее представитель, Хана Бахри, некогда скромный секретарь провинциального учреждения, в годы египетской оккупации Сирии был назначен Ибрахим-пашой любаширом (управителем) финансов всей Сирии и председателем вновь организованного совещательного совета в Дамаске. Он укрепил новую администрацию христианскими чиновниками, всеми методами устраняя евреев-конкурентов. Апогеем противостояния стал дамасский антиеврейский процесс 1840 года, инициированный греческими монахами при поддержке французского консула-юдофоба. Обвинители провалились, и вновь сложилась мусульmano-еврейская коалиция против христиан. Теперь евреи могли более успешно защищаться от нападков последних, а в особенности от домыслов насчет кровавого навета. В целом же ситуация на Ближнем Востоке и в XIX, и в XX столетиях отличалась нестабильностью. Возраставший с середины XIX века мусульmano-христианский антагонизм, в значительной степени подогретый султанскими ферманами от 1839 и 1856 годов о равенстве османских подданных, привел к драматическим событиям. В 1860 году в Дамаске имели место многочисленные христианские погромы, которые повлекли за собой вмешательство европейских держав, протесты послов в Стамбуле.

На территории Ирака еврейские общины были весьма зажиточными, особенно в Багдаде, где в 1880 году они насчитывали около 30 тысяч человек, а к 1908 году уже 45 тысяч. Со второй половины XIX века Багдад и Басра вновь занимают значительное место в азиатской торговле. Долгое время евреи были оттеснены от иностранной торговли местными христианами, мусульманами и даже европейскими торговцами, включая проживавших в Ираке британцев. Но христиано-мусульманские распри расчистили евреям путь к торговым операциям. В новых условиях и британцы сочли для себя более выгодным брать евреев в качестве партнеров по бизнесу, поскольку те хорошо знали местные условия.

Набиравшие в это время силу идеи сионизма, которые возникли и успешно развивались в Восточной Европе последней четверти XIX века, мало затронули османских евреев. Тому были разные причины. Османская империя второй половины XIX века постепенно интегрировалась в мировую экономическую систему в качестве полуколонии. От реформ Танзимата, к которым турок побудила

нараставшая экономическая отсталость и политический упадок, мусульманское население ничего не выиграло.

Экономически усилились немусульманские этносы, особенно греки и армяне. Но евреи также кое-что получили от реформ. В отличие от христиан, не желавших содействовать сохранению империи, даже реформируемой, евреи принимали участие и в конституционном движении конца XIX – начала XX века и особенно в деятельности младотурецкого революционного комитета «Единение и прогресс». Они надеялись на либерализацию режима, на административную децентрализацию, на свободу частной инициативы. Именно эти блага обещал в своей программе один из видных турецких реформаторов принц Сабахэддин. В успех сионистов тогда мало кто верил. Османские евреи синицу в руке предпочли журавлю в небе.

נְהִי אֲנִי מֵעִוָּב וְעֵינַי מִן הַשָּׁמַיִם (וְדַבַּר אֵל)

יִי אֱתָנֶה עַל אֵלֵינוּ וְעַל כָּל דְּבָרֵינוּ.

Словом, евреи поддержали младотурок, а те охотно приняли их сотрудничество, поскольку греки и армяне по сути от него отказались. Они добивались полной независимости на османских территориях. Их не устраивали планы младотурок, предполагавшие целостность империи, преобладание турок в управлении, устранение вмешательства великих держав в османские дела. Младотурки начали борьбу за отмену капитуляций и экстерриториальных привилегий подданным иностранных держав, поскольку все большее число немусульман империи всеми правдами и неправдами стремилось приобрести иностранное подданство, дававшее, в соответствии с капитуляциями, большие льготы.

По Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 года Россия получила право покровительства православным подданным султана. Франция традиционно поддерживала католиков и только в порядке исключения могла оказать протекцию очень богатым евреям-финансистам – таким, скажем, как член муниципального совета Стамбула Авраам Камондо. Еврейские общины в целом, вопреки благим декларациям правительства, не были ничем и никем защищены от произвола и мусульман, и христиан.

Правда, некоторые из них, наиболее инициативные, после 1871 года приобрели итальянское подданство, но так как Италия сильно запоздала с объединением, то ее экономические возможности уступали давним и прочным позициям Англии и Франции.

De ô ôâéúú úâ í ââââéúú úâ ñññññ.

Ãâââéúú úâ í í í ââé, ííççééòâ

Ñòâì áâé, 1840-1850 ããú.

Большая часть османских евреев предпочла иллюзию возрождения и реформирования турецкого государства существованию в новых, уже добившихся или же добивавшихся независимости, христианских государствах на Балканах, предпочла безнадежной, как им тогда казалось, борьбе за собственный национальный очаг в Палестине. Опасения еврейских общин вызывала перспектива потери для Турции западных земель, которые могли отойти к Греции или Болгарии; евреев поэтому там заметно поубавилось.

Страх перед возможными преследованиями обусловил их массовую миграцию с территорий, которых в XIX – начале XX века, а особенно в ходе Балканских войн 1912–1913 годов, Порты постепенно лишилась. Евреи полагали, что лояльность к младотуркам, долго находившимся в подполье, оппозиционным султанскому режиму и пришедшим к власти в результате революции 1908 года, была для них лучшей защитой от агрессивного национализма вчерашних османских подданных, от их давнего антисемитизма. В отличие от христиан османские евреи не имели каких-либо политических целей, несовместимых с интересами турок. Не было у них и обособленных политических организаций. Даже когда сионисты сумели открыть в Стамбуле собственный «офис», они не нашли поддержки у местных единоверцев. С трудом удалось отыскать депутата-еврея, который согласился изложить доктрину сионизма в османском парламенте. Этим депутатом был социалист из Салоник Влахов-эфенди. В самой Палестине среди местных евреев у сионистов поначалу было немного сторонников.

В общем, из всех национальных меньшинств только евреи были солидарны с младотурками. Однако, вопреки суждениям многих европейских политиков той эпохи, особенно британских, утверждавших, что младотурецкая революция 1908 года была инициирована в собственных целях евреями-масонами, что комитет «Единение и прогресс» – не более чем ширма для прикрытия чисто еврейских интересов, ни в 1908 году, ни позднее евреи не занимали в новом правительстве первых мест. Османские евреи играли заметную роль в младотурецком движении, но никогда не были, да и при всём желании не могли быть силой, способной манипулировать этим движением в собственных целях. Просто интересы двух различных этносов временно совпали. Бесспорно, однако, и то, что поддержка комитета отвечала интересам еврейских общин. Тем не менее миф о масонском заговоре как истоке младотурецкой революции дожил до наших дней. Его повторяют и некоторые современные турецкие историки, например профессор Хикмет Танию.

Ḥāḏāḏī, ḥ-ācāī ēā

Ḥēāāā īāī'ōāāī: Āī ēāōā, 1865 āīā Ēcī ēō, īā-āēī XX ā Ēcī ēō, XIX ā

Те евреи, что занимали более или менее значительные посты в парламенте и правительстве младотурок, конечно, служили им верой и правдой. Они поддерживали в парламенте политику османизма, против которой резко возражали депутаты-христиане. Видную роль в политике младотурок до и после революции 1908 года играл Эммануэль Карасу. Он был в числе тех депутатов, которые пришли во дворец и потребовали отречения от престола султана Абдул Хамида. По итогам выборов 1908 года в парламент прошли четыре еврея. Позднее пятым стал депутат от Йемена. Карасу, избранный депутатом от Салоник, был опытным юристом. В 1912 и 1914 годах он заседал в парламентах новых созывов. В правительстве младотурецкого триумвирата он наиболее активно сотрудничал с Талаатом, выступавшим в защиту османских евреев. После поражения Турции в первой мировой войне и оккупации Стамбула войсками Антанты Эммануэль Карасу эмигрировал в Италию.

Виталий Фараджи в 1912 году был избран председателем бюджетной комиссии парламента. Эммануэль Салем участвовал в разработке законопроектов. Депутат от Багдада Эзекиель Сасоон занимался в парламенте проблемами сельского хозяйства и торговли. Нисим Руссо служил в министерстве финансов. Виталий Струмса был членом Верховного совета финансовых реформ. Самуэль Израэль занимал пост главы политотдела столичной полиции. Позднее, в дни июльского переворота 1912 года, вместе с лидерами младотурок он был отстранен от дел.

Даже из приведенного выше неполного перечня видно, что, по сравнению с тремя предыдущими столетиями пассивности и застоя, в последние годы империи евреи явно были вовлечены в политическую жизнь. Улучшилось их экономическое положение. Еврейские торговцы, долгое время притесняемые и вытесняемые греками и армянами, занимавшими в XVIII–XIX веках ключевые позиции в османской экономике, теперь выигрывали вследствие мусульмано-христианских конфликтов, в которых турки все чаще терпели поражение. По примеру европейских стран турки начали применять в качестве орудия политической борьбы экономические санкции. Первый бойкот 1908 года был направлен против австрийских товаров. В 1909 году греческие лавки и товары бойкотировались в связи с обострением положения на Крите, который в 1897 году под сильным нажимом европейских держав получил автономию вопреки военной победе турок. Волнения греков на острове продолжались до 1913 года, когда Крит отошел к Греции. О бойкоте греческих товаров в марте 1914 года сообщалось в стамбульском журнале «The Orient». Там же упоминалось, что во время Балканских войн и позднее бойкот распространился на христианскую торговлю в целом, но ни в какой мере не коснулся торговли еврейской.

Αἱ ἀγαθὴ ἰδιότητες. «Ἀγαθὰ - οἱ ὀφθαλμοὶ ἐὰν εἶναι ἀσθεῖς. Ἀεὶ ἀσθεῖς ἐστὶν ἡ εὐτυχία ἐν τῷ βίῳ.»

1855-1857 ἄλλ.

Члены младотурецких региональных комитетов склоняли турок и евреев к борьбе с экономической гегемонией христиан. Центральный комитет тоже призывал эти группы населения отвоевывать ключевые позиции в бизнесе. В 1912 году младотурки обсуждали методы формирования национальной экономики, концепцию которой они позаимствовали из работ немецкого экономиста Фридриха Листа. Эту концепцию популяризировал Моисей Коэн, еврей из Салоник, обосновавшийся в Стамбуле в 1912 году. Первоначально он был увлечен идеями возрождения еврейского самосознания и самоидентификации, но гораздо большего успеха добился позже, разрабатывая доктрину турецкой самобытности и национализма. Увлеченный новым поприщем, он взял себе тюркское имя Текинальп и под этим именем публиковал свои сочинения.

Младотурки доверяли османским евреям, брали их на службу, однако те становились первыми жертвами во время бунтов против комитета. В октябре 1908 года бунтовщики напали на евреев Багдада как на сторонников младотурок. В годы Балканских войн и после них евреи, как, впрочем, и мусульмане, подвергались преследованиям христиан во Франции и Македонии, откуда многие из них бежали в Анатолию. В начале 1913 года, когда возникла реальная угроза высадки греческих войск в Западной Анатолии, младотурки вооружали не только турецких крестьян, но и еврейское население.

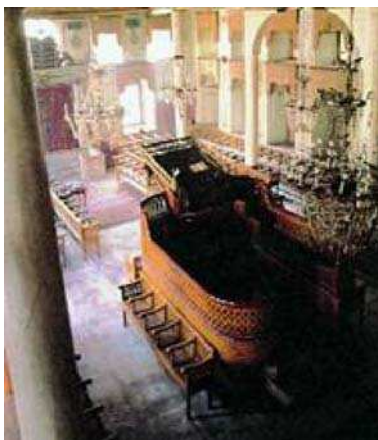
Младотурки взяли власть, когда процесс распада империи вошел в завершающую стадию. Европейские державы, давно делившие наследие «большого», вели переговоры о дальнейшей участи османских территорий.

Англия поддерживала арабских националистов в борьбе против власти Стамбула, обещая им помощь в создании нового арабского халифата на Ближнем Востоке.

Один из младотурецких триумвиров, Джемаль-паша, главнокомандующий войсками в Сирии, Ливане и Палестине, не сумел привлечь на свою сторону арабских повстанцев.

В первой мировой войне Турция выступила на стороне Германии и объявила джихад странам Антанты. Арабы, «братья по вере», джихад не поддержали, поскольку всем были известны союзнические отношения младотурок с «неверными» Германии. Началось массовое дезертирство арабских солдат и офицеров из османской армии. По приказу Джемаль-паши в 1915 году в Сирии были закрыты оппозиционные газеты, под запретом оказалось преподавание арабского языка в школах. Против турок были настроены шииты Ирака, не признававшие духовного авторитета султана. На рост арабского национализма и повстанческого движения Джемаль-паша ответил массовыми репрессиями. Были казнены многие арабские лидеры, начались депортации сирийцев-христиан, а позднее и мусульман в пустынные районы Северного Ирака и в Малую Азию. Высылались также высшее мусульманское духовенство арабских территорий. Репрессиям подверглись и сионистские организации в Палестине. В Яффе по приказу Джемаль-паши было разгромлено сионистское агентство, занимавшееся устройством евреев-иммигрантов в Палестине. Были

изгнаны лидеры-сионисты, а также евреи-иноподданные, то есть прибывшие в Палестину из других стран. Действия Джемаль-паши не только нанесли сильный удар по арабскому национальному движению, но и причинили ущерб еврейским поселенцам. Резко сократилось население Сирии, Ливана, Палестины. Страны Антанты и США получили удобный предлог для защиты христиан и евреев, а также для обоснованных претензий на арабские владения Турции. В парламентах, в прессе Англии и Франции началась кампания за скорейшее изгнание турок с Ближнего Востока и водворение там «цивилизованных» европейцев.

Интерьер синагоги. Стамбул.

Американское правительство неоднократно делало представления турецким властям о положении иноподданных, а также христиан и евреев в Сирии и Палестине. Турецкое правительство заявляло, что наказывает только виновных. В годы первой мировой войны покровительство и поддержку сионистам оказывал посол США в Стамбуле Моргантау. Не остались в стороне и германские политики. Во время войны немцы сделали несколько попыток перехватить у англичан инициативу в вопросе о Палестине, чтобы воспользоваться политикой сионистов в своих целях. В 1916 году германский генеральный штаб даже обратился к турецкому правительству с призывом пойти навстречу требованиям сионистов в Палестине.

После декларации министра иностранных дел Великобритании Бальфура (ноябрь 1917 года) о поддержке англичанами плана создания в Палестине национального очага для еврейского народа турецкое правительство было вынуждено изменить свою позицию в палестинском вопросе. 31 декабря 1916 года Талаат объявил корреспонденту одной из немецких газет о предоставлении немецким евреям права на иммиграцию в Палестину и на ограниченное самоуправление там. Вследствие этого в Берлине было основано «Объединение еврейских организаций Германии для защиты прав евреев Востока».

Турецкое правительство даже обещало ввести особое социальное законодательство, охраняющее права евреев в Палестине. В июле 1918 года германские власти получили крупные концессии в Палестине для основания там колонии немецких евреев. Но положение на фронтах для Германии и Турции настолько ухудшилось, что любые планы уже оказывались призрачными. Декларация Бальфура, изложенная им в письме к Ротшильду, вызвала взрыв негодования в арабском мире, поддерживавшем англичан в надежде на их первоначальные обещания. Англия тем временем лавировала. Фактически Ближний Восток в годы первой мировой войны оказался ареной борьбы всех против всех. Давнее соперничество Англии и Франции в этом регионе лишь отчасти сглаживалось союзничеством в войне. Британское правительство мотивировало декларацию Бальфура необходимостью получить поддержку евреев в борьбе с Германией. Союзники Англии, особенно Франция, не были в восторге от декларации Бальфура, но вынужденно ее всё же одобрили.

Бейлербей-сарай. Лестница.

Провалы в ближневосточной политике и поражения на фронтах привели к отставке Ахмеда Джемаль-паши с поста генерал-губернатора. Дело шло к окончательному краху Османской империи.

В конце октября 1918 года страны Антанты поделили Сирию, Ливан и Палестину на три зоны. Южная, английская, включала санджаки Иерусалим, Наблус, Акку. В северную, французскую, входили Бейрут, Тараблос, Латакия, а также Хасбейя, Рашейя, Баальбек, Анталья, Искендерун, Джиср аш-Шогур и другие. Остальные территории до северных границ районов Джебель, Саман и Аль-Баб составили восточную, арабскую, зону, в которой находились английские войска. Впрочем, английские гарнизоны стояли во всех трех зонах.

Арабское управление было учреждено в Хиджазе и Центральной Аравии, но и там сильно было экономическое влияние Англии.

С окончанием первой мировой войны заканчивается история еврейских общин в Османской империи. Начинается новый ее этап – в республиканской Турции, на подмандатных территориях Ближнего Востока. Евреи Балкан еще до этого оказались в независимых государствах: в Греции, Сербии, Болгарии.

С ГУРЬБОЙ И ГУРТОМ

Бенедикт Сарнов

На том же заседании, посвященном 84-й годовщине смерти Пушкина, где Блок говорил о назначении поэта, Владислав Ходасевич высказал предположение, что желание ежегодно отмечать пушкинскую годовщину рождено предчувствием надвигающейся непроглядной тьмы. «Это мы уславливаемся, – говорил он, – каким именем нам аукается. Как перекликаться в надвигающемся мраке».

Человек, у которого отняли все, хочет сохранить последнее свое духовное прибежище, последнюю зацепку, последнюю свою связь с самим собою.

Но Мандельштаму не оставили даже этого. Его убедили, что и Пушкин принадлежит не ему, а его конвоирам:

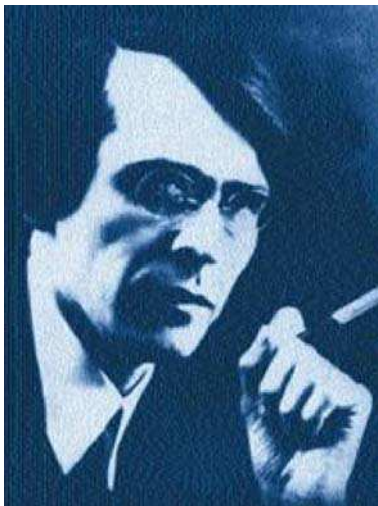
Í à ááðøíé áú ì í á ñèí áá ì í ðÿ,
í à è ã è ú ù í á ò í è ú è í ò ø è í,
× ò í á ú á á í è á è í í á í è í á á á ð á ì á í è
í á ð ú ù ì è í á ñ è á ú ù í ð ð í ø í.
Ñóó ì ÿ ò í á ÿ ð ú ñ è á ÿ ñ è á è á!
Á á á á ÿ í í á ÿ è í á è á - á ó!
Á á á á ú, ò ð í á ñ è á á í ú ò ð á á ÿ ò
è ç æ ä è á ç í ú ò á í ð í ò Á Í Ó?
× ò í á ú Í ó ø è í á - ó á í ú è ò í á á ð í á í í ø á è
í í ð ø è á ì á á ð ì í á á í á
Á ð á ì í ò á á ò á ø è í á è ÿ ò ñ í á á á í á ì è í è á ì ÿ
í ó ø è í í á á á í á -
Í í è í á ú á è ð á è ò á è è á á è í ó á ú ù ò ñ è ø è í á
Í à ááðøíé áú ì í á ñèí áá ì í ðÿ,
í à è ã è ú ù í á ò í è ú è í ò ø è í!

Тот самый Мандельштам, который сопротивлялся дольше всех, который не хотел ни за что на свете «присевших на школьной скамейке учить щебетать палачей», испытал вдруг потребность вступить со своими палачами в духовный контакт. Захотев, подобно Ходасевичу, аукнуться с кем-нибудь в надвигающемся мраке, он не нашел ничего лучшего, как крикнуть «ау!» – «трем славным ребятам из железных ворот ГПУ».

Вступая в жизнь заново, «как в колхоз идет единоличник», Мандельштам внутренне смирился с тем, что «обобществили» все его духовное достояние, даже Пушкина.

У него отняли все, не оставив ни малейшей зацепки, ни даже крохотного островка, где он мог бы утвердить свое нетронутое, не уничтоженное, не распавшееся сознание. Единственное, за что он еще мог ухватиться, – было вот это, вновь нажитое: летящая по ветру белая занавеска, кружка-жестянка, «тот с водой кипяченой бак». И можно ли упрекать его в том, что он вцепился в эту занавеску, как в последнюю ниточку, связывающую его с жизнью.

Жить, «дыша и большевая», вступить в жизнь заново, «как в колхоз идет единоличник», – это был единственный выход. Никакой другой альтернативы не было и быть не могло. Существовал только этот, необсуждаемый вариант. Не зря о необходимости жить «большевая» Мандельштам не говорит: «Я хочу». Он говорит: «Я должен!» Это вопль человека, загнанного в ловушку.

Аëääèëää Óíääíäë:: «Yòí ì ú óíëääëääàì ñý, èääèì èì áí àì íàì àóëàòüñý. Èääè ì áääèëëëääòüñý á íääèääèü àì ñý ì äääè».

Суть художественного творчества состоит в том, чтобы вытащить из себя все самое глубинное, самое тайное, самое сокровенное. Ощутить внезапную боль от самых тайных своих душевных царапин, идущих из детства, из подсознания, из самых глубин личности, – вытащить все это на поверхность и запечатлеть, зафиксировать в слове.

В стихах Мандельштама о его вине перед Сталиным («...и ласкала меня, и сверлила со стены этих глаз журьба...»), при всей их искренности, почти неощутима связь этого конкретного чувства с самыми основами личности художника. Как будто все прежние его жизненные впечатления, знакомые «до прожилок, до детских припухлых желез», были стерты до основания. Не так, как стирался прежний текст на старинных пергаментах, проступавший все-таки сквозь новую запись, а как стирается старая, уже ненужная запись с магнитофонной ленты.

В известном смысле эти искренние стихи Мандельштама свидетельствуют против Сталина даже сильнее, чем те, написанные под прямым нажимом, едва отличимые от Лебедева-Кумача. Они свидетельствуют о вторжении сталинской машины в самую душу художника.

Мандельштама держали в Воронеже как заложника. Взяв его в этом качестве, Сталин хотел продиктовать свои условия самой Вечности. Он хотел, чтобы перед судом далеких потомков загнанный, затравленный поэт выступил свидетелем его, Сталина, исторической правоты.

Что говорить! Он многого добился, расчетливый «кремлевский горец». В его распоряжении были армия, и флот, и Лубянка, и самая совершенная в мире машина психологического воздействия, официально именуемая морально-политическим единством советского народа. А всему этому противостояла такая малость – слабая, раздавленная, кровоточащая человеческая душа.

Но главная победа сталинского государства над душой художника была достигнута почти без применения грубой силы. «Заложника вечности» убедили в том, что нет и никогда больше не будет другой вечности, кроме той, от имени которой говорил Сталин.

***

Но неужели это и есть – итог, последнее звено, трагическая развязка?

Неужели игру, начатую этим нетривиальным, нешаблонным, столь необычным для него ходом (звонком Пастернаку, резолюцией «изолировать, но сохранить») Сталин все-таки выиграл? И выиграл, что называется, вчистую?

Неужели все сводится к тому же ужасному финалу, что и роман Джорджа Оруэлла, – то есть к тому, что герой нашего повествования, точь-в-точь как затравленный, замордованный герой этого романа, перед тем как погибнуть, полюбил Старшего Брата?

С этими не мирится, не хочет примириться душа.

Но мало ли с чем душе не хочется, а все-таки приходится мириться!

Нет, дело не в том, что прийти к такому выводу – обидно. Гораздо существеннее другое. То, что это – неправда.

***

В том же феврале того же 1937 года, когда Мандельштам написал свое покаянное стихотворение, обращенное к Сталину («Головой повинной тяжел...»), было написано им другое стихотворение, давшее одному исследователю (Самуилу Лурье) серьезный повод для того, чтобы назвать его причиной смерти поэта.

В своем очерке на эту тему (кстати сказать, так прямо и озаглавленном – «Причина смерти») он внимательно вчитывается в текст «экспертного заключения» Петра Павленко, послужившего основанием для последнего ареста Мандельштама, приведшего его к гибели:

«...Í ðeðíáeéíííú íáí áeíóóú - íá eíí ó-íeáóúú, á Èíðí :áí ó íðíí:áóáó, í íe, ñ áàóáe ñóíðííú, íááííí íòð! Í í, ñáí í ñáíe, íá á òíí ñ úííeá, :òí eòí-íeáóúú ááíeáeúúáe ááí íííeí ááò eèòáðáòóóú - á :òí ííáeí áííí íeúííáeéííí ááóeí ááeééíáóóeáí áí óíí úe eéáíííáíe áðáá..

È Í áòð Áí áðááe: íáí áeíóóú áçüííí. Í áí eííe, :òí e ííáíá ñòeðe Í áíááeúóóáí á òáí íú e òíeíáí ú... È áeý íðeí áðá áííeííe ñòðíóá áíáeðáeòáíí, í íe, áí ñ úííeá ñáí e, á ý çàòðáíí ýðííe

Ááá ñáýçáí íúe e íðeáííeááí íúe ñòíí?

Ááá Í ðíí áóáe - ñeáeú ííáíí íðíá e íííáíá?

À eíðeóí ááá - e áeáeòíáeáçúe áí

Áá eíáðáe, eáòýúeð eíííáeíáíí?

Í ííeíeúeó ýòí ááeííááííáý ðeòáòá á áá áíííí - á ýòíò áíííí (eèe ýeííáðóííá çáeéð:áíeá - eáe ááí áíáíí) áááeé Ááeíáá e Ñòáeéíá, :òí ñ Í áíááeúóóáí íí ííðá eíí:áóú - áááeéòá íáíáíeá çáeí áí íí eèòáðáòóóíáíáíeáí. Á:eòááí íí áí áíòá ñ íeíe e á :áóúðá ðíeíáíá ñòðíeé.

È íáí íðeááòíí íðeçíáòú, :òí áááóíeé ñòáeéííeéé :áóúðáeáú eáðááò íá ííeíóáe - óeáçe íá áeáííe, íáeçeá:eííe, íáíòáðíeííe ííðíe..

È eáe ááeééáòíí óeáçe, e eáe ñ áeí! Áðááe áú íá íòááeééíí. Áðááe áííáíá íá ááçíóe áú eðeðeéíááòúííeðe í Ñòáeéíá - á ííe, eííá:ííeá, í Ñòáeéíá: eòí áíá ó íáí Í ðíí áóáe?

Óíí ó íá áúòú-

òðààààéé íá ààðí òòü

Í í yòè í àñò òí à þ ù è á àíáú -

Í í yòè àíáú

ààíäyò ì ðyì í á ñòü

Ýñèèá-àñy:èèá, Ñí ò í èèá-è à ñ ð ú á á

Í í yòí è ì ð è á ò, Í í à á ñ á - í á ò, è á ì á ñ..

Áí ç á ò ò í í - è à ì á í í ú è ò á à ò ð

à ò à ì á í ð à ñ ò ò ú è ò

Á ñ ò á è í á í í á è, è á ñ á ò ò ð yò ò á è á ò ü á ñ á ò -

Ðí æ á á í ú ò, à è á è ü ù ò è ñ á ò è

í á è ì ò ú è á

Óí á ñ ò ü è ò í - í è á ò ü á ð á á è, á à ð ò í æ y á è ð í ò í ç á è, ð á ò è è á ú, ÷ á á á í á ð í á, ÷ ò í á ñ á á í í ð y á è á í ñ è ò á í è ü è ò á è ñ í è á í á í ð í ò è è ÷ á è í á á è ò á ð í, è í á è í í á ò - ò í í í í ð á à è è ü è ñ ÷ è í y á ò ò í, ÷ ò í á ñ á - í í è á ÷ ò í á ñ á í á ñ á ñ á è á è á á ñ á, í í è è ò á á á á í á ÷ á è í, á í á ñ á è - á á è í í á æ è á í í á Á è á á í í á - í á í ð á à è á í è á í ù ñ è: è í á á 1933-í í á í ç á è, á á í ð y ò, è ð á í è á á ñ è ì á ð ò á í - ò á í á ð í á í ð è ÷ í ú è ò è ò á í... ð á è í ð ñ è á è ñ á á æ è á ò ñ ò á ð è è í ð è ò í í ú è ò - á à ò ü á í ò è í í á ò è è ò á í ò ç è è á è í á - í è á ñ á í è è á ñ ñ è á - í á ð á í á è ò ü á è y á á í á á..

Á á ñ á è í í á è í ò á è í í á ð í ò ò ü y, á ñ è á ú í á Í á ò ð Á í á ð á á è ÷! Ý ò í í í ç à ì á ò è è, ÷ ò í ñ è í è ü è í á à ò í ð í è ñ ò á ð á è ü y, ñ ò è è á ñ á ò á è è í è ò - è è è ñ í í á í Í ð í á ò á á, á í è í ð è ò í á - í í æ è á è í í á ñ á - è í á è í á, í á è á: æ á è ò í á æ á ç í è, ñ á ñ í ò ú á í í ú è í á è á ò è í á ð y í è, í í ð í æ!»

(Ñ á ì ò è è È ò ð ú á Ó ñ á á è y ñ í í á è á á è y. Í á ò á ð á á è 2002. Ñ ò á 219-221.)

Í.Á. Í á è á í è í:» Ñ è á á á à ò á è ü ñ è è í þ ò ó í á á á ú è í ò è è ÷ í ú è, è á á á í í ñ á ñ ò è á ñ á è á è è.»

В этом пронизательном и тонком анализе сомнительно лишь одно: то, что стихи эти о Сталине, что Прометей – это Сталин. («Кто еще у нас Прометей?») Получается, что поэт искренне хотел воспеть «отца народов», изобразив его Прометеем, но – не вышло: «сколько автор ни старался, стихи все-таки не о Прометее, а о коршуне».

Мне кажется, что смысл стихотворения и изначально был в другом. В том, что время великих трагедий прошло и его не вернуть. По совпадению собственной своей судьбы с судьбой узника – Прометея, казалось бы, он сам мог бы претендовать на эту роль. Но и ему не дано стать «скалы подобьем и пособьем». Нет, Прометеев нынче нет.

А вот коршун – есть! И этот «желтоглазый» гон его когтей, «летающих исподлобья», – примета такая же документально точная, как «шестипалая неправда» в другом его стихотворении, где мерцает тот же образ. Так что в самой сути своей догадка Самуила Лурье безусловно верна, смысл павленковского доноса он угадал правильно.

Смысл этот был простой: «Сколько волка ни корми, он в лес смотрит...»

Ну и, конечно: «Горбатого только могила исправит».

Следовательский нюх у Павленко был отличный, и донос его достиг своей цели.

Но тем не менее вряд ли это стихотворение было единственной – или даже главной – причиной гибели поэта.

Во всяком случае, не только оно свидетельствует о том, что и после «повинных», покаянных своих стихов о Сталине он имел все основания повторить – с иным, новым смыслом – однажды уже сказанное:

И не ограблен я, и не надломлен,

Но только что всего переогромлен.

Как Слово о Полку, струна моя туга –

И в голосе моем после удушья

Звучит земля – последнее Оружье...

Слово «удушьё» в лексиконе Мандельштама было синонимом другого, самого для него большого несчастья:

*«Аіеііоа аііі іа іііоа І аіаеііооаі аіуеііу ііаііоаіііе іаі іоу, іаііау аа оооііі.
Еіііа ііа іаііоаіііа аіі, іі і аоаеііу а оеаіі е іоаіі уаае еаеа-оі іаеіі уа іоа-еіі у аеу іаіуіі аі еу
уоііа ааіііоаеу».*

(Аі іа Аоі аоііаа Еіііоае ес аіаііеаа)

Àííà Àõì àò íáá: «Òáí ù í ááéááííéó:éý è íáðá:áíííðè éáæáéá íá ýòíí áíí á».

И вот удущье кончилось. Пришло второе дыхание.

***

В том же феврале им было закончено самое, может быть, мощное и самое сложное из его поэтических созданий.

Читатель, конечно, уже догадался, что я имею в виду «Стихи о неизвестном солдате».

Об этом стихотворении написано очень много: статьи, исследования, размышления, догадки... Существует множество разноречивых, иногда противоположных его толкований.

К одному из них я еще вернусь. Пока же отмечу только, что при всей сложности и даже загадочности этой мандельштамовской вещи главный ее эмоциональный настрой (и с этим как будто согласны все писавшие о ней) сводится к знаменитой реплике Осипа Эмильевича, которую приводит Ахматова: «Я к смерти готов».

Голос Мандельштама, произносящий эти слова, звучит в коротких воспоминаниях Анны Андреевны об Осипе Эмильевиче, озаглавленных ею «Листки из дневника»:

«Í áñ íòðý íá òí, ÷òí áðáí ý áíéí ñòááí è òáéñí í ááñò áðéáííéíá òáí ù í ááéááííéó:éý è íáðá:áíííðè éáæáéá íá ýòíí áíí á Í ù øèè íí Í ðá:éíðáí éá (òááðáéñ 1934 áíáá), í ÷áí áíáíðèèè - íá ííí íð. Ñááðí óèè íá Áíáéááíééé áééñáð, è Íñéí íéáçáè: “B é ñ áððè áíòíá”. Áíò óéá 28 éáò ý áñííí éíáð ýòóí éíóó, éíáñá íðíáçáèð í èí í ýòíí í áíðá».

(Íñéí Í áíááéñò òáí è áá áðáí ý. Í. 1995. Ñòð. 30-31.)

Этим предощущением неизбежной гибели и отчетливым сознанием готовности к ней пронизаны многие строки и строфы «Стихов о неизвестном солдате».

Неизбежную гибель лирическому герою стихотворения предрекает всё.

Звездное небо:

Òááéýùèè éñý áéí íáðáéíáí è

Òáñæáðò íáí ýèè í èðí,

È æéŷò ãðíããì è øèðãããì í úì è,

Çŷéíòúì è íãì íèãèãì è, ÿãããì è,

Bãíæèòíã òíéíãã ÿãããì è

Bãíæèòúò ñ çãçãèè øàòðú

Áíæãü

Í ñ í èò ãíæãü

Í ãí ðèããò èèããíé ñŷŷòãéü

Áãçü ÿí íãŷ ñ ãí í à ãã,

Èãé èãñèñò úã èðãñò èèè ñ àò èèè

Í éããí èè

è èèè ãíããé.

Ñãì ùé ãíçãü, éí ò í ðñé í í ãñøèò:

Ýò í ò ãíçãü ñ òñò ù ãóããò ñãèããòãéãì,

Áæüü íãíéí í ã ñãðãòã ãã,

È ñ çãü èŷí èãò ãŷãŷ ùé è ããŷòãéü ùé

Í éããí ãã í éí ã - ããñãñòãí.

Запечатлевшиеся на сетчатке его глаз картины недавнего исторического прошлого, этой вселенской мясорубки:

Àðããèéñéíã ñ ãñèãí, èðñøããí,

Ñãñò ðãçì í éí ò úò ã èó- ñéí ðñòãé,

È ñãñéì è èíñüì è ñ íãñøããì è

Èó- ñò í èò í ã ñò- ãò èã ñ íãé.

Í èèèèíí ù øãèò úò çãããøããí

Í ðñòííòãèè ò ðñíóã ñ òñò í òã -

Áíãðñé í í-è, ãñãñ è ñ òñòøããí

Í ò èèòã çãü èŷí ùò èðãñí ñòãé.

Миллионы убитых задешево протоптали тропу, по которой и ему предстоит пройти свой последний путь.

Эти строки можно, конечно, прочесть и истолковать иначе. Но финал стихотворения не оставляет на этот счет уже никаких сомнений и не дает повода для каких-либо иных толкований:

Í èèèàρòñ̄ èðíáñ̄ áíðòú,
È çáò:èò ïí ðýääì øáííðéíí:
- Β ðíæääí á äääýííñòí ÷àòáðòíí ...
- Β ðíæääí á äääýííñòí áòíðíí ...
È, á èóéæè çáæèì ãý èñòáðòúé
Áíá ðíæääíñ̄, ñáðñíé è áðòíí,
Β øáíí:óíáíñéðíæáííúí ðòíí:
Β ðíæääí á íí:úñáòíðíá íá òðáòúá
Βíáðñ̄ á äääýííñòí íáííí
Í áí äääéííí ñáó è ñòíéáòúñ̄
Í èðíæαρò ï áíý íáí áí.

Но сказать про эти стихи, что они выражают его готовность к смерти – это слишком мало. Всё дело тут в том, к какой смерти он готов.

Сократ тоже был «к смерти готов». Но одно дело быть готовым к тому, чтобы осушить чашу с цикутой, и совсем другое – к тому, чтобы с тобой случилось то, что с миллионами «убитых задешево», гниющих в окопах и на лагерных нарах, погибнуть вместе с ними со всеми – «гурьбой и гуртом».

«Í èíí:àòæíí ãý, ñòðíáñ̄ áííéííñòú ÷æíáá:áñéíé ó:áñòé: “...í èèèéííú áæòúó çáááøááí”, - ãñ̄ ï ðæéíýñ̄ ïíγçéý íá çíæè, íáí íáèà çíàòú òæéíé òáí ú».

(N. N. Ááðéíóáá Íñèí Ì áí äääéííóòáí. Í ñéääí èá òáñð:áñéá ñáú. «Í íáíé ï èð», ¹ 10, 1987).

Такой темы не могла знать не только вся прежняя поэзия, но и вся прежняя литература.

***

Ближайший друг Мандельштама Николай Гумилев поделил человечество на «людей книги» и «людей газеты». Первые по этому делению отличались от вторых тем, что –

«...æéèè á ï èðá òúñ̄:æáòíéð íáðáçíá è èáæ, ñáíðéèè ï áéí, çíáý, èæéφ ï òááòñòááííñòú ï ðéðíæèòñ̄ íáñòé çá èææáíá ñéíáí, ï ðíááðýéè ñáíé ÷æáñòáá, áíγñí ï ðáááòú èáα, èρáéèè, èæé Ááí òá òí èðáèè, èæé Ñíèðáòú».

(Í èéíéæé Áá èéáá Ñí: ÷. á òðáð òíí áá òñí òðáòéé. Í èññí á í ðáññéíé ïíγçéé. Ì. 1991. Ñòð 127-128)

Если исходить из этой предпосылки, можно предположить, что мое утверждение, будто Гумилев умирал, как Сократ, связано с тем, что ему посчастливилось принять смерть, не подвергаясь пыткам или каким-либо иным телесным унижениям.

Но дело не только в этом.

Разница между положением афинского мудреца и восточного пророка, конечно, велика. Но Аверинцев не совсем прав, уверяя, что чувство собственного достоинства первого обеспечено только лишь «социальными гарантиями, которые представляет полноправному гражданину свободная городская республика». И утверждение его, что второго якобы легко можно заставить «замолчать, ударив по лицу или красноречивым устам, как это случается в новозаветном повествовании с Иисусом», по правде говоря, не совсем корректно.

В Евангелии от Иоанна, когда Иисуса приводят к тестю первосвященника, Анне, и тот спрашивает арестованного о его учении и учениках, Иисус по существу отказывается давать показания. И далее разыгрывается такая сцена:

«Иисус отвечал ему: Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня? Спроси слышавших, что Я говорил им; вот они знают, что Я говорил.

Когда Он сказал это, один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику? Иисус отвечал ему: если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?»

(Ев. 0VIII, 20-23)

Как видите, даже пощечина не заставила евангельского Иисуса замолчать. И после этого унижения он отвечает, и отвечает с достоинством. Стало быть, дело не только в социальных гарантиях. То же мы видим и в сцене казни Иешуа у Булгакова, хотя обнаженный реализм булгаковского описания не идет в сравнение с описанием казни Иисуса во всех канонических Евангелиях.

«В первый же час его стали поражать обмороки, а затем он впал в забытие, повесив голову в размотавшейся чалме. Мухи и слепни поэтому совершенно облепили его, так что лицо его исчезло под черной шевелящейся массой. В паху, и на животе, и под мышками сидели жирные слепни и сосали желтое обнаженное тело...

Первый из палачей поднял копьё и постучал им сперва по одной, потом по другой руке Иешуа, вытянутым и привязанным веревками к поперечной перекладине столба. Тело с выпятившимися ребрами вздрогнуло. Палач провел концом копья по животу. Тогда Иешуа поднял голову, и мухи с гуденьем снялись, и открылось лицо повешенного, распухшее от укусов, с заплывшими глазами, неузнаваемое лицо...

– Га-Ноцри! – сказал палач.

Га-Ноцри шевельнул вспухшими губами и отозвался хриплым разбойничьим голосом:

– Что тебе надо?..

– Пей! – сказал палач, и пропитанная водой губка на конце копья поднялась к губам Иешуа. Радость сверкнула у того в глазах, он прильнул к губке и с жадностью начал впитывать влагу. С соседнего столба донесся голос Дисмаса:

– Несправедливость! Я такой же разбойник, как и он!..

Кентурион крикнул:

– Молчать на втором столбе!

Недаром Мандельштам так любил Зошенко, его одного из всех своих собратьев по литературе выделил и восславил:

«В одааоф іаі уоі еейа аеу суаі еі іі аіаі аоіаі е і аіоа-еаі еее, іі едаей ае і ааі, еае аеу ааао ее Едйейаа, а Еао і аі іаа».

(«Х ао ааоо ау і оі а».)

Зошенко удержался на краю той ямы, в какой очутился вместе со своими братьями-философами его «Сократ Палыч». Он умер хоть и не «как Сократ», но – как Гоголь: в состоянии глубокой депрессии перестал есть и, по существу, уморил себя голодом.

А с Мандельштамом, как мы знаем, всё случилось в точном соответствии с тем, что было предсказано, с тем, что он сам себе напророчил.

«Как мы знаем» – это, конечно, преувеличение. В действительности мы знаем об этом очень мало, почти ничего.

Существует множество версий и тьма тьмущая легенд, из пересказа которых можно было бы составить увесистый том.

Среди этих легенд немало и таких, которые слишком «литературны», чтобы быть правдой. Вот, например, такая: зачарованные уголовники, присмирив, слушают у костра полсумасшедшего старика по кличке Поэт, который читает им Петrarку.

Отблеск этой – последней – легенды проглядывает в стихотворении Семена Липкина:

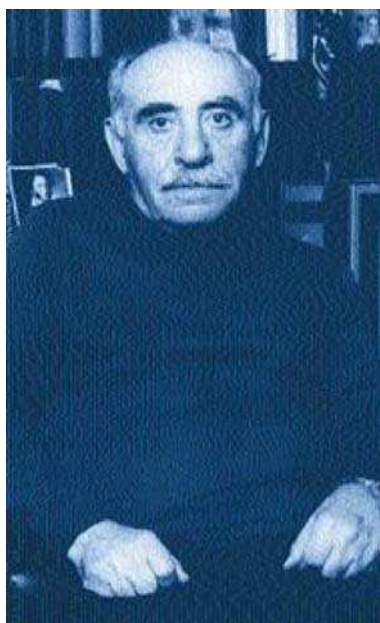
Çà і ііеаі і і еіаео ааеаі аі,

Çà і еооіе і о -ііо-о і іааоі о

І дааіо аае о аеуі еао і дае і е ааі аі

І іеоо е -аіе е -о і-о і і іао.

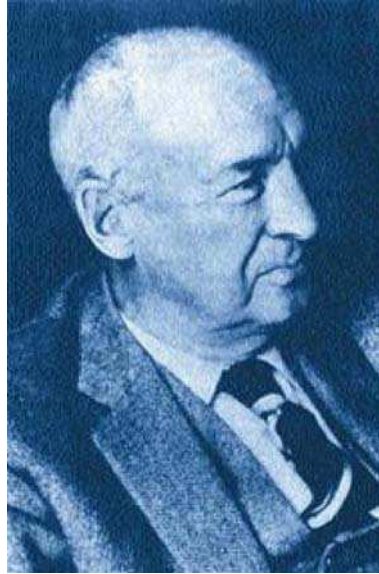
(Наі аі Еей еей. «Но аі у о оі е о, і де ае ае ау і і е і і-е аа...»)

*Ναὶ αἱ Ἐἰρέει: «Ὁ ἰππῆαίρῃ εἶπεό ἀεῖαίαι, καὶ ἰεόδιε ἰὸ ἠεὸ-οἱ ὑαῖδιὸ
ἰδῶνὸ ἀεὸ ἀεῖν ἐαδὶδῶεἶε ἀαίαι ἰἰεὸδὲ-αἰεὲ ἠεὸ-οἱ ἰἰαὸ».*

Как бы то ни было, воистину с «гурьбой и гуртом» проходил Мандельштам свой последний, гибельный путь.

Свою гибель – именно вот такую, какой она оказалась, – Мандельштам не просто себе напророчил. В этом варианте судьбы поэта, помимо того, что он был закономерен, а значит, легко предсказуем, ясно различим мотив сознательного, добровольного, экзистенциального выбора. Не зря, прикоснувшись к трагической судьбе Мандельштама, В. Набоков упомянул о «сияющем нимбе мученика и победителя» и ассоциировал эту его судьбу с судьбой героя своего «Подвига». (Владимир Набоков. К 100-летию со дня рождения. Звезда. 1999, № 4, стр. 172.)

*Ἀεῖαει ἐδ Ἰαῖεἶα Ἰδεἶν ἠεἶν εὐδῶε-αἰεἶε πῶαἶα Ἰ αἰαῖεὸδῶι ἠ, ἰἰ ἠἰ ἡἰδὲ ἰ
«ἡῦβῶαἰ ἰεἰ ἀἰ ἠ ἠεἶα εἰ ἰἰαῖεὸδῶε» εἰ ἡἡ ἠεἶδῶε ἡἡ πῶαἶα ἡ πῶαἶα εἰ ἡἡ ἡἡ ἡἡ «Ἰ ἰαῖεἶα».*

Надежда Яковлевна вспоминает, что в каком-то разговоре про «Стихи о неизвестном солдате» Мандельштам сказал, что «он сам – неизвестный солдат». Только ли предчувствовал – или знал, – что ему суждено сгинуть вот так, анонимно, безвестно, не оставив даже крупицы точного знания о конце своего земного пути? Так или иначе, но этими стихами он предрек, предвосхитил свой «последний творческий акт». А можно сказать и иначе: этот последний его творческий акт, эта его анонимная смерть – неизвестно где, неизвестно когда – стала, как он сам некогда выразился, «телеологической причиной» этого его провидческого стихотворения.

«ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» В МАЛАХОВКЕ

Александр Рапопорт

До революции подмосковный поселок Малаховка слыл элитным дачным местом: здесь селились известные адвокаты и доктора, строительные подрядчики, видные журналисты, деятели культуры. В Малаховке жил философ и историк литературы М. Гершензон; 22-летний В. Маяковский приезжал сюда в гости к Брикам. Еврейская община поселка содержала небольшой детский дом для сирот; после революции, в период Гражданской войны, количество беспризорников выросло, и к 1919 году в поселке было уже целых пять детских приютов.

וְאֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ וְאֵלֶּיךָ עֲשֵׂה

«יְיָ אֱלֹהֵינוּ, יְיָ אֱלֹהֵינוּ»

Примерно в ту же пору комиссариат Наробраза командирует в Малаховку коммуниста Боруха Шварцмана, чтобы он проинспектировал эти заведения. Шварцман работал учителем с 1912 года; на Украине он организовывал на средства рабочих подпольные еврейские школы, где преподавались, естественно, общеобразовательные предметы, но большое внимание уделялось и революционной пропаганде. Вот что писал он в «Культур унд билдинг», органе еврейского отдела Наробраза (№ 2–3, 1920 г.): «Что я нашел в Малаховке? 125 детей, сбжавшихся со всех концов России, чтобы спастись в столице. Различными путями они попадали в еврейские Тарбут-школы, которые были религиозными. Тогда они еще существовали в Москве. Большинство учителей – сионисты, они старались снабдить детей тфилин, также учили их петь “Аतिकву”. Никто из учителей не думал организовывать детей в товарищеский коллектив, не заботился об их будущем... Я подумал: под крылом советской власти можно вести настоящую педагогическую работу».

Таким образом, задачей комиссариата было не создание нового учебно-воспитательного заведения, а переориентация его деятельности.

Б. Шварцман назначается директором детской колонии с сельскохозяйственным уклоном. Она получает название «Третий интернационал» и создана на базе общинных детдомов. Ухтомский земотдел выделяет колонии землю. Помимо учебы обязательной становится сельхозработа, самостоятельное приготовление пищи, ремонт школ и общежитий. Учителя и воспитанники (за редкими исключениями) обращаются друг к другу на «ты», по имени и с прибавлением слова «товарищ». Совместно пишется «конституция самоуправления». Организацию быта частично возлагают на учащихся. Постепенно из их среды выделяются «передовые колонисты», помощники педагогов. Колония отмечает революционные праздники, осенний праздник урожая, в воспитательной работе важное место занимают атеизм и критика скаутского движения, признанного буржуазным.

Летом 1920 года в Москве состоялся I съезд деятелей еврейской культуры. После выступления директора, рассказавшего о колонии, съезд прервал работу, и делегаты в полном составе выехали в Малаховку, чтобы на месте убедиться в успехах «красной педагогики». Методика коммунистического воспитания только начинала формироваться, и все, что описывал Борух Шварцман, было актуальным. В нем просматривались «ростки будущего». На малаховском «полигоне» опробовались методы, примененные потом другими, в частности А. Макаренко.

Вскоре малаховская колония становится знаменитой. Ее посещают не только школьные работники, но и делегации заводов, вузов, соседних кооперативных хозяйств. Новый уклад и новые формы хозяйствования вызывают большой интерес. В начале 1925 года по инициативе Ухтомского земотдела колония «Третий интернационал» участвует в сельскохозяйственной выставке, делится с остальными успешным опытом обработки земли.

В колонии часто выступали известные писатели, композиторы и артисты: Лейб Квитко, Довид Гофштейн, Дер Нистер, Моисей Мильнер, Соломон Михоэлс, Вениамин Зускин...

Помимо Марка Шагала, о котором речь ниже, в «Третьем интернационале» до отъезда в Палестину работал выдающийся музыкант, основатель тель-авивской консерватории Юлий Энгель.

Колония существовала до конца 30-х годов и была закрыта в период повсеместной ликвидации еврейских учебных заведений.

יָאָאָר אַ בֵּינְיָמִין. עֲנֵנִי, כִּי אֵין לִי מַעֲשֵׂה יָדַי וְעֵינַי לֵאמֹר אֵין.

יְאִדְעֵ עֲאִיֶּי אֶעֱצֵאֵי עֵנִי אִי אֵין עֲאִיֶּי עֵעֵא

– Наша трудколлония «Третий интернационал» для еврейских детей-сирот, – вспоминает Илья Плоткин, скульптор по дереву, – существовала в подмосковной Малаховке с первых лет советской власти. От детского дома колония отличалась тем, что колонистам приходилось обеспечивать себя самостоятельно. Работа в огороде, уход за скотом, уборка, мелкий ремонт – обязанности эти были четко распределены между воспитанниками. Мы занимали три двухэтажных дома, владельцы которых эмигрировали после революции. По воспоминаниям малаховских старожилов, число колонистов обычно не превышало ста пятидесяти человек.

С 1919 по 1922 год рисование и живопись у нас преподавал Марк Шагал. Он поселился в отдельном двухэтажном домике с семьей: женой Беллой и маленькой дочерью Идой. На втором этаже, в мансарде, художник устроил мастерскую. Рисовали угольными карандашами и акварельными красками. Общение происходило на идише, другого языка большинство из нас не знало. Шагал много не говорил, никогда не повышал голоса. Похлопывание воспитанника по плечу означало одобрение. Так он его выражал... Электричества еще не было, работали, пока не стемнеет.

Çaïn ò r à è à à ò t à

Помимо преподавания каждый учитель в свой черед выполнял обязанности дежурного. Шагал следил за чистотой в наших комнатах, за приготовлением пищи в столовой, за соблюдением распорядка. А вот в прогулках к малаховскому пруду – мы называли его «озером», и в те времена там стояла мельница, – в этих походах под барабан и с революционными песнями он, в отличие от других педагогов, участия не принимал. Не помню его и на общих праздниках – вроде Первомайской демонстрации. Он делал свое дело.

Шагал выделил из общего числа нескольких самых способных учеников и занимался с ними отдельно. Однажды в такую минуту пришел фотограф; он вел фотолетопись колонии и снял нас за работой.

Детская память цепкая. Помню, Шагал поставил на стул чайник ядовито-зеленого цвета, а на спинку стула в качестве фона бросил ярко-красный платок. И спрашивает: «Какой цвет звонче?» Сел справа от натюрморта и сравнивал красный и зеленый цвета...

Отъезд Шагала был неожиданным и прошел незаметно для нас.

Потом в колонии долго еще висела одна оставленная им работа. Наверное, он не смог ее увезти. То был огромный холст, приблизительно два метра на три, снятый с подрамника и гвоздями прибитый по верхней кромке к стене. Два цвета: черный и белый. На белом фоне черным – «а-хедерингл»: мальчик в традиционной одежде, бегущий в хедер, на голове картуз, под мышкой сидур (молитвенник). Высокий горизонт, под ним, вдали, – контуры местечка. Почему я запомнил? Столько ведь лет прошло... Одна нога мальчика неестественно вывернута от колена – не так, как сгибается обычно, а ступней вверх, «сломана». Это нарушение анатомии придавало стремительность всей фигуре бегущего. Но детскому восприятию подобные вещи недоступны. Я смотрел и не мог понять, как такое может быть. Поэтому и запомнил.

Потом кто-то из нас понемногу отрезал от этого холста по куску, чтобы писать маслом свое... Да мы тогда и представить себе не могли, кто какой Шагал! И ничего бы не поняли – даже если б нам объяснили! Окончательно полотно погибло во время пожара, случившегося в конце 20-х годов.

À σάειίε ì àñò àññéíε.

Β ίάó: àé εó εñέóññó àá

Β εó έρπáέ. Í íε ðεñάάέ. Í íε ίάάðáññάάέέññίά έðáñέ, έάέ çááðε ίά ì ýñ.

Í áéí εç ýòεó ίάðίέσáέ áúέ ίññóýññί ίάάðέέ ò áñò: áñò áññ. Í í ðεñάάέ, ñ:έίýέ ì óçñέó ε ñòέðε. Áðñίέ áññò ðáέάέ ñáñά εñέóññó áñ, έάέ έίáέί áñ. Í áέí ò ίòñά ί ðáááááέέññί εñέóññó áó áññò ðáέò ί ί ò ó, áðñίέ ί ðεάέέáέέέññί έ × έì ááý έ εñέóññó áó ñ áññί úó áέ ò ðááέέ.

Áίέáñά áðáñ ý ý áññó ί ðáέññý εó ðεñί έáì έ,

εó ááññί ί áññί úì áññί ί ó áñέáì ...

Έáì áñ ñòáέέ, ì ίέ áññί áά ðááýòά?

Έίááá ý áññί έί áñ ááñ ì ίά ñáðñóά çáì έðááò.

Í áðé Οάάέ. Έç έίέά «Í ίý áέçíú»

ПО СЛЕДАМ МЕНДЕЛЯ МАРАНЦА

Александр Лейзерович

В 1926 году в Москве, в библиотечке «Огонька», вышли в свет четыре тоненькие книжки некоего Давида Фридмана: «Мендель Маранц» (№ 77), «Надельсон и Шнапс» (№ 103), «Мендель Маранц меняет квартиру» (№ 123) и «Возвращение Менделя Маранца» (№ 126). На одном выпуске стояло: «С рукописи автора перевел П. Охрименко»; на других значилось: «Авторизованный перевод с английского». Обложку выпуска № 126 украшала фотография автора – молодого человека с настороженной улыбкой, сидящего, охватив руками колено, – почти как Достоевский на портрете Перова. По рассказам современников, «вся Москва» тогда повторяла: «Что такое брак? Университет. Что такое дети? Ученые степени»; «Что такое жена? Рентгеновские лучи. Она видит тебя насквозь»; «Что такое идея? Кукушка. Она появляется в свой час»... И так далее.

Остряки и острословы всех рангов быстро переняли новый прием. Только, пожалуй, появившийся в 1928 году роман Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» да рассказы Зощенко перебили популярность «Менделя Маранца». Дотошный в изображении реалий времени Анатолий Рыбаков на страницах «Детей Арбата» рисует следующую сценку:

« У нас в институте, – сказал Юра, – один парень подал на собрании реплику: „Что такое женщина? Гвоздь в стуле...“ Вычитал у Менделя Маранца”, – заметил Вадим Марасевич. ...А собрание было по поводу Восьмого марта. Его исключили из института, из комсомола, из профсоюза...” Реплика была не к месту”, – сказала Нина Иванова...» Разговор происходит в конце 1933 года. А затем и время – «коллективизация», «индустриализация» и прочее – отбросило в небытие или, точнее, в другую, уже мало понятную советскому человеку реальность и самого героя, и его шутки, и его жизненную философию. Но даже после войны какие-то словечки, отзвуки интонаций Менделя Маранца время от времени еще всплывали в разговорах. Да и здесь, в Америке, в нескольких домах на поредевших полках книг, привезенных «оттуда», я встречал пожелтевшие знакомые книжечки с рассказами о Менделе Маранце.

В каком-то газетном интервью Леонид Леонов обронил замечательную фразу. Не ручаюсь за текстуальную точность, но по смыслу это звучало так: «Настоящее произведение искусства должно быть изобретением по форме или открытием по содержанию. Еще лучше – и тем и другим». «Рассказы о Менделе Маранце» – тот самый случай. Хотя, конечно, и изобретение, и открытие – не самой высокой пробы. С формой в рассказах о Менделе Маранце все ясно – шолом-алейхемовская традиция, как хрустальная подвеска, повернутая новой гранью, брызнула неожиданными яркими красками. Открытием, пожалуй, – по сравнению с теми же шолом-алейхемовскими героями – явились персонажи рассказов, касриловские евреи в Америке, в Нью-Йорке. И в первую очередь – главный герой, сам Мендель Маранц, генетически связанный с Менахем-Мендлом и другими персонажами шолом-алейхемовских историй, но при этом живущий и действующий в других условиях и сам изменившийся вместе с ними: «по профессии – механик, по своим склонностям – изобретатель, по природе – мыслитель». Добавим: по привычкам – деятельный лентяй. Это ведь про него сказано: «Заставить работать его постоянно – все равно что запрячь льва в телегу. Его ум не привык идти по готовым путям. За какую работу бы он ни брался, он тотчас же начинал придумывать машину, которая выполняла бы за него эту работу. Голова его всегда была полна идей, его ум поглощал всю его энергию. Для того чтобы работать, ему надо было перестать думать. А это для него было все равно что перестать дышать. <...> Он был изобретателем, творцом идей, воплощавшим мысли в конкретные формы. И то, что было смутным и бесформенным у других, у него становилось чем-то определенным, конкретным, простым».

«ὄχι ἀνὴρ οὐκ ἔστιν ὁ γὰρ ἔστιν ἡ ἀλήθεια? Νέαντι - οὐκ ἔστιν ἡ ἀλήθεια ἐστὶν ἀλήθεια ἡ ἀλήθεια ἡ ἀλήθεια?»

«ὄχι οὐκ ἔστιν ἀλήθεια ἡ ἀλήθεια? Ἡ ἀλήθεια ἡ ἀλήθεια ἡ ἀλήθεια ἡ ἀλήθεια ἡ ἀλήθεια ἡ ἀλήθεια ἡ ἀλήθεια ἡ ἀλήθεια ἡ ἀλήθεια?»

В Америке, припертый обстоятельствами к стенке, наш герой делается миллионером, изобретая то, что мы сегодня назвали бы кухонным комбайном. Комбайн ему нужен, дабы избавиться от домашней работы, когда жена, потеряв всякие надежды на заработок мужа, поступает на фабрику, оставив его «на хозяйстве». Правда, через недолгое время Мендель Маранц опять разоряется, вложив все деньги в утопические планы Мильтона, своего зятя. «Что такое опыт? Хрен. Когда он слишком крепок, он вызывает слезы на глазах. Мильтон узнал всю его крепость». Но Мендель не унывает: «Чем я пожертвовал? Только деньгами. А что я спас? Семейное счастье Сарры».

Надо сказать, что и другие персонажи рассказов не менее колоритны. Чего стоит Бернард Шнапс с его постоянной присказкой: «Я такой человек... Я не люблю, когда меня хвалят. Я могу сам себя похвалить!» Или Зельда, жена Менделя, вечная еврейская жена... «Он всегда забывает ее своим красноречием и всегда заминает дело. И каждый раз ему удается заразить ее своими мечтами, и она опять терпеливо работает, а он продолжает мечтать». Или Надельсон: «Если ему кричать, он кричит в ответ, а если говорить тихо, он отвечает Га?»» Цитировать можно без конца – надо читать.

Долгое время я думал, что Давид Фридман – это некий миф, и «рукопись автора», с которой делались «авторизованные переводы», изначально существовала на русском, а «переводчик» просто, скорее всего, какое-то время жил в Нью-Йорке до возвращения в Союз. Мои подозрения только укрепились, когда, уже будучи в Америке, я не нашел Давида Фридмана, годного на роль автора «Менделя Маранца», ни в одном справочнике американских писателей, ни в одной американской или еврейской энциклопедии, как ни варьировал написание его фамилии. Более того, ни один из пожилых интеллигентных американских евреев – из тех, с кем мне приходилось беседовать, – слыхом не слыхивал ни о таком писателе, ни о его книгах. Ничего не знали и те, кому, казалось бы, по роду их занятий следовало «быть в курсе».

«- Ἰ ἀνδρῶν τῶν ἐδὲ-εὐ. Ὑὸι ἰτεαρίι ἀεὺ ἰαῖ, - ἀγαπᾶεα Νὰδὰ..

- Νὰ ἀνοῖσῶν! Οὐ ὀτῆεῖ ἰτῆεσᾶε, ἐαε ἰἰ ἰδᾶο! Ἰ ἰ ἀνὰ ἰαῖ δᾶοῖν, μὸδᾶε Ἀ-ἰ»

И всё-таки оказалось, что Давид Фридман (David Freedman) действительно существовал, и «Mendel Marantz» был напечатан в том же 1926 году в Нью-Йорке, причем именно иллюстрации к нему были воспроизведены (без какой бы то ни было ссылки) на обложках «огоньковских» изданий. Через межбиблиотечный компьютеризованный каталог удалось обнаружить еще одну книгу рассказов Давида Фридмана «Любовник-интеллектуал», изданную посмертно, в 1940 году, тем же издательством «Harper & Brothers», что издало и «Менделя Маранца». Честно говоря, вторая книга с ее тематикой, уже полностью оторванной от еврейской жизни, показалась мне гораздо слабее первой. Но в предисловии к ней я нашел биографию автора.

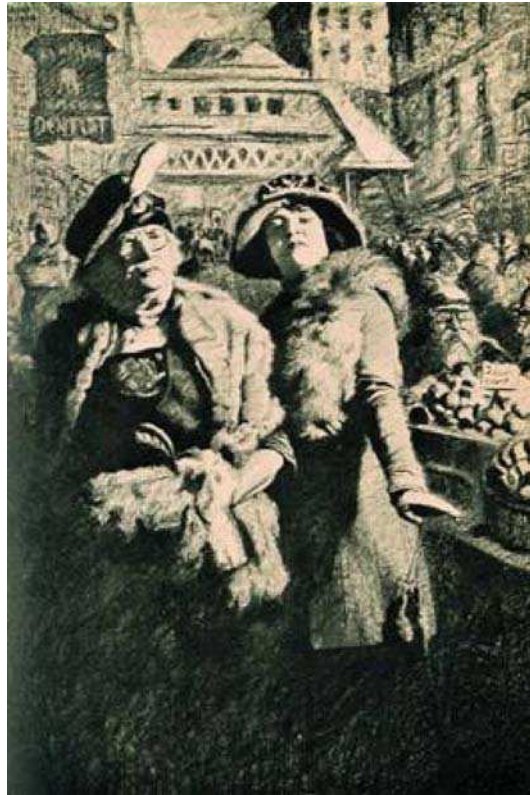
Давид Фридман родился в 1898 году в семье политэмигрантов из Румынии. С детства Давид, или Дуцу, как его звали дома, отличался разносторонними способностями. Среди его друзей-сверстников были Джордж Гершвин, Макс Розен, будущий известный скрипач, и Ирвинг Сэзер, в будущем преуспевающий драматург. Его отец какое-то время был театральным критиком в еврейской прессе. Именно он в 1922 году принес в редакцию журнала первые рассказы сына. Их успех отвлек Давида от занятий музыкой, математикой, шахматами, сделав профессиональным писателем. Рассказы о Менделе Маранце были изданы отдельной книгой, переизданы, переведены на другие языки, инсценированы. Через какое-то время Фридман стал известен как ведущий радиопрограмм, лучший поставщик остроумия для обзоров и шоу, автор нескольких пьес и мюзиклов, пользовавшихся успехом на Бродвее... Судя по электронному межбиблиотечному каталогу, он (в соавторстве) писал также киносценарии и книги по истории кино. Умер внезапно, от инфаркта, в 1936 году. На сегодняшний день в Америке, кажется, прочно и незаслуженно забыт. Его рассказы не включаются ни в антологии американской новеллы, ни в сборники рассказов еврейских писателей мира. Как получилось, что этот блестящий прозаик и его колоритные персонажи оказались так быстро забыты американскими читателями?

Мало что известно и о П. Охрименко. В 60-х годах его подпись появилась под переводами рассказов Амброза Бирса, американских фантастов, а потом снова исчезла. Как к нему попала «авторская рукопись» рассказов и иллюстрации к ним, сделанные в Америке? Что связывало его с автором и каким образом Фридман «авторизовал» перевод? Пока эти вопросы остаются без ответа.

Вот небольшой фрагмент из рассказов о Менделе Маранце, почему-то не переведенный и не вошедший в «огоньковское» издание; это начало XII главы, носящей название «Испытание» (остальная ее часть вошла в рассказ «Замужество Сарры»; выпуск № 103). Кстати: не надо забывать, что это было написано в середине 20-х годов. Итак:

«В годы своего девичества Сарра относилась к Зельде почти как к старшей сестре, и они часто вместе обсуждали будущего мужа Сарры – настоящего мужчину, высокого, красивого, благородного, сильного и доброго, который в один прекрасный день вдруг появится невесть откуда, обнимет Зельду и скажет ей “Вы, мама...”, поцелует Сарру и назовет ее своей женой. При этом где-то на заднем плане всегда

маячил Мендель, сидящий в своей качалке, курящий неизменную сигару и, улыбаясь, добродушно поддразнивающий их: “Помните, дети, что такое брак? Туфли. Пока они новые, они жмут, а когда становятся удобными, оказывается, что они уже старые”. И они смеются, не слушая его.

«Ἄλλ' ἰαδῶναι ἰάσασθαι ἀπὸ τοῦ ἀνοήτου τοῦ οὐρανοῦ, ἀλλὰ μὴ ἰσθῆναι ἰὰ σοῦ ἰσθ, ἢ ἀσθῆναι οὐρεῖο».

Зельда иногда еще погружалась в девические мечты, но для Сарры они уже ушли в прошлое. Она так долго ждала этого высокого, красивого, благородного, сильного и доброго мужчину! А он, несмотря на все хлопоты, поиски и старания Зельды, так и не появлялся. Единственная надежда и мечта жизни Сарры таяла. А Мендель, как всегда, успокаивал ее: “Сарра, что такое жизнь? Клумба. Если на ней не растет тот цветок, который ты любишь, научись любить те цветы, которые на ней растут. Бери пример с Колумба. Если ты ищешь счастье на востоке, плыви на запад. Даже если ты не найдешь то, чего искал, ты, по крайней мере, откроешь новые земли”.

Жизнь Сарры, ее мечты о любви как бы вступили в новую фазу. Если раньше ее сердце, как драгоценная шкатулка, оставалось запертым в ожидании возлюбленного, то теперь оно открылось красоте окружающего мира. Ей стало казаться, что все вокруг пронизано любовью. Повар вкладывает любовь в свои приправы, как художник – в свои рисунки, как и певец – в свои песни. Сарра наблюдала за отцом, когда он сидел, погруженный в свои фантазии, и знала, что создания, рождающиеся в его голове, – тоже дети любви. И ей хотелось творить, узнавать новое, учиться – не для того, чтоб привлекать мужчин, но чтоб дать новую пищу для сердца и ума.

Ей хотелось знаний, которые можно было бы использовать, чтобы освободиться от бесплотных мечтаний и видений юности, сбросить тягостный груз былых представлений, привычек и предубеждений. Ей хотелось свободы! Годами она ждала появления прекрасного принца, который освободит ее, но это ожидание еще больше поработало ее. Теперь она освобождала сама себя, она сама становилась равной тому, кто мог бы стать ее властелином.

«Послушай, Сарра, садись рядом со мной и давай поговорим. Что такое молодая женщина? Устрица.

Она прячет свое лицо, но не может спрятать своего сердца».

В характере Сарры появились твердость и независимость. Она почувствовала, что теперь, если выйдет замуж, она не будет как плющ, обвивающийся вокруг молодого дуба, а будет как растущее рядом стройное деревце, сплетающее с дубом свои ветви. На пороге зрелости в любовных мечтах своих она вернулась к образу возлюбленного девичьих лет. Но до чего он отличался теперь от прежних ее мечтаний! Она ощущала себя странником, объехавшим свет и вернувшимся туда, откуда он пустился в путь, но обогащенным знанием мира. Ей рисовался уже не идеал, а реальный человек. Человек – не идол, которому следует поклоняться и который однажды может оказаться свергнутым с пьедестала; падая, он сокрушит и самого себя, и поклоняющихся ему. Человек – это тот, к кому обращаешься не только сердцем, но и умом, с кем делишь не только кров и жизнь, но и мысли, и дело... Любовь и замужество теперь обрели для Сарры новый смысл. Мендель был прав: «Что такое любовь? Небоскреб. Чем он выше, тем глубже его фундамент».

И далее – по опубликованному тексту:

*«Αὐτὴ ἀντὶ τὴν ἀγάπην αὐτῆς ἀδελφῆ καὶ ἰατρῆς αἰσίου αἰῶνος πνευματικῆς. Νὰ δὴ ἰδῶμεν ἂν αὐτὴ
ἰσχυρὸν ἢ ἀσθενῆ ἢ ἀνθρώπινον, ἢ ἀνθρώπινον – ἢ ἀνθρώπινον ἀδελφῆ ἢ ἀνθρώπινον ἢ ἀνθρώπινον ἢ ἀνθρώπινον –
ἢ ἀνθρώπινον ἢ ἀνθρώπινον ἢ Νὰ δὴ...»*

Верно говорил Мендель Маранц: «Что такое человек? Рукопись. Что такое жизнь? Книга. Что такое смерть? Библиотека. Но я не дам так скоро поставить себя на полку!» Во власти читателя достать книгу с полки и снова открыть ее...

Ἢ ἀσθενῆ ἢ ἀνθρώπινον, ἢ ἀνθρώπινον ἢ ἀνθρώπινον

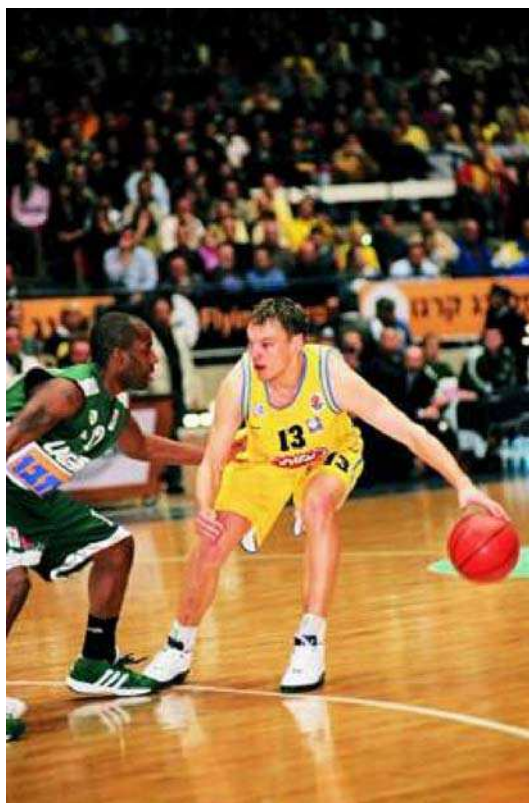
СПОРТ И ИЗРАИЛЬ

И аде Эеагаеи

Нитод е Есдаеуи - ииуоуэ маи андеи уа е мсао-иуа, имааи и маау. Гаеагеаи ииуоуэиуэ ие-ан ааа аеаа митодэ: оооаге е аапеаоаге. Ииуоуэиуэ еи аи и а оаеи ииуаеа, оуу аиуоаеаеу а уоо митодэаиуо годауеуо гаааагеи у: аапеаоаге агаеиу и иа аеуоаа, аи оооаге.

Будучи небольшой средиземноморской страной с массой иных приоритетов – например, оборонных, социальных, экономических, Израиль тем не менее развивает несколько олимпийских спортивных отраслей.

Однако серьезной проблемой, создающей препятствия на пути развития спорта в стране, является обязательный призыв в армию всех юношей и девушек, достигших 18-летнего возраста. Армейская служба, напряженная и насыщенная, требует полной отдачи в том возрасте, который наиболее важен в становлении и росте спортсмена. Три года, «вырванные» из подготовочного и тренировочного процесса в этом возрасте, могут оказаться критическими. Следует оговориться, что в Израиле есть понятие «перспективный, прекрасный спортсмен», член сборной команды страны, который получает привилегии при прохождении воинской службы. Но число таких званий, «распределяемых» при призыве, ограничено и явно недостаточно.

Еще один немаловажный факт: в израильской армии отсутствует понятие «спортрота». Помню, как в конце 1970-х годов группа бывших советских тренеров, репатрировавшихся в Израиль, обратилась к тогдашнему министру обороны Эзеру Вейцману, будущему президенту страны и первому летчику государства: «Мы рекомендуем создать в стране спортивные роты (роту), по примеру Советской армии. Эти подразделения прекрасно зарекомендовали себя в СССР в области подготовки перспективных спортсменов олимпийского резерва. Представляется реальным пойти по этому пути ввиду большого числа одаренных спортсменов допризывного возраста в Израиле. При правильной и непрерывной работе с ними результаты этих спортсменов могут ответить самым высоким требованиям, в смысле достижений во славу государства. Затраты на содержание такого подразделения – минимальны», – писали новые граждане Израиля министру обороны.

Министр Вейцман отмахнулся от этого предложения, заявив, что «армии есть чем заниматься помимо спорта олимпийского резерва. В армии достаточно занимаются воинским спортом те, кому это необходимо по долгу службы».

Учитывая постоянные боевые задачи, которые ставятся перед израильской армией ежедневно, слова министра верны. Но развитию израильского спорта подобные мнения не слишком помогли.

Тем не менее израильтяне добились многого.

У нас есть олимпийское «золото» Афин в виндсерфинге, класс «мистраль», завоеванное Галем Фридманом. Есть олимпийские «серебро» и «бронза», завоеванные дзюдоистами Яэль Арад, Шаулем Смаджей и Ариком Зееви.

Кстати, дзюдо – третий по уровню развития и популярности вид спорта в Израиле.

Израильский баскетбол получил мировое признание благодаря феноменальным достижениям клуба «Маккаби» (Тель-Авив), который трижды (!) завоевывал Кубок европейских чемпионов за последние 25 лет. Эта команда имеет 44 (!) чемпионских титула, добытых в национальных чемпионатах, беспрецедентный для Израиля годовой бюджет клуба – 12–15 миллионов долларов – и переполненный на каждой игре 10-тысячный Дворец спорта «Нокиа-Яд Элияу».

Больших высот добилась и национальная сборная Израиля по баскетболу, которая в свое время выиграла «серебро» на чемпионате Европы в Италии (1979), уступив лишь сборной СССР Александра Гомельского в финале. Почти без перерывов наша национальная команда выходит в финальный турнир континентального первенства, что говорит о постоянном месте израильского баскетбола среди 16 лучших баскетбольных стран Европы.

Израильский футбол добился меньших успехов, и связано это, возможно, с тем обстоятельством, что большую часть времени своего существования наш футбол относился к азиатской группе ФИФА.

12 лет назад Израильская федерация футбола была принята в Европейскую федерацию УЕФА, что отразилось и на уровне игры клубов, и на игре национальной сборной страны.

В нынешнем сезоне клуб «Маккаби» пробился в групповой турнир Евролиги, что означает еще один важный шаг вперед для нашего футбола. Несколько израильских футболистов с большим успехом выступают в профессиональных европейских клубах Франции, Англии, Испании, Турции.

Так, 24-летнего атакующего полузащитника Йоси бен Аюна, выступающего за испанский клуб «Расинг» (Сантандер), многие специалисты называют одним из самых одаренных молодых футболистов континента. Йоси – лидер сборной страны, которая сейчас борется за выход в финальный турнир чемпионата мира 2006 года.

Сборная Израиля однажды пробилась в финальный турнир Олимпийских игр (в Мексике в 1968 году) и однажды вышла в финальный турнир чемпионата мира – также в Мексике, в 1970 году. В те годы сборной страны руководил тренер Эмануэль Шефер, который «закрывал» команду на армейской базе под Нетанией и по 6–8 (!) часов в день заставлял заниматься игроков физической подготовкой. На обоих соревнованиях в Мексике израильская команда выступила очень хорошо, показав зрелый и достойный футбол, не проиграв соперникам ни одной встречи. Такие игроки, как Шпиглер, Шпигель, Бар, Кальдерон и другие были приглашены тогда в профессиональные европейские команды.

С 1970 года болельщики Израиля ждут от главной команды страны выхода в финальный турнир престижных соревнований. Сегодня сборной руководит Авраам Грант. Любопытно, что тренером вратарей сборной и клуба «Маккаби» является бывший голкипер московского «Динамо» и сборной СССР 1990 года Александр Уваров. Этот футболист играл в Израиле с 1991 года, получил гражданство, осел в Тель-Авиве и работает в клубе и сборной.

В Высшей израильской футбольной лиге 12 команд, в каждой из которых можно заявить по 5 иностранных легионеров.

Стоит отметить репатриацию в последние годы в Израиль группы одаренных спортсменов. Среди них прыгун с шестом Александр Аverbух, выигравший чемпионат Европы 2002 года в Германии, борцы греко-римского стиля Гоча Цицуашвили (чемпионат мира 2003 года) и Юрий Евсеичик, байдарочник Михаил Калганов, завоевавший бронзовую медаль на Олимпиаде в Сиднее 2000 года, и другие.

Важный вопрос, который сегодня обсуждается израильской общественностью, – какое количество олимпийских дисциплин следует развивать в стране.

На мой взгляд, стоит заняться небольшим числом дисциплин, так как, рассеиваясь, можно потерять для спорта одаренных детей, можно зря разбазарить деньги и в результате ничего не добиться.

При Институте физкультуры имени Уингейта существует Школа высшего спортивного мастерства, которой руководит Гиль Лустиг. Эта организация занимается разработкой спортивных планов, определением перспективных спортивных областей и одаренных спортсменов.

В спортивной рубрике, которая открывается в нашем журнале, мы намерены обсуждать все интересные события в спортивной жизни Израиля. Предполагаем познакомить вас с наиболее яркими личностями в израильском спорте, попросим ответить их на интересующие читателей вопросы, – в общем, напишем все об их поражениях и победах.

Í à í íãõ ààòì àèè ààç í íñéíá

Éíãà íí í'èñé òí òí óéú

á àúéè òí òèè íá àíñéá

Í íãòí óàòéñí ñí èí íé è ñò óááí òàì ,

Í òéòí àééíñí òí è ààéí

í íãò ýãè àò ú áòþéè -

Í á í íñéé í è òàì í ý, í è í íãò ýãéáé.

« × àññ áí ò áàé ì àñò áð

èç ì àéáí ùéí ññ ñ òí áéá, -

Í í òáá áééé í í ò í ò í ò áò èè

çí àì áí è ò ú é ò è ç è í í í è ñò, -

Èèè í àì í í ñ

ñò àòí ì í áí ú é ñáí í áé í éé».

Ñàì í í ññ ò èè,

÷ ò í áú é áú í á í ò í ÷ ú

Í òé ñò òí è ò ú ññ ñ í ò ò è ò áéáì

í á è àéí ì - í è á ú ú ì à ýéá

Èè ò ú áú ññ áí áí í

ñò òàì ñò áí àò ú ì ùñéþ,

÷ ò í áú ç àéý í ò ò ú í áí àæ áú ç à è ò àé,

Ááá, áéý à è ò ú

ç à è ò á è è ò í ññ ñ é í áá

× ò í ÷ áéí áá è ó í ó é í í, ññ ñ ò èè í í,

é ò í ì á é ò í á à ò è, ñò ò é à áà ñ é ò è í éé?

× áí ì áí ù ó á áá ù áé,

ò àì ì áí ù ó á í ò í è ò ç à è ñ è ò ú

Òàì ò ú ññ áí áí áé.

Áé áá í ù ññ è ì áá ò í áí é áí í í ñ - è ò à é

Νὸ δαῖμόν ἰτά ἐπαίτι ὑοῖοῦ αἰ.

Я испытываю странное удовлетворение при мысли, что именно такой человек совершил величайшее открытие века, изменившее наши представления о самом мироздании, и в результате оказался достаточно рано избавлен от забот о хлебе насущном, без горечи и ненужных испытаний оставаясь всю жизнь самим собой. Он вызвал бы мое восхищение независимо от научных достижений. И всё-таки хорошо, что именно он создал теорию относительности. Есть тут какая-то высокая справедливость – редкая в нашей жизни.

Однажды я заговорил об Эйнштейне со знакомым ученым, уезжавшим в Израиль. Он заметил, что для еврейского самосознания этот человек значит не так уж много – меньше, чем деятели национального движения, имена которых стал мне называть.

Мне близко еврейство Эйнштейна – гениального одиночки.

Странно выглядит автобиография, которую ученый написал незадолго до смерти. (Он сам не без иронии называл этот текст «некрологом».) Здесь нет обычной родословной, не приведены даже имена родителей и дата собственного рождения; лишь однажды вскользь упомянуто, что он еврей. Говорится с первых же строк о проблемах прежде всего научных и философских – главные события для него происходили в области духа.

Эйнштейн родился в семье, где, как во многих ассимилированных еврейских семьях, мало заботились о выполнении религиозных обрядов. Учиться его отдали в католическую народную школу, однако дальний родственник обучал Альберта основам еврейской религии. Он потом рассказывал приятелю, как по дороге в гимназию распевал песни во славу Б-жию, которые сам сочинил. А на вопрос, кем бы он стал, если бы родился в России в бедной еврейской семье, однажды ответил: «Наверное, раввином».

По-настоящему ощутить свое еврейство ему, как и многим, помогли, по словам самого Эйнштейна, «больше неевреи, чем евреи» – антисемитизм приходилось испытывать на себе всю жизнь. Далекий от конфессиональной обрядности, от жизни религиозной общины, противник любого национализма, он поддержал, однако, сионистское движение, увидев в нем единственное убежище для гонимых. Проблема трагически обострилась, когда в 1933 году он вынужден был покинуть страну, где родился, чтобы уже не вернуться в нее никогда. Впоследствии он не желал, чтобы даже его труды выходили в Германии, – «из чувства еврейской солидарности».

Однако при всём том этот подлинный гражданин мира в каком-то смысле представляется мне одиноким во времени – по отношению к поколениям предков и одиноким в пространстве – по отношению к любой стране. «Не имеет значения, где ты живешь... – писал он Максу Борну. – Я нигде не пустил глубоких корней... Сам беспрестанно скитаюсь – и везде как чужак... Идеал для такого человека, как я, – чувствовать себя дома везде, где со мной мои родные и близкие».

Но не свидетельствует ли такое одиночество о высшей степени личной свободы, олицетворением которой Эйнштейн представляется мне во всём: в жизни, в научной деятельности, в общественно-политической активности, которая становилась порой вынужденной, ибо для всё большего числа людей он оказывался воплощением совести, духовной и просто житейской опорой в трагических перипетиях эпохи?

Ἰταῖά ἀλλοεῖτά ΝΟΑ Ἀ. Υἱεὶ οὐδέ τί ἐστί ἀν-ῦἱ δέτεῖ ἀπὸ ἰδεῖν

1 ἰεὶ ῥαῖ 1941 ἄῖῖ

«Страстный интерес к социальной справедливости и чувство социальной ответственности, – писал Эйнштейн, – противоречили моему резкому предубеждению против сближения с людьми и человеческими коллективами. Я всегда был лошадью в одноконной упряжке и не отдавался всем сердцем своей стране, государству, кругу друзей, родным, семье. Все эти связи вызывали у меня тягу к одиночеству, и с годами стремление вырваться и замкнуться всё возрастало. Я живо ощущал отсутствие понимания и сочувствия, вызванное такой изоляцией. Но я вместе с тем ощущал гармоническое слияние с будущим. Человек с таким характером теряет часть своей беззаботности и общительности. Но эта потеря компенсируется независимостью от мнений, обычаев и пересудов и от искушения строить свое душевное равновесие на шаткой основе».

Он ведь и в науке шел путем одиноким, вырываясь из устоявшихся представлений. И надо отдавать себе отчет, какого интеллектуального, духовного, да просто человеческого, мужества потребовал этот прорыв мысли, какой внутренней свободы от господствующих авторитетов, от привычного, казавшегося единственно верным взгляда на мир. А когда теория относительности стала получать блестящие подтверждения, он уже был занят другим поиском, который потребовал многолетних усилий и который сам Эйнштейн назвал в одном из писем «бесплодным» – попыткой создать единую теорию поля. Уже после смерти Эйнштейна стало всё чаще звучать мнение, что он и в этой области предвосхитил многие позднейшие догадки. Ну, а если бы, допустим, нет? Разве не остался бы этот человек для нас тем же образцом духовного, интеллектуального мужества и верности себе, достойным восхищения искателем истины?

«Нет ни одной идеи, относительно которой я был бы убежден, что она выдержит испытание временем, – писал Эйнштейн в 1949 году М. Соловину. – Я вообще не уверен, что нахожусь на правильном пути, и в глубине души недоволен собой. Да иначе и быть не может, если ты обладаешь критическим умом и честностью, а чувство юмора и скромность позволяют не терять равновесия вопреки внешним воздействиям».

Какими понятными и близкими кажутся мне эти слова о чувстве юмора и скромности! Или те, где Эйнштейн формулирует свое этическое кредо: «Что должен делать каждый человек – это давать пример чистоты и иметь мужество серьезно сохранять этические убеждения в обществе циников. С давних пор я стремлюсь поступать таким образом – с переменным успехом».

Наука для такого человека означала отнюдь не только профессию, занятие среди прочих. Его отношение к ней можно назвать в каком-то смысле религиозным. Зарабатывать на жизнь Эйнштейн предпочел бы чем-то другим – стоит вполне всерьез отнести к его желанию стать, например, смотрителем маяка. Наука влекла его возможностью чистой, ничем не замутненной свободы. «Как и Шопенгауэр, я прежде всего думаю, – писал он в речи к 60-летию Макса Планка, – что одно из наиболее сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, – это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жестокостью и пустотой, уйти от уз вечно меняющихся собственных прихотей... Но к этой негативной причине добавляется позитивная. Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира; и не только для того, чтобы преодолеть мир, в котором он живет, но и для того, чтобы в известной мере попытаться заменить этот мир созданной им картиной. Этим занимаются художник,

поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему... Душевное состояние, способствующее такому труду, подобно чувству верующего или влюбленного».

Что до религии, как таковой, то Эйнштейн как-то сказал, что верует в Б-га Спинозы, который являет себя в гармонии всего сущего. «Моя религия – это глубоко прочувствованная уверенность в существовании высшего интеллекта, который открывается нам в доступном познанию мире».

С этим мироощущением было связано и отношение Эйнштейна к смерти. Не боится ли он ее? – спросили его однажды. «Чего же в ней страшного? – ответил Эйнштейн. – Я настолько слился со всем живым, что мне безразлично, где начинается и где кончается какая-то одна жизнь». И по другому поводу: «Я не хочу и не могу также представить себе человека, остающегося в живых после телесной смерти, – что за слабые души у тех, кто питает из эгоизма или смешного страха подобные надежды... Мне достаточно испытывать ощущение вечной тайны жизни». Перед смертью он отказался от операции, которая могла бы ему на время помочь. «Это безвкусно – искусственно продлевать жизнь, я свое дело сделал, пора уходить. Я хотел бы сделать это элегантно». В одном из последних писем он назвал себя «глубоко религиозным неверующим». В смысл этих слов стоит вникнуть. Ибо этот человек в самом деле был, как немногие, причастен к некой великой тайне.

Эпистола ставила генерала Лаймана в известность, что сержант Натан Маркс делает честь как американской армии, так и еврейскому народу.

Что побудило Гроссбарта ретироваться? Почувствовал ли он, что зарвался? Или его письмо – стратегический маневр, хитроумная попытка укрепить наше, как ему мнится, содружество? Или его взгляды и впрямь претерпели изменение *via*^[1] вымышленного разговора между Гроссбартом-ре`ге^[2] и Гроссбартом-филс^[3]? Я пребывал в растерянности, но не прошло и нескольких дней, как я понял: чем бы ни руководствовался Гроссбарт, он и впрямь решил оставить меня в покое; решил не выпендриваться, а вести себя как прочие новобранцы. Я видел его на смотрах, но он ни разу мне не подмигнул; на построениях перед столовой, но он ни разу не подал мне никакого знака. По воскресеньям он бил баклуши вместе с другими новобранцами, смотрел, как тыловая команда играет в бейсбол – я был в ней питчером; но ни разу – без надобности – ко мне не обратился. Фишбейн и Гальперн тоже притихли – уверен, по указке Гроссбарта. Очевидно, он решил: прежде чем начать выбивать незаслуженные привилегии в полную силу, разумнее отступить. На отдалении я сумел простить ему наши прежние ошибки и в конечном счете даже восхититься его сметкой.

После того как Гроссбарт перестал мне докучать, я постепенно вошел в курс своей работы и административных обязанностей. А как-то взвесившись, обнаружил, что стал заправской тыловой крысой – прибавил три с лишком килограмма веса. Набрался терпения одолеть три первые страницы книги. Все чаще думал о будущем, писал письма своим довоенным приятельницам. Послал письмо в Колумбийский университет с просьбой прислать проспект юридического факультета. Я продолжал следить за войной на Тихом океане, но это уже была не моя война. Мне казалось, что ее конец не за горами, и порой ночами я воображал, как прогуливаюсь по Манхэттену – Бродвею, Третьей авеню, Сто шестнадцатой улице, – где прожил те три года, когда учился в Колумбийском университете. Отуманиваясь этими мечтами, я чувствовал себя чуть ли не счастливым.

Ну а потом, однажды в воскресенье, когда все ушли и я сидел в караулке один, читал месячной давности «Спортинг ньюс», – откуда ни возьмись явился Гроссбарт.

– Сержант, вы бейсбол любите?

Я оторвался от газеты.

– Как поживаешь?

– Лучше не бывает, – сказал Гроссбарт. – Они сделают из меня солдата.

– А как Фишбейн и Гальперн?

– Справляются, – сказал он. – Сегодня нет строевой подготовки. В кино пошли.

– А ты почему с ними не пошел?

– Захотелось повидать вас, поприветствовать.

Он улыбнулся – застенчиво, по-свойски, так, словно мы оба знаем, что, если не заваливаться друг к другу без предупреждения, не поздравлять с днем рождения, не одалживать по-соседски газонокосилку, дружба угаснет. Сначала я рассердился, но потом при мысли, что в гарнизоне никого нет – все сидят в темном кинотеатре, а я тут один на один с Гроссбартом, – мне стало не по себе. Я сложил газету.

– Сержант, – сказал он. – Хочу попросить об одолжении. Именно об одолжении, и я так прямо вам и говорю.

Он запнулся – дал мне время прервать его и тем самым вынудил выслушать, чего я отнюдь не собирался делать.

– Валяй.

– Собственно говоря, я прошу вас не об одном одолжении, а о двух.

Я промолчал.

– Первое касается этих слухов. Говорят, нас направят на Тихий океан.

– Я уже сказал твоему корешу Фишбейну, что не знаю, куда вас направят, – сказал я. – Узнаешь в свое время. Тогда же, когда и все.

– Как, по-вашему, могут нас послать на восток, такое возможно?

– В Германию? – спросил я. – Не исключено.

– Я имел в виду Нью-Йорк.

– Вряд ли, Гроссбарт. Но это я так сказал, с кондачка.

– Спасибо за информацию, сержант, – сказал он.

– Какая там информация, Гроссбарт. Всего лишь догадки, не более того.

– А хорошо бы пожить поблизости от дома. Папа с мамой – да вы знаете. – Он шагнул было к двери, но тут же обернулся. – Ах да, еще одно дельце. Можно вас попросить еще об одном одолжении?

– О каком?

– У меня родственники в Сент-Луисе, так вот они обещали устроить для меня обед, как полагается на Пейсах, чин-чинарем, если мне удастся к ним выбраться. Ей-ей, сержант, для меня это очень много значит.

Я встал.

– Во время основного курса учебной подготовки увольнительных не положено.

– Сержант, но занятий же до утра понедельника не будет. Я могу уйти из гарнизона, и никто ничего и знать не будет.

– Я знаю. Ты знаешь.

– Но и только. Только мы двое. Вчера вечером я позвонил тете, вы бы ее послушали: «Приезжай, – говорит, – приезжай. Я приготовлю гефилте фиш^[4], хрен – всё, что надо». Всего на один день, сержант. Случись что, я вину возьму на себя.

– Капитан уехал, некому подписать увольнительную.

– Вы подпишете.

– Послушай, Гроссбарт.

– Сержант, два месяца, целых два месяца, я ел тrefное, оно мне уже до того опостылело, что хоть ложись и помирай.

– Я-то думал, ты решил выжить и так. Отказавшись от своего наследия в этой его части.

Гроссбарт наставил на меня палец.

– Вы! – сказал он. – Я не ожидал, что вы прочтете это письмо.

– А я прочел. Ну и что?

– Письмо было адресовано конгрессмену.

– Гроссбарт, не вешай мне лапшу на уши. Ты хотел, чтобы я его прочел.

– Так почему же вы меня травите, сержант?

– Ты что, смеешься?

– Меня, случалось, и раньше травили, – сказал он. – Но свои – никогда!

– Пошел вон, Гроссбарт! Чтоб я тебя больше не видел!

Он не сдвинулся с места.

– Стыдитесь, что вы еврей, вот в чем штука, – сказал он. – Поэтому и вымещаете на нас. Говорят, Гитлер был наполовину еврей. Послушаешь вас, так и поверишь.

– Гроссбарт, чего ты от меня хочешь? – спросил я. – Чего домогаешься? Хочешь, чтобы я делал тебе поблажки, добивался для тебя особой еды, узнавал, куда тебя направят, давал увольнительные?

– Да вы и говорите-то как гой! – Гроссбарт потряс кулаком. – Я что, прошу обычную увольнительную на субботу-воскресенье? Сейдер для вас что-то значит или что?

Сейдер! И тут я вспомнил, что Пейсах отпраздновали с месяц назад. О чем и сказал.

– Ваша правда, – сказал он. – Я что, говорю – нет? Месяц назад, а я был на учениях и ел черт знает что! И о чем я вас теперь прошу – о простом одолжении. Вы же еврей, вот я и надеялся – вы поймете: тетя готова для меня постараться – устроить мне сейдер месяцем позже... – и что-то бормоча под нос, он двинулся к двери.

– Вернись! – окликнул его я. Он остановился, посмотрел на меня. – Гроссбарт, почему бы тебе не быть, как все? Ну почему ты вечно высовываешься?

– Потому что я – еврей, сержант. Я – не такой, как все. Может, и не лучше других. Но не такой.

– Гроссбарт, идет война. Постарайся, хотя бы на время, быть, как все.

– Нет и нет!

– Что такое?

– Нет и нет! Я не могу перестать быть самим собой – и все тут, – на глазах у него выступили слезы. – Евреем быть нелегко. Но теперь я понял, о чем говорил Мики: остаться евреем еще трудней. – Он воздел ко мне руку. – Стоит посмотреть на вас.

– Прекрати, не распускай нюни!

– Прекрати это, прекрати то, прекрати се! Сами прекратите, сержант! Прекратите, пора открыть сердце своим! – и утирая лицо рукавом, он выбежал из канцелярии. – Уж хоть это мы можем сделать друг для друга...

Выглянув час спустя из окна, я увидел, что Гроссбарт пересекает плац. В накрахмаленной форме, в руке коробочка от солдатского швейного прибора. Я вышел на раскаленный плац. Тишина, не видно ни души, только у столовки четыре раздатчика, согнувшись над чаном, чистили на солнышке картошку и чесали языки.

– Гроссбарт! – окликнул я его.

Он посмотрел на меня, но не остановился.

– Гроссбарт, подойди ко мне!

Он повернулся, пошел через плац. И в конце концов встал передо мной.

– Куда направляешься? – спросил я.

– В Сент-Луис. И плевал я на все.

– Без увольнительной тебя задержат.

– Ну так меня задержат без увольнительной.

– Сядешь в каталажку.

– А где я, как не в каталажке? – Он повернулся кругом и пошел прочь.

Я дал ему отойти на шаг-два.

– Вернись, – сказал я, он пошел следом за мной в канцелярию, и я отпечатал увольнительную, поставил имя капитана, а под ним – свои инициалы.

Он взял увольнительную, схватил меня за руки.

– Сержант, вы не понимаете, как много это для меня значит.

– Ладно, – сказал я. – Смотри, ни во что не ввязывайся.

– Уж не знаю, что и сделать – только бы показать вам, как много это значит для меня.

– Избавь меня от твоих благодеяний. Не пиши больше конгрессменам, чтобы мои заслуги оценили по достоинству.

Он улыбнулся.

– Ладно. Больше не буду. Но все-таки мне хотелось бы хоть что-то для вас сделать.

– Принеси мне кусок фаршированной рыбы. А теперь уматывай!

– Обязательно, – сказал он. – С кружочком морковки и хреном. Не забуду.

– Отлично. На воротах покажи увольнительную. И никому ничего не говори – молчок!

– Не скажу. И пусть Пейсах был месяц назад, все равно а-гут йом тов^[5] вам!

– И тебе гут йом тов, Гроссбарт, – сказал я.

– Вы – хороший еврей, сержант. Напускаете строгость, но в сущности вы человек хороший, порядочный. Я серьезно, правда-правда.

Последняя фраза, хоть я и знал, что на слова Гроссбарта – какие бы то ни было – нельзя обращать внимания, меня тронула.

– Ладно, Гроссбарт, – сказал я. – А теперь давай величай меня «сэром» и проваливай.

Он выскочил за дверь – и был таков. Я остался доволен собой – у меня камень с души свалился: воевать с Гроссбартом больше не надо и отделался я дешево. Барретт ничего не узнает, а если и узнает, придумаю какую-нибудь отговорку. Уверенный, что нашел отличное решение, я еще некоторое время посидел за столом. Но вскоре дверь распахнулась, и в канцелярию ввалился Гроссбарт.

– Сержант! – сказал он.

За его спиной стояли Фишбейн и Гальперн, оба в накрахмаленной форме, у обоих, как и у Гроссбарта, в руках коробочки от швейных приборов.

– Сержант, я перехватил Мики и Ларри на выходе из кино. Едва их не упустил.

– Гроссбарт, говорил я тебе или не говорил – молчок?

– Но тетя сказала, что я могу привести друзей. Вернее, что нужно привести друзей.

– Я – сержант, Гроссбарт, а не твоя тетя!

Гроссбарт кинул на меня недоуменный взгляд. Потянул Гальперна за рукав.

– Мики, скажи сержанту, что это для тебя значит.

Гальперн посмотрел на меня, пожал плечами и сказал:

– Много чего.

Фишбейн выступил вперед, его Гроссбарту даже не понадобилось подначивать.

– Сержант Маркс, это очень много значит для меня и моих родителей.

– Ни за что, – взревел я.

Гроссбарт покачал головой.

– Сержант, я понимаю – меня вы можете лишить сейдера, но как вы можете так поступить с Мики – ведь он же ешиботник – это выше моего разумения.

– Ничего я Мики не лишаю, – сказал я. – Ты, Гроссбарт, перегнул палку. И это ты лишил Мики сейдера.

– Раз так, я отдам ему мою увольнительную, – сказал Гроссбарт. – А также адрес тети и записку к ней. По крайней мере, хоть Мики отпустите. – И он быстренько сунул увольнительную Гальперну в карман брюк. Гальперн, а за ним и Фишбейн перевели глаза на меня. Гроссбарт – он уже был у двери – распахнул ее.

– Мики, раз так, принеси мне хотя бы кусочек фаршированной рыбы, – сказал он и вышел.

Мы трое обменялись взглядами, и я сказал:

– Гальперн, дай сюда увольнительную.

Он вытащил увольнительную из кармана, подал. Фишбейн направился было к двери, но не ушел. Постоял с минуту, разинув рот, потом ткнул себя пальцем в грудь.

– А как же я? – сказал он.

Он был до того нелеп, что я больше не мог сопротивляться. Я обмяк, в глазах у меня помутилось.

– Фишбейн, – сказал я. – Ты пойми, я не хочу тебя ничего лишать, понял? Будь это моя армия, вам бы что ни день готовили фаршированную рыбу. А в гарнизонном магазине продавали бы мацу, ей-ей.

Гальперн улыбнулся

– Ты меня понял, Гальперн, понял или нет?

– Да, сержант.

– А ты, Фишбейн? Я не хочу наживать врагов. А хочу того же, что и вы: отслужить свое – и домой. И стосковался я по тому же, что и вы.

– В таком случае, сержант, – сказал Фишбейн, – почему бы вам не отправиться с нами?

– Куда?

– В Сент-Луис. К тете Шелли. У нас будет настоящий сейдер – все как положено. Поиграем в спрячь-мацу. – Он одарил меня широкой – до ушей – гнилозубой улыбкой.

И тут за проволочной сеткой двери снова нарисовался Гроссбарт.

– Эгей! – Он помахал клочком бумаги. – Мики, вот адрес. Скажи тете, я не сумел выбраться.

Гальперн не сдвинулся с места. Перевел глаза на меня, и я увидел, как плечи его вздыбились. Я снял чехол с машинки и выписал увольнительные ему и Фишбейну.

– А теперь проваливайте, – сказал я. – Вся ваша троица.

Мне показалось, что Гальперн кинется целовать мне руку.

Позже я пил пиво в джоплинском баре и вполслуха следил за игрой «Кардинала». Старался трезво оценить, во что втянулся, размышлял: а что, если в нашей розни виноват не так Гроссбарт, как я? Что я собой представляю, если мне приходится обуздывать свои лучшие чувства? Кто я такой, если мне настолько недостает широты души? В конце-то концов, меня же не просили перевернуть земной шар. Имел ли я в таком случае право или основание приструнивать Гроссбарта, а заодно и Гальперна? А также Фишбейна, эту отталкивающую, бесхребетную натуру? Из воспоминаний детства, обрушившихся на меня в последние несколько дней, вдруг отделился голос бабушки: «Что ты цимес^[6] делаешь?» Так она спрашивала маму, когда я, скажем, набедокурив, ушибусь, а ее дочь принималась меня бранить. Обнять и расцеловать меня – вот, что было нужно, а мама читала рацеи. Зато бабушка, она знала: милосердие важнее справедливости. И мне следовало бы это знать. Да кто он такой, Натан Маркс, чтобы с такой скаредностью отмерять медяки сердечной доброты? Ну, конечно же, Мессия – если ему суждено прийти в мир – не будет скупердьяничать. Он обнимет и расцелует нас.

Назавтра, играя на плацу в бейсбол, я решился спросить Боба Райта, сержанта из отдела комплектования, куда, по его мнению, направят наших новобранцев через две недели, когда они закончат курс учебной подготовки. Спросил как бы невзначай, между иннингами, и он сказал:

– Всех отправят на Тихий океан. Шультман вчера оформил приказы на твоих ребят.

Эта новость так потрясла меня, точно Гальперн, Фишбейн и Гроссбарт были моими сыновьями.

Вечером, когда я уже засыпал, в дверь постучали:

– Кто там? – спросил я.

– Шелдон.

Он открыл дверь, перешагнул через порог. Я увидел его не сразу, но чувствовал, что он здесь.

– Ну как прошел сейдер? – спросил я.

Фигура Гроссбарта выделилась из полумрака прямо передо мной.

– Лучше не бывает, сержант. – Он опустился на кровать.

Я приподнялся.

– А вы как? – спросил он. – Отдохнули?

– Да.

– Гальперн и Фишбейн пошли спать. – И он глубоко вздохнул – заботливый отец, да и только.

Какое-то время мы помолчали, моя неприглядная каморка неожиданно обуютилась – так бывает, когда дверь заперта, кошка выпущена погулять, дети уложены.

– Сержант, можно я вам кое-что скажу? Личное?

Я не ответил, и он, похоже, понял почему.

– Я не о себе. О Мики, сержант. Ни к кому я еще так не относился. А прошлой ночью слышу: Мики – его койка рядом с моей – плачет. Да так, что сердце разрывается. Прямо-таки рыдает.

– Очень жаль.

– Я стал с ним разговаривать – надо же было как-то его успокоить. Он схватил меня за руку, сержант, и не отпускал ее. У него чуть ли не истерика началась. И все говорил: если б только узнать, куда нас направят. И пусть скажут, что на Тихий океан, все лучше, чем неизвестность. Ему бы только узнать.

Давным-давно кто-то преподавал Гроссбарту горький урок: не обманув, правды не узнаешь. Поверить, что Гальперн плакал, я вполне мог: глаза у него всегда были красные. Так ли, не так – не знаю, но у Гроссбарта все оборачивалось обманом. Он был стратег до мозга костей. Но и я – и это прозвучало как приговор, – я ведь тоже был стратег! Есть стратегия наступательная, но есть и стратегия отступления. И поскольку и мне – не могу не признать – присущи и хитроумие, и изворотливость, я поделился с Гроссбартом добытой информацией.

– На Тихий океан.

Он ахнул, на этот раз непритворно, без обмана.

– Я передам Мики. Жаль, что не иначе.

– И мне жаль.

Он аж подскочил.

– Значит, вы можете что-нибудь сделать. Скажем, изменить приказ?

– Нет, ничего не могу.

– А вы никого не знаете в отделе комплектования?

– Гроссбарт, ничего я не могу, – сказал я. – Если вам дан приказ на Тихий океан, значит, туда вас и отправят.

– Но Мики...

– Мики, тебя, меня, всех без исключения, Гроссбарт. Ничего тут не поделаешь. А может, война закончится раньше. Моли о чуде.

– Но...

– Спокойной ночи, Гроссбарт. – Я лег и, когда пружины подпрыгнули, почувствовал облегчение – значит, Гроссбарт встал. Теперь я видел его хорошо: челюсть у него отвисла, вид был, как у боксера, когда его послали в нокаут. И тут я заметил, что Гроссбарт держит бумажный пакет.

– Гроссбарт, – я улыбнулся. – Это что, гостинец?

– Ну да, сержант. От всех нас. – Он вручил мне пакет. – Овощной рулет.

– Рулет? – Я взял пакет, низ его промаслился.

– Мы подумали, вдруг он вам придется по вкусу. Вам же наверняка доводилось есть китайский овощной рулет. Мы решили: вдруг вы любите...

– Твоя тетя приготовила для вас овощной рулет?

– Ее не было дома.

– Гроссбарт, она тебя пригласила. Ты сказал – она пригласила тебя и твоих друзей.

– Верно, – сказал он. – Я только что перечитал ее письмо. Она нас пригласила на следующее воскресенье.

Я встал с постели, подошел к окну.

– Гроссбарт, – сказал я. Но к его совести взывать не стал.

– Что?

– Что ты за человек, Гроссбарт? Нет, скажи по правде, что ты за человек?

По-моему, я в первый раз задал ему вопрос, на который он не нашелся с ответом.

– Как ты можешь так поступать с людьми? – продолжал я.

– Сержант, отлучка нам пошла на пользу. Фишбеин, вы бы только поглядели на него, он просто обожает китайскую кухню.

– А как же сейдер? – сказал я.

– Раз с сейдером не вышло, пришлось довольствоваться китайской кухней.

На меня накатила ярость. И я даже не пытался взять себя в руки.

– Гроссбарт, ты обманщик! – сказал я. – Каверзник и шукарь. Ты ничего и никого не уважаешь. Ничего и никого. У тебя нет уважения ни ко мне, ни к правде, ни даже к бедняге Гальперну. Ты всех нас используешь...

– Сержант, сержант, я жалею Мики. Правда-правда, жалею. Я к нему привязался. Я пытаюсь...

– Пытаешься! Жалеешь! – Я набросился на него, взял за грудки. Что есть силы потряс.

– Пошел вон! Вон – и держись от меня подальше. Попадешься на глаза – пеняй на себя. Ты меня понял?

– Понял.

Я отпустил его и, когда он вышел из комнаты, едва удержался, чтобы не плюнуть ему вслед. Я был взбешен. Бешенство обуяло, обуревало меня, надо было выплеснуть его – дать волю слезам или что-то сокрушить. И я схватил с кровати пакет с рулетом и вышвырнул его в окно. Назавтра, когда солдаты убирали лагерь, я услышал, как один из новобранцев – он не рассчитывал поживиться на уборке ничем, кроме разве что окурков или фантиков, – испустил радостный крик.

– Овощной рулет! – вопил он. – Вот те на – это ж надо, китайский овощной рулет!

А когда неделю спустя пришел приказ, спущенный отделом комплектования, я не поверил своим глазам. Всех до одного новобранцев направляли в лагерь «Стоунмен» (штат Калифорния), а оттуда на Тихий океан, всех, за исключением одного. Рядового Шелдона Гроссбарта. Его направляли в форт «Монмут» (штат Нью-Джерси). Я прочитал отпечатанный на ротаторе листок несколько раз подряд. Ди, Гальперну, Гарди, Гелебрандту, Глиници, Громке, Гуцве, Фаррелу, Филиповицу, Фишбейну, Фьюзелли – всем вплоть до Антона Цигахло – надлежало до конца месяца отправиться на запад. Всем, кроме Гроссбарта. Он нажал на какую-то пружину, и пружиной этой был не я.

Я поднял трубку, позвонил в отдел комплектования.

Голос на другом конце провода четко отрапортовал:

– Капрал Шульман слушает.

– Соедините меня, пожалуйста, с сержантом Райтом.

– С кем я говорю?

– С сержантом Марксом.

В ответ на другом конце провода – чему я очень удивился – сказали:

– А-а-а! – Затем: – Одну минуту, сержант.

Ожидая, когда Райт подойдет к телефону, я обдумывал Шульманово «А-а-а!». С чего бы вдруг это «А-а-а!»? Кто такой Шульман? И тут мне открылось – вот она та пружина, на которую нажал Гроссбарт. Я прямо-таки слышал, как Гроссбарт, встретив Шульмана в гарнизонном магазине, кегельбане, а может, и в молельне, говорит:

– Рад познакомиться. Ты откуда? Из Бронкса? И я оттуда. Знаешь того-этого? А этого-того? И я их знаю. Ты из отдела комплектования? Ну да? Слушай, а нас и вправду отправят на восток? А ты не мог бы помочь? Изменить приказ? Схитрить, смухлевать, соврать? Нам, сам понимаешь, надо помогать друг другу. Вот если бы евреи в Германии...

К телефону подошел Боб Райт.

– Как дела, Нат? Не повредил рабочую руку?

– Да нет. Боб, слушай, не в службу, а в дружбу, сделай одолжение. – Я осознавал, что говорю точь-в-точь как Гроссбарт, и оттого к осуществлению своего плана приступил неожиданно легко.

– Ты не поверишь, Боб, но есть тут один парень, его направляют в «Монмут», а он туда не хочет. У него в Европе убили брата, и он просто рвется на Тихий океан. Говорит, будет чувствовать себя трусом, если застрянет в Штатах. Слушай, Боб, нельзя ли как-нибудь ему помочь? Направить в «Монмут» вместо него кого-нибудь другого?

– Кого? – Райт насторожился.

– Кого угодно. Да хоть первого же по алфавиту. Мне все равно. Но этот парень просил: нельзя ли что-то сделать.

– Как его зовут?

– Гроссбарт Шелдон.

Райт промолчал.

– Ну да, – сказал я. – Парнишка – еврей, вот я и решил ему помочь. Ну ты понимаешь.

– Наверное, я смогу ему помочь, – сказал наконец Райт. – Майор уже которую неделю носа к нам не кажет. Временно прикомандирован к площадке для гольфа. Попытаюсь, Нат, но ничего больше пока обещать не могу.

– Буду очень тебе благодарен, Боб. До воскресенья, – и, весь в поту, повесил трубку.

На следующий день вышел исправленный приказ. Гальперн, Гарди, Глиници, Громке, Гроссбарт, Гуцва, Филипивиц, Фишбейн, Фьюзелли... А рядового Харли Алтона – везет же людям! – направили в форт «Монмут» (штат Нью-Джерси), куда, Б-г весть почему, затребовался рядовой, прошедший пехотную подготовку.

После ужина я вернулся в канцелярию – уточнить, кому и когда нести дежурство. Гроссбарт поджидал меня. Он заговорил первым.

– Сукин сын, вот вы кто!

Я сел за стол и под его испепеляющим взглядом принялся вносить изменения в список.

– Что я вам плохого сделал? – разорвался он. – А моя семья? Вас что, убыло бы, если бы я служил неподалеку от отца – кто знает, сколько ему осталось жить?

– Это почему же?

– Сердце, – сказал Гроссбарт. – Мало на его долю бед выпало, так вы добавить решили. Будь проклят тот день, Маркс, когда я с вами познакомился! Шульман мне рассказал, что вы сделали. Согласитесь, ваш антисемитизм перешел все пределы. Сколько мы от вас здесь натерпелись, а вам все мало. Вы еще по телефону каверзы строите! Хотите меня известить, вот что!

Я сделал несколько пометок в списке и встал – хотел уйти.

– Всего доброго, Гроссбарт.

– Ну нет, вы должны просить у меня прощения, – Гроссбарт встал у меня на дороге.

– Шелдон, напротив, это ты должен просить у меня прощения.

Он вызверился на меня.

– У вас?

– У меня, я так думаю, что и у меня. Но прежде всего у Фишбейна и Гальперна.

– Валяйте, передергивайте. Ни у кого я не должен просить прощения. Я сделал для них все, что мог. А теперь – я так считаю – имею право и о себе подумать.

– Мы, Шелдон, должны думать друг о друге. Ты сам так сказал.

– Значит, по-вашему, вы думали обо мне?

– Нет. Обо всех нас.

Я оттолкнул его и пошел к двери. Слышал, как он яростно сопит за моей спиной – с таким звуком из мощного двигателя вырывается пар.

– С тобой ничего не случится, – сказал я уже от двери.

И подумал, что и с Фишбейном, и с Гальперном тоже, даже и на Тихом океане, – до тех пор пока Гроссбарт сумеет употреблять тряпичную натуру одного и одухотворенную отрешенность другого себе на пользу.

Я постоял около канцелярии – слышал, как за дверью плачет Гроссбарт. Мне было видно, как за освещенными окнами казарм парни в майках обсуждают, сидя на койках, куда их направят: они вот уже два дня кряду только о том и говорили. Пряча тревогу, они начищали ботинки, надраивали бляхи на ремнях, приводили в порядок исподнее, старались, как могли, смириться со своей участью. У меня за спиной глотал рыдания Гроссбарт – смиряясь со своей участью. И тогда, как ни тянуло меня вернуться в караулку – просить у Гроссбарта прощения за мою нетерпимость, я смирился со своей участью.

[1] *Çáññ èç-çà (èàò).*

[2] *Î òõîî (òðàí ò).*

[3] *Ñúíîî (òðàí ò).*

[4] *Òàðð-èðíàáí í òð ðúáó (èäèè).*

[5] *Ñ:-áñð-èèáñ ñ í ðàçáí èèà (èäèè).*

[6] *Çáññ «x òí òú ðáñññèèááòú?» Òèì áññòíæòíñ áíéá, í òíðáà è èäèí à*

נְעָאִי עָא יָא עֵי אִי אֵא אֲדִי צִי יִי עֵי דַאֲדִי אֵא אֲדַאֲנֵי עֵי אֲוֵי עֵי אֵי יֵי עֵי אֵא

И. Берлин

Сказание о происхождении семьи Барканов, которое мне приходилось неоднократно слышать в различных вариантах в бытность мою в городе Полоцке Витебской губернии, является, насколько я знаю, единственным сказанием об Иоанне Грозном в еврейском фольклоре. Цикл произведений фольклора о грозном московском царе вообще представляет значительный интерес не только по богатству и разнообразию мотивов, но – и это главное – по разительному несоответствию изображенных там личности и деяний Грозного реальным историческим фактам. Судьба была настолько милостива к Иоанну Грозному, ожившему в созданиях народного творчества, что по истечении сравнительно короткого времени после смерти кровавого этого властителя из людской памяти как бы испарились его «пагубные и скверные дела». Всего три четверти века спустя, после того, как Иоанн IV почил в бозе, английский врач Самуил Коллинз, живший в Москве в 1659–1667 годах, в своем некогда известном сочинении «О современном состоянии Руси» уже счел нужным остановиться на этом необъяснимо доброжелательном отношении народных сказителей к Иоанну Грозному, объяснив его тем, что царь унижил ненавистное народу боярство.

Сказание, о котором речь, – это отголосок разгрома еврейской общины в Полоцке при взятии города Грозным в 1563 году, во время его похода на Ливонию. Об этом сообщают Матвей Стрыйковский, Ал. Гаванини и другие. Разумеется, сие нисколько не говорит в пользу давности нашего сказания, приуроченного к событию, слишком известному в истории края, – к взятию Полоцка Московским войском. Но оно служит важным подтверждением имевшего место разгрома еврейской общины при завоевании Полоцка, ибо сведения о нем дошли до нас большею частью из ненадежных источников.

Вот сюжет еврейского народного сказания:

«Была лютая зима. Завоевал московский царь Иоанн Грозный Полоцк и повелел всех евреев с женами и детьми, всех до единого, согнать к берегу реки Двины, к месту нынешнего Алтштодта, что близ княжеского замка. Собрали всех евреев, их жен и детей, числом 3000 душ*, и поставили всех у реки Двины, как приказал царь. И лишь двое детей – мальчик, сын одного когена, и девочка, тоже дочь когена, во время суматохи были забыты и не приведены к берегу Двины. И приказал Иоанн Грозный поставить всех евреев на лед реки и затем разрубить лед. И были все потоплены, числом 3000 душ. Спаслись только те двое детей, которых Иоанн Грозный затем пощадил; их приютили добрые люди. Выросли оба и сочетались браком, получив имя Бар-Коген (Баркан). Они-то и положили основание новой общине и семье Барканов».

Í òò èè, çàòàà-àí í úá á Èèàí ùèé è áéí á Èèèðñò ðàòèý èç éí èè «Ðùñèàý èàò í í èññ».

Иоанн Грозный выступает здесь отнюдь не в своем истинном виде; еврейскому сказанию он нужен, чтобы ввести в текст мотив, связанный со «снихождением» московского царя, а это, в свою очередь, объясняет, каким образом разгромленная община сумела возродиться к новой жизни. В основе повествования лежит легенда – о чете спасшихся жителей разрушенного Полоцка, о двух подростках, по воле Провидения восстановивших целый пласт утраченного было еврейского бытия. По общей сюжетной канве это сказание приближается к другой легенде – об остатках еврейской общины Могилева (на Днепре), истребленной при вторжении царя Алексея Михайловича в Белоруссию (1655 год), а также к общеизвестной русской легенде про «Ивана да Марью». От первой наше сказание отличается лишь временем и местом действия, вторую же напоминает лишь мотивом, обретшим в сказании об «Иване да Марье» трагический смысл (там речь идет о кровном родстве уцелевшей пары, не позволявшем ей сочетаться законным браком).

В дополнение к сказанию о погроме в Полоцке, следует упомянуть и об установившемся в связи с ним местном обычае. В память о гибели общины члены погребального полоцкого братства ежегодно постятся и совершают заупокойное Б-гослужение на древнем кладбище, находящемся на расстоянии нескольких верст от города, возле урочища Салоник: там, по преданию, похоронены всплывшие на поверхность трупы мучеников 1563 года. Согласно другому преданию, на этом кладбище погребены раввин и раввинша, ксендз и поп, жених и невеста. Поп – это униатский священник, который вместе с другими названными жертвами погиб при взятии Полоцка царем Алексеем Михайловичем. Местное православное население, воспользовавшись появлением в городе московских войск, отобрало тогда имущество у поляков, униатов и евреев. И устроило заодно еврейский погром.

«Аааéíèàý òò àðéí à», 1915 ãä

ЛЕВИНА ЖЕНИТЬБА

Beṭā Qāḇōād

*Dācēāy – yōf nēḥōai ā nēi ālēā, ēiōf dāy i fōtāāāō ō:āēfāēā, nīfī fūfō ā fōyāf:ēāpūēō āā
nūāāō āfāi ēā ēfī ōai ōēē, nēēū ūā āāfōāāō ūāāpūēā fānōōfāi ēy ē i fācēāāi ēy, fācēāy yōē
ēfī ōai ōēē fōāēfī āāēfōāēōāēū fīnōē ōāē, ōfāū nīfōāāōnōāpūēā fānōōfāi ēy ē i fācēāāi ēy
āiāyāāēē āfī fāēfī ālēā dāēū ūi ē.*

Ēēēōōfāā Āāāō

Лошадь не стесняется, когда опрокидывает телегу.

Раввин замолк и внимательно посмотрел на Лева. Лева отвел взгляд и кивнул – понимаю, как не понять.

Сравнение не отличалось особенной глубиной, единственная загвоздка состояла в том, что живую лошадь Лева видел всего несколько раз. В Минске, где он прожил безвыездно двадцать четыре года, лошадей давно не осталось, разве на ипподроме, но туда Лева не заглядывал по причине стойкого неприятия азартных игр.

Впрочем, раввин – профессорский сын из Новосибирска – тоже вряд ли когда-нибудь видел, как лошадь опрокидывает телегу. Хотя в Израиль он приехал на двадцать лет раньше Левы и, возможно, в те годы лошадьми тут еще пользовались.

Нет, скорее всего, он набрался таких выражений в своей ешиве. Преподавали в ней по старинке, без компьютера и диктофона, все ученики сидели в одном огромном зале и зубрили по книжкам, которыми пользовались еще их деды и прадеды. Шум в зале стоял невероятный, Лева привыкал к нему несколько месяцев, пока научился пропускать его мимо ушей, словно шум прибора или шелест листьев.

Преподаватели – старики с белоснежными бородами – будто соревновались друг с другом в долголетию. Младшему из них хорошо перевалило за семьдесят: видимо, более юные претенденты считались недостаточно зрелыми для великого дела обучения Торе. На фоне их седин резко выделялась черная, без единого серебряного волоска, борода Левиного раввина, допущенного в преподавательский состав за необычайные способности и прочие религиозные достоинства.

Старики, как один, учились еще при царе в ешивах Литвы, тогдашнем мировом центре преподавания Торы, и усвоили там особый стиль постижения Талмуда. Поэтому их ешиву до сих пор называли «литовской», хотя к нынешней Литве она не имела ни малейшего отношения.

Возглавлял ешиву известный во всем еврейском мире мудрец, возраста которого никто не знал. Правда, в одной из бесед с учениками мудрец рассказал, как ему удалось отвертеться от мобилизации в русскую армию. Он был тогда еще совсем мальчишкой, безусым пареньком с длинными пейсами и воевать с японцами не испытывал ни малейшего желания. Вот он-то наверняка знал, какое выражение появляется на морде лошади, когда телега вместе с седоками валится в дорожную грязь.

– В минуту гнева, – продолжил раввин, – женщина ненавидит мужа по-настоящему, до конца. А рассердить ее может очень многое, особенно если ей кажется, будто из-за причуд мужа она лишена возможности жить, как ей нравится, и детей воспитывать, как ей кажется правильным. Понимаешь?

– Понимаю, – на этот раз Лева уже не отвел глаз.

– Люди не меняются – запомни это. Легче выучить всю Тору наизусть, чем изменить одну черту характера. Потому выбирать нужно похожих на тебя, из тех, кто хочет вести такой же образ жизни. Не для тебя и не из-за тебя, ибо эти одолжения невозможно соблюдать всю жизнь, а ради себя самой. Нерелигиозная девушка, какой бы умницей она ни была и что бы ни обещала до свадьбы, спустя несколько лет вывернется из постромок и опрокинет, без всякого стыда, телегу семейной жизни. И это не покажется ей ни обидным, ни зазорным, а вполне естественным, нормальным шагом. Судьба у жены ешиботника не простая, не всякая женщина способна вынести тяжесть скудного быта и постоянное отсутствие мужа. Для этого нужно понимать, куда ведет путь и какую ношу несет каждый член семьи. Понимаешь?

– Понимаю.

– Злата чудесная девушка – лучше тебе не найти. Ты пересмотрел уже достаточно кандидаток. Решайся.

– Но я еще не видел ее.

– Запиши телефон. Назначь встречу. И не тяни.

Лева вздохнул, записал телефон, попрощался с раввином и вышел на улицу. Вокруг него заструился, затрепетал теплый зимний день. До первой свечки Хануки оставалось меньше недели, деревья в городском саду стояли зеленые, шурша промытыми недавним дождем листьями. По минскому ощущению наступала весна, и Лева постоянно приходилось преодолевать дурное кипение, само собой возникающее в крови. До настоящей весны было еще далеко.

Улица Нордау, уютная улочка в религиозном районе Реховота, круто уходила вверх, и пока Лева добрался до своего переулочка, лоб под шляпой пробил испарина. Возвращаться в ешиву не хотелось, скоро обед, лучше перекусить дома, немного поспать и отдохнувшим вернуться к вечернему кругу занятий.

Вообще, по-хорошему, надо было бы поселиться рядом с ешивой, чтоб меньше ходить, но мать, по минской привычке, хотела жить возле рынка.

– Ты, с молодыми ножками, не рассыплешься, а мне сумки таскать каждые сто метров в тягость.

Вот так Лева и оказался в «Ноам Алихот», синагоге для простого люда, расположенной у самого рынка. Зато от его дома до двери в синагогу было ровно четыре минуты ходьбы, и это давало возможность поспать лишние полчаса в сладкие субботние утра.

Мать еще не пришла с работы, доставать обед из холодильника пришлось самому. Из-за беседы с раввином Лева оказался дома непривычно рано, обычно к его приходу мать успевала все разогреть и поставить на стол. В свои неполные шестьдесят Беба была крепкой, подвижной женщиной, избыток энергии выплескивался через рот: мать говорила, не останавливаясь, вполуха выслушивая ответ собеседника. Возможно, умение воспринимать человеческую речь как фон, не вникая в смысл интонаций и слов, помогло Лева привыкнуть к шуму в ешиве.

Уроженка небольшого местечка на Подолии, Беба прекрасно знала идиш и охотно затевала разговоры с работодательницами – домохозяйками Реховота. Часто беседа затягивалась, занимая куда

больше времени, чем сама работа, плавно перетекая в посиделки на кухне за стаканом чая с домашним пирогом. Узнав, что сын домработницы учится в ешиве и заработок идет на его содержание, хозяйки щедро расплачивались и приглашали еще раз. Пока у Левиной мамы хватало сил на мытье полов и протирание пыли, он мог, ни о чем не думая, погружаться в хитросплетения талмудических споров.

Поначалу такое положение казалось Лева несправедливым и даже унижительным: ведь он, со своим дипломом инженера-электронщика, мог найти хорошую работу и навсегда избавить мать от тяжелого труда. Но, с другой стороны, профессия инженера ему всегда не нравилась, да и в институт он поступил только из-за настойчивого требования мамы.

– Ах, наши мамы! – говаривал раввин. – Они еще помнят, что хороший ребенок должен много и хорошо учиться, но вот чему именно учиться – успели позабыть. Вернее – их заставили забыть. Славно, славно потрудились советская власть!

Впрочем, по специальности Лева не работал ни одной секунды: сразу после получения диплома они начали собираться в Израиль, а событие, произошедшее во время сборов, полностью переменило его настроения и планы.

Как обычно, все началось с денег. Лева с мамой жили очень скромно, если не сказать бедно. Отец оставил их сразу после Левиного рождения и, после нескольких лет неаккуратной выплаты алиментов, исчез. Мама до пенсии проработала сестрой в реанимационном отделении городской больницы, и за эти годы в Минске набралось много благодарных ей пациентов. Руки у мамы были золотыми, впрочем, не только руки: рассказывали, будто больным становилось легче, когда она просто заходила в палату.

На благодарности бывших подопечных Беба построила нехитрую схему выживания. Когда становилось совсем туго, она одалживала у одного из них приличную сумму, а перед сроком возврата долга просила такую же у другого пациента и возвращала первому. За полгода-год, откладывая понемногу, Беба собирала деньги, и цепь замыкалась. Однако очень скоро все начиналось по новому кругу. Ночные дежурства, уколы на дому и прочие медицинские подработки с трудом удерживали бюджет на хилом плаву. Лева не работал ни одного дня в своей жизни – он только учился и отдыхал от учебы.

Перед защитой дипломного проекта мама вышла на пенсию – тощую стопку рублей, еле перекрывающую оплату коммунальных услуг. В Минске – теперь уже столице самостоятельного государства – большинство заводов закрылись, а отпускать мальчика в джунгли мелких фирм и фирмишек мама не хотела. Выход оставался только один – бежать!

Но прежде необходимо было вернуть долги, придется и подлечить зубы, ведь пломбы в Израиле стоят безумные деньги! Сумма на такое обустройство требовалась не очень большая, но взять ее было неоткуда. И в этот момент Лева приснился сон...

Микроволновка шелкнула и выключилась. Старая печка, таймер не электронный, а еще механический, постоянно барахлит. Лева пробовал его чинить, да куда там – дешевая штамповка, все запрессовано и заплавлено, если менять, то весь блок, но тогда уже дешевле купить новую. Ладно, не страшно, можно еще раз повернуть ручку.

Сосредоточенно прочитав благословение, Лева приступил к еде. Привычная, незамысловатая пища: хлеб с хумусом, соевые сосиски, авокадо, пара апельсинов на закуску. Из серии «бедный, но честный». Вернее – бедный, но праведный. Как написано о праведниках: «хлеб с водой ешь, на земле спи, счастлив и хорошо тебе». Счастлив в этом мире и хорошо в будущем.

Меню, правда, более разнообразное, чем указанная в цитате трапеза, но по сравнению с изобилием обычной израильской семьи такой обед иначе чем «хлеб и вода» не назовешь. Хотя, для точности сравнения, праведность тоже нужно сопоставлять с праведностью обычной израильской семьи.

От этой мысли Лева улынулся. Н-да, нельзя же настолько занижать планку! Если уже измерять праведность, то хотя бы в масштабе религиозного района Реховота. Но тогда обед не тянет на «хлеб и воду». Тьфу!

Семья Бебы вместе со всеми соседями погибла во время войны, обычная история подольского местечка. Небогатое имущество разграбили жители окрестных хуторов. Уцелел лишь громоздкий комод,

сделанный Мендлом, братом Бебы, известным на всю округу столяром. В мае сорок первого года он прислал его Бебе в Минск, заплатив возчику немалые деньги. Беба так и не успела разобраться, почему он так поступил. Фотография дяди Мендла, вместе с фотографиями маминых бабушки, дедушки, пяти сестер и двух братьев, стояла за стеклом комода – единственное, что осталось от громадной семьи.

Во сне Лева его узнал сразу; ребенком он часто разглядывал фотографии, и мама никогда не упустила случая рассказать какую-нибудь семейную историю. Ее послушать, так в этой маленькой деревеньке сосредоточились вся мудрость и все величие мира. Потом, оказавшись в местечке, Лева с удивлением разглядывал почерневшие от старости дома, крошечную площадь, низенькие холмы. Память и грусть – самые удивительные оптические приборы на свете.

– Зайди в мою мастерскую, – сказал дядя Мендл, застыв в позе, навсегда зафиксированной фотографом, – в правой ножке верстака запрятаны шесть царских червонцев. Их должно хватить на выезд.

Лева проснулся с ощущением, будто сон на сей раз не дурман, а секундный прорыв за границу иной реальности. Образование и опыт сопротивлялись: это чушь, чушь, твердил голос разума, наваждение, фата-моргана.

Лева сходил в туалет, попил воды и вернулся в постель. Заснуть удалось не сразу, он долго ворочался, вспоминая слова дяди Мендла. Сон пришел только под утро, и тут же лицо дяди всплыло перед глазами Левы.

– Зайди в мою мастерскую, – повторил дядя, – в правой ножке верстака запрятаны шесть царских червонцев.

– Какая еще мастерская? – удивилась мама. – Он работал в сарае возле дома, что там сохранилось спустя пятьдесят лет?

Лева не стал возражать. Но на следующую ночь сон повторился.

– Зайди в мою мастерскую, – настаивал дядя, – в правой ножке верстака запрятаны шесть царских червонцев.

Мама достала фотографию и долго рассматривала пожелтевший клочок картона.

– Поехали, – наконец сказала она, возвращая фотографию на место. – На могилу ходим, когда еще получится.

Семья Бебы и Левы лежала в тенистом овражке, неподалеку от ручья, тихонько струившегося сквозь заросли осоки. В кронах старых вязов пересвистывались иволги, осторожно, словно боясь разбудить мертвых, постукивал дятел. На шершавой поверхности бетонного надгробия сиротливо белела гранитная плита с едва различимой надписью: «Здесь покоятся советские граждане, погибшие от рук немецко-фашистских захватчиков».

Мама достала из сумки припасенную баночку с черной краской, и Лева принялся аккуратно заполнять бороздки, выгесанные в граните.

– Советские граждане, – ворчала мама, – убивали их как евреев, а не как граждан. Боятся правду написать, будто еврей – слово стыдное.

Надпись давно можно было изменить, властям новой Белоруссии до убитых евреев не было никакого дела, но мама столько десятилетий ворчала, что уже не могла остановиться, а на замену доски не хватало ни денег, ни сил.

Густая крона вязов укрывала могилу трепещущей на ветру тенью, и теплая, ласковая тень никак не вязалась с тем ужасным, что произошло когда-то на этом месте, с холодом и мраком, поглотившими без остатка целое местечко.

«Где они, – думал Лева, – куда исчезли их души, их смех, их невеликие радости и большие несчастья?..» И с ним, с Левой, неужели и с ним когда-нибудь случится нечто подобное, о чем не хочется даже думать, и он, Лева, тоже будет лежать где-нибудь под такой же веселой травой и ясным небом?

Он гнал от себя прилипчивые мысли, но они возвращались и возвращались, мешая аккуратно накладывать краску.

Войдя в бывший двор ее семьи, Беба тепло расцеловалась со старушкой, рассыпавшей корм курицам. В двадцатых годах они учились в одном классе, но жизнь в советской деревне состарила ее куда раньше положенного срока. Лева не мог оторвать глаз от босых ступней старушки, как видно, она все лето ходила босиком: кожа на ступнях почернела, натянулась и походила на резину.

В сарае, о котором говорил дядя Мендл, теперь располагался хлев, несколько свиней вразнобой хрюкали за проволочной загородкой.

– Да ты что, Бебка, – рассмеялась старушка, услышав про верстак. – От него и следа не осталось. А зачем он тебе сдался, той кусок дерева?

– Да вот, сыну приснилось, – честно ответила мама, – будто в нем Мендл деньги запрятал.

– О, девочки, держите меня, – взмахнула руками старушка. – Ты, Бебка, всегда фантазеркой была. Да мало кому что блазнится! Вот я тоже недавно сон видела, будто в Минске есть старый комод, а в его ножке шесть царских червонцев запрятано. Ну, та я кину все дела и у Минск подамся, комод той шукать?

Мама переглянулась с Левой и перевела разговор на другую тему.

Дядя Мендл не зря был известен на всю округу – разобрать комод оказалось совсем не простым делом. Ножки стояли, точно железные, зубья пилы скользили по их шоколадной поверхности, оставляя лишь легкие зазубрины. Лева с мамой провозились до самого утра. Червонцы оказались в последней ножке, и денег, вырученных от их продажи, хватило как раз на сборы и на отъезд. В Израиле, сойдя с трапа самолета, Лева неожиданно для самого себя опустился на колени и поцеловал пахнущий бензином бетон летного поля.

Так вот она и закружилась, завилась дорожка, приведшая его в ешиву. С тех пор минуло почти пять лет, минская жизнь отодвинулась, потускнела, словно за мутным стеклом.

Поначалу Лева казалось, будто главное – хорошо освоить иврит, чтобы легко ориентироваться в бесконечных комментариях, рассыпанных мелкими, словно зернышки, буквами по страницам старых книг, но шли месяцы, годы, а понимание так и не приходило. Огромный том Талмуда уже на первой странице разбегался на множество тем, темы распадалась на абзацы, подпункты и предложения, ссылки на другие темы, абзацы и предложения. Охватить, освоить, сделать своим это гигантское скопище казалось невозможным, и Лева с завистью выслушивал споры своих сверстников, легко и с удовольствием плавающих в этом море.

Впрочем, довольно скоро он разобрался, что, кроме Талмуда, они почти ничего не знают. Массивы информации, казавшиеся необходимыми для жизни современного человека, остались вне их кругозора. О физике, химии, биологии, математике у них были самые поверхностные впечатления, про электричество они не знали почти ничего, что, однако, совсем не мешало им прекрасно управляться со всевозможной бытовой техникой.

– Да какая мне разница, – сказал один из них, когда Лева попытался объяснить ему про направленный поток электронов, – электрон вращается вокруг ядра атома или наоборот? Для чего мне забивать память ненужными знаниями?

Восхитившись точностью совпадения, Лева начал было говорить про Шерлока Холмса и моментально установил, что о великом сыщике ешиботник никогда не слышал, так же как и об остальной литературе, живописи, скульптуре и музыке.

«На что я потратил лучшие годы? – с грустью думал Лева, пытаясь разобраться в очередном талмудическом хитросплетении. – Свежую память, остроту восприятия? Сколько бесполезного барахла наташил я в свою голову и теперь для действительно полезных вещей в ней почти не осталось места».

Тем не менее толща непонимания потихоньку расслаивалась, и спустя год сидения в ешиве Лева перестал ощущать свою неполноценность, а спустя два почувствовал удовольствие и интерес. Правда, за ребятами, начавшими бег в трехлетнем возрасте, ему было не угнаться. Но кое о чем поспорить с ними он уже мог. А потом... потом настал день его торжества, когда он ухитрился на общем уроке задать такой вопрос, на который глава ешивы, преподававший в тот день, не смог сразу ответить.

– Я должен поискать в книгах, – ответил седобородый старик и, спустившись с возвышения, отправился искать ответ на вопрос мальчишки.

С этого момента отношение к Лева переменилось, с ним начали здороваться и приглашать в гости. Главная проблема состояла в том, что каверзный вопрос, так резко переменявший его статус в ешиве, Лева придумал не сам, а подглядел во сне.

Много лет ему снился один и тот же сон. Он начинался на тонкой грани между явью и сладким падением в забытье; стоило опустить веки, как перед глазами начинал скользить текст, бесконечный, словно лента конвейера. Различить слова или хотя бы буквы Лева не мог, забытье наваливалось раньше, чем удавалось сфокусировать зрение на плывущих значках.

Сон приходил не часто, один, два раза в год, но запоминался надолго. Было в его появлении что-то особенное, не позволяющее отбросить его в сторону, как морок или наваждение.

– Читаешь много, – констатировала мама, в ответ на Левины жалобы. – Помнишь, когда по грибы ходим, возвращаешься вечером, валяешься в кровать, а перед глазами опять поляны, травы и грибы, грибы, грибы...

После переезда в Израиль фокус улучшился, и Лева мог с уверенностью сказать, что текст написан на иврите. Однако разобрать он успевал только отдельные буквы.

– Душа, – покачал головой раввин, выслушав Левин рассказ. – Душа знает, что наша вера – это текст. Ты ведь стоял вместе со всеми у горы Синай и читал огненные буквы.

Такого Лева не помнил и помнить не мог, и раввин заговорил о тайниках генетической памяти, иногда прорывающихся наружу, о заслугах предков, о смысле жизни и человеческом предназначении. Разговор длился долго, и в конце концов Лева успокоился. Речь не шла о психическом отклонении, а скорее о печати избранности, некоем знаке, выделяющем его из общей массы людей.

Обрадовавшись, он рассказал раввину про червонцы дяди Мендла. Но объяснение, на этот раз оказалось куда менее утешительным.

– Такого рода истории, – сказал раввин, – происходят довольно часто. Настолько, что они даже вошли в фольклор. Во всех детских книжечках, на иврите разумеется, рассказывается о некоем бедном Ицике из Кракова, которому приснился сон о сокровище, закопанном под мостом в Праге. А дальше все в точности как с тобой.

Иногда, в великой милости своей, Всевышний говорит человеку: мир не плоский. Это знание, преподанное на твоей шкуре, твоих нервах, твоих слезах, – величайшее богатство. Куда больше, чем найденные червонцы. Весь вопрос в том, как человек распоряжается этим богатством. Разменивает по пустякам или...

«Или» Лева должен был понять сам. И он понял, понял так, как этого ждал от него раввин.

В один из вечеров, после недельного корпения над страницей Талмуда, Лева, совершенно вымотанный, повалился в постель. Абайе и Рова, респонсы вавилонских гаонов, рабейну Йосеф и Хофец Хаим смешались в одну кучу, Лева скрипел зубами от бессилия, но ничего не мог с собой поделать. Вопросы, поначалу казавшиеся довольно простыми, обрастали немислимым количеством уточнений,

подвидов и частных случаев. Его соученики прекрасно разбирались во всей этой катавасии и часами препирались между собой, что же действительно хотел сказать Виленский Гаон своим комментарием. Каждый из спорящих претендовал на точное понимание мыслей Гаона, цитаты летали, словно дрогики, а толстенные тома, то и дело снимаемые с полок в поисках ответа, напоминали щиты.

Лева устало опустил веки, и перед глазами снова поплыл текст. На сей раз он перемещался совсем медленно, наподобие титров в начале кинофильма, и Лева совершенно спокойно смог его разобрать. К величайшему изумлению, он узнал ту самую страницу, над которой сидел всю неделю. Но удивительное началось позже; страница закончилась, и в трех отдельно возникших строчках Лева прочитал вопрос, повергший в недоумение главу ешивы.

Но на одном, даже самом хорошем, вопросе далеко не уедешь. От Левы ждали новых, к нему стали подходить советовать, а он, кроме общих слов, ничего не мог произнести. Такое положение было стыдным, неудобным и неприятным, Лева силился, как мог, пытаясь вникать во все подробности учения, но количество подробностей плохо согласовывалось с его интеллектуальными возможностями и со временем, в течение которого он мог сосредоточенно учиться. Впервые за все годы учения Лева почувствовал, что настоящий интеллектуальный труд может оказаться труднее рытья колодцев.

Прошло еще несколько месяцев. Лева, сжимая зубы, грыз, бился, подползал, ввинчивался в неприступную стену книг. И однажды утром...

Да, так оно и происходит. Не только слевой. Наверное, мир устроен определенным образом и каждый, кто вкладывает всего себя для достижения цели, в конце концов получает то самое «однажды утром». Счастлив человек, который хоть раз в жизни удостоился этой радости.

В то утро он, как всегда, занял свое место в огромном зале, наполненном гулким шумом непрекращающихся споров, открыл «Шулхан Орух» и, привычно напрягшись, погрузился в спор между Райведом и Рамбамом. Обычно Лева медленно, чуть не по складам, разбирает каждое слово, выписывал все аббревиатуры, потом подолгу размышлял над смыслом предложений и лишь к концу дня начинал понимать суть и направление спора. Его соученики преодолевали этот этап примерно за полчаса и быстро переходили к другим комментаторам, поглядывая на Леву с плохо скрытым сожалением. Но он уже привык к роли тугодума и перестал обращать на них внимание, хотя первые два года в ешиве он, Лева, лучший студент своего потока по электронике, заливался от каждого такого взгляда краской стыда и обиды.

Текст оказался на удивление простым, Лева понимал смысл слов с первого прочтения, а уже знакомые аббревиатуры расшифровывались сами собой. Закончив комментарий и бросив взгляд на часы, он с удивлением отметил, что прошло всего пятьдесят минут.

«Повезло, – подумал Лева. – Сегодня попался легкий кусочек!»

Он запланировал на этот комментарий часа три-четыре и, раз такое дело, решил посмотреть, как развивается спор дальше.

Второй комментарий Лева одолел за три четверти часа, третий – за сорок минут, четвертый – за тридцать пять. Опасные извивы черных значков превратились в знакомые, домашние буквы, смысл проступал через них немедленно, озвучивался сам собой.

К концу дня Лева закончил свою недельную норму. Долгое время он не решался поделиться ни с кем своими успехами, а только лихорадочно листал и листал страницы, словно опасаясь, что чудесное проникновение может исчезнуть так же внезапно, как появилось.

Но оно не исчезло. Через пару недель Лева, прислушиваясь к фехтовальной риторике соседей по скамейке, вдруг услышал явный провал в их рассуждениях. Они, в великой своей самонадеянности, проскочили мимо одного комментария, который Лева, проверяя свои возможности, прочитал только вчера.

Откашлявшись, он попробовал вступить в спор. На него поглядели сначала с недоумением, потом с неприкрытым удивлением. Уцепившись за комментарий, Лева продолжил мысль и придал ей несколько иной поворот. Как этот поворот пришел к нему в голову, откуда взялась уверенность в том, что спор должен завершиться именно так, а не иначе, он объяснить не мог. Мысли сами собой возникали в его

голове, а язык едва успевал передавать эти мысли. Спустя пять минут монолога Лева замолчал и вопрошающе поглядел на товарищей.

– Ты это откопал в какой-то книге, – спросил один из них, – или сам придумал?

– Сам, – с плохо скрываемой гордостью ответил Лева.

– Силен! – хлопнул его по плечу сосед. – Пойдем к раву, расскажешь.

Раввин внимательно выслушал Леву, быстро отыскал логический провал в цепочке его рассуждений и так же быстро объяснил, в чем заключается правильный ответ. Закончив объяснение, он чуть пристукнул Леву по затылку.

– Молодец! Настоящий молодец. Прорвался. Вот теперь у тебя начнется настоящая учеба.

И она началась. Все остальное в жизни стало неважным и неинтересным, главное, манящее и увлекающее, сосредоточилось в книгах, примечаниях комментаторов, распутывании их объяснений и споров. Докопавшись до сути вопроса, Лева испытывал величайшее наслаждение, иногда ему хотелось, словно почти забытому классику из прежней жизни, бить себя по щекам и орать на всю ешиву: «Ай да Лева, ай да молодец!»

Отношения с раввином перешли в какую-то новую стадию: в том, как он теперь поглядывал на Леву, сквозили участие и забота. Он все чаще приглашал Леву домой, на субботнюю трапезу, и подолгу обсуждал с ним разные вопросы, связанные с учебой. Между ними потихоньку начала возникать та трогательная, трепещущая ниточка, из которой при удачном стечении обстоятельств вырастает удивительная связь между Учителем и избранным учеником. Лева понимал это и, замирая от гордости и восхищения, старался выполнять советы раввина до мельчайших подробностей. Выбрав его в качестве образца для подражания, Лева изучил манеры Учителя, составил список главных особенностей поведения и старался в точности им следовать

Раввин не поднимал глаз выше, чем на четыре локтя; всегда ходил в черной шляпе; сосредоточенно молился; не глядел по сторонам; обходил собрание людей, чтобы не беспокоить их; не вкушал трапезы, не освященной исполнением заповеди; того, кто его злил, старался умиротворить; голос его был приятен: он давал пояснения на понятном языке, избегая сложных арамейских выражений.

Несколько месяцев пролетели в полнейшей эйфории, у Левы все получалось, казалось простым и логичным, нужно было только сесть и приложить усилия. А потом – потом стало труднее и труднее, мысли снова начали тяжело ворочаться в голове. По уже начинающей складываться привычке он немедленно поделился своими ощущениями с Учителем.

– Пора жениться, – решил раввин, выслушав Левины жалобы. – Без женщины мужчина только половина человека. Вот увидишь, как подскочит твое понимание после свадьбы!

Ничего против женитьбы Лева не имел, и мама давно тормошила его вопросами о планах на будущее. Маме очень хотелось стать бабушкой.

– Поторопись, пока у меня есть силы! – предупреждала она, угрожающе поднимая указательный палец. – Поторопись, я тебе говорю, поторопись, а то не успеешь!

Выслушав Левино согласие, раввин поднял указательный палец совсем как мама.

– Надеюсь, ты понимаешь, – добавил он, – что сватать тебе будут только из вернувшихся к религии, таких, как ты. На девушку из знатного дома даже не рассчитывай.

– Почему? – искренне удивился Лева. – Разве мы не одинаковы?

– А почему ты решил, будто все одинаковы? – в свою очередь удивился раввин. – Пока наши родители делали революцию, заедая ее свининой с молоком, и тратили жизнь на прочую ерунду, другие евреи не переставали учиться и соблюдать заветы. Твоя мама ведь не ходила в микву?

– Не знаю, – смутился Лева. – Но думаю, вряд ли ходила.

– Моя тоже не ходила, – успокоил его раввин. – Это не значит, что мы родились неевреями, но некий ущерб в моральных качествах присутствует. Этакая отсталость, типа легкой духовной неполноценности. Поэтому те, у кого дети рождаются после миквы, за нас своих дочерей не отдадут.

Жена раввина, с рукавами до кончиков пальцев и в платке, надвинутом почти на брови, могла послужить моделью ревностного исполнения всех запятых и многоточий заповедей. С Левиной точки зрения, девушки такого типа годились в жены любому праведнику, вне зависимости от того, сколько раз мамы этих девушек окунались в ритуальный бассейн.

– Ты не видишь всех причин и не узнаешь всех последствий, – ответил ему раввин. – И не тебе переделывать евреев. Наш народ всегда был закрытым, элитарным, как принято сейчас говорить, иначе бы давно растворился и пропал среди великого множества империй и наций. От могучего Рима и Вавилона остались одни руины, а наши женщины продолжают ходить в микву. Поэтому прими ситуацию как она есть и поверь мне: для тебя так будет лучше.

И Лева начал встречаться с кандидатками на роль матери его детей. Первая девушка оказалась приветливой хохотушкой, но, увы, некрасивой. Вторая была дурнушкой, третья просто уродиной, четвертая – ни рыба ни мясо, пятая зануда, шестая симпатичная, но чересчур болтлива, седьмая снова некрасива. И каждая прямо-таки излучала желание стать матерью его детей, причем как можно быстрее.

После отсева двенадцатой претендентки раввин попросил Леву дать согласие на встречу с психологом.

– У тебя, видимо, есть некая проблема, – сказал он. – Я предполагаю, что она вытекает из недостатка образа отца. Подспудно ты не хочешь жениться, семья для тебя – это мать и сын, а не жена и муж. Впрочем, более подробно тебе растолкует психолог.

Леву такое предложение обидело, однако виду он не подал, а ответил уклончиво, дескать, согласен, но чуть позже. Раввин покачал головой и согласился. После этого он предложил ему последнюю попытку – Злату.

– Злата чудесная девушка – лучше тебе не найти. Ты пересмотрел уже достаточно кандидатов. Решайся. Если и с ней не получится, то выход только один – психолог.

– Но я еще не видел ее.

– Запиши телефон. Назначь встречу. И не тяни.

Голос у Златы оказался очень милым.

– Встретиться? – просто спросила она. – Почему нет? Мне про вас звонили, наговорили сто коробов комплиментов. За такого праведника можно выходить замуж не глядя, по переписке.

Она хихикнула. Лева тоже улыбнулся.

– Только не бросайте меня после свадьбы на двадцать четыре года, как рабби Акива свою жену.

– Обещаю, – торжественно заявил Лева, – максимум на двадцать два.

Оба рассмеялись, каждый в свою трубку, и дальнейший разговор потек легко и весело. Договорились встретиться сегодня же, в шесть часов вечера у «самолета».

Так называли старый истребитель «Мираж», вознесенный на постамент посреди городского сквера. Много лет назад в машине такого типа во время полета над Реховотом отказала какая-то железка, а летчик, вместо того чтобы катапультироваться, тянул до последнего и разбился уже за окраиной, не причинив городу никакого вреда. Постаментом служили три подпорки, позволяющие прогуливаться под самолетным брюхом и разглядывать заклепки, лючки, выпущенные навечно шасси и прочие авиационные атрибуты. Подсвеченный прожектором, «Мираж» казался совсем новым, готовым сорваться с неудобного ложа и вновь умчаться в глубину ночи.

Городской сквер располагался неподалеку от религиозного района, и поэтому его всегда наполняли мамы с колясками, старики в черных шляпах и мальчишки с пейсиками вразлет, самозабвенно гоняющие на велосипедах по узким дорожкам. Место идеальное для встречи и знакомства, тут не существовало даже малейшей вероятности остаться наедине, то есть оказаться в положении, часто толкающем людей, особенно в юном возрасте, на всякого рода непредвиденные поступки.

На встречу Лева шел с колотящимся сердцем. Ему почему-то казалось, будто Злата и есть она, та самая единственная она, которая... А дальше мысли разбегались, терялись и путались, словно конец нитки в клубке. Он уже готов был любить Злату, нет, он ее уже почти любил, перебирая в памяти смешные словечки, произнесенные милым голоском.

Ἰεὶ ἄι εἰ ἰεῖ

ЧУЖАЯ СМЕРТЬ

Эдуард Шульман

Есть по меньшей мере две вещи, которые объединяют всех россиян, – Пушкин и Победа. Кое-кто прибавляет и третью – Водка... но статистика пьяных драк противоречит такому мнению.

Вот почему мы открываем нашу рубрику – Пушкиным и Победой.

1.

Сапожный подмастерье Лейба Страшун взял новую пару, отрезал голенища и продал за два рубля. Сапоги с напуском, голенища длинные, мягкие, на совесть сработанные хозяином Вольфом Гоберманом. Но пойдя выручи настоящую цену, когда времени – три часа ночи, а всех покупателей – стукольщик с колотушкой.

Сонный кассир лягнул компостером, и лягг этот показался Лейбе звоном отпираемого замка – двери сейчас распахнутся. А кассир выбросил билет, но не до города N, а до узловой станции, удаленной от N на расстояние сорока трех копеек.

Протопав указанное расстояние и узнав, таким образом, почем российская верста, Лейба достиг городской окраины и задал вопрос – цель путешествия: где еврейский учительский институт?

– В городе. Прямо. За железным мостом.

И он пошел всё прямо и прямо, радуясь ориентире, столь несомненному.

Мост был высокий, и Лейба крепко вцепился в поручни. Внизу – блестящие, накатанные, как жиром политые, рельсы. Поезда из Петербурга и Варшавы, из Либавы, из Киева...

На Островоротной улице, у старых городских ворот – весьма обшарпанного сооружения XII века, Лейба увидел новенькую полицейскую будку. И остановился. И двинулся вперед не раньше, чем из будки выскочил полицейский и помчался на середину мостовой.

Там извозчик под номером 88 задерживал всё движение, ибо вздумал разворачиваться возле самых ворот, где проезжая часть суживалась до двух сажений.

– Ты что, – кричал полицейский, крепко ухватив извозчичью клячу, – ты что, 88-й, первый раз замужем?

И Лейба прошмыгнул под арку ворот.

Он читал все вывески подряд, потому что недавно овладел русской грамотой: «Женщина-врач Е. Гомолицкая», «Глеб Невзоров Книжная торговля» – и возмущался отсутствием знаков препинания.

В магазине Невзорова – стеклянная витрина. На лестнице, прислоненной к полкам, – легкий сухой человек. В каждой руке – по толстому тому. Когда Лейба спросил об институте, человек, не оборачиваясь, спокойно ответил:

– Здесь торгуют русскими книгами.

Лейба не понял и повторил вопрос. Человек вздохнул, отложил книги, легко прыгнул с лестницы и сказал, выделяя слова паузами:

– Здесь торгуют исключительно русскими книгами.

И Лейба пошел дальше, опять-таки прямо, по Большой улице, которая была не длинная и не широкая, а в аккурат Большая, то есть центральная.

По правой ее стороне располагались всякого рода торговые заведения, иногда весьма древние, отчего правая сторона называлась Инбарь – от тех амбаров, что стояли здесь уже в XII веке.

Левая сторона была казенная, и само это слово часто повторялось на вывесках: казенная палата, казенное училище, казначейство...

Так и глядели друг другу в глаза дом архиерея и ресторан Нарушевича, отделение Государственного банка и баня Хржицкого: «Опрятность, чистота, исправная прислуга, вода из источника. Общая баня – 20 копеек, номер – 1 рубль».

Потому ли, что каждая из сторон стремилась к самостоятельности, или просто в силу рельефа местности, но правая сторона Инбарь все время забирала вправо, а левая, казенная, с той же последовательностью уклонялась влево. Мостовая уширилась настолько, что образовалась площадь, которая и разъединила Большую улицу на два рукава. А так как Лейбе велено было идти прямо, то он и не знал, прямо ли по Ратушной или прямо по Скоповке.

Он раздумывал довольно долго, словно выбирал не улицу, а путь, связывая с решением этого простого и достаточно мелкого вопроса если не судьбу свою, то нечто важное и даже роковое. Ничего бы не изменилось, сверни он на Ратушную, в конце которой и находился искомый институт, но Лейба предпочел Скоповку, ибо, на его взгляд, именно она являлась прямым продолжением Большой улицы.

Скоповка, узкая и тесная, была казенной уже с обеих сторон и отличалась скоплением чиновников и просителей. Очень скоро Лейба очутился возле дома, на фасаде которого сияло:

Н-СКИЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГ

2

Дом, в подъезде которого стоит Лейба Страшун, переживал торжественные, одновременно страшные и счастливые, минуты.

Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату в 16-й день июня, попечитель Н-ского учебного округа тайный советник Остроумов был уволен со службы, согласно прошению, по болезни. И таким же указом, данным Правительствующему Сенату в 23-й день августа, попечителем округа назначен был доктор чистой математики действительный статский советник Алексеев.

И каждое утро, с целью представиться новому попечителю, являлись на Скоповку чиновники в парадной форме.

Всех этих разряженных господ величал Лейба, по общему впечатлению, «золотыми». Ибо не знал слова «треуголка», и слова «шпага», и слова «полукафтан». Заказчики носили «пиджак», хозяин – «сюрдут», а отец Меер Страшун – «капоту».

Тощий старик – «золотой» – никак не решался войти в подъезд. То горбился, то распрямлялся, то снимал перчатки и шевелил тощими белыми пальцами, будто они затекли, то натягивал перчатку и шарил сзади, у карманных клапанов, ощупывая пуговицы. Одна ускользала, и с каждым напрасным усилием длинное лицо старика приобретало выражение растерянности.

– Мальчик, сколько у меня пуговиц сзади?

Лейба оторвался от созерцания его сапог.

– Четыре.

Старик последний раз выпрямился, перекрестился и спешно, пока еще храбрый, отправился представляться.

Вышел возбужденно-радостный. По внешнему виду и совокупности иных признаков он умозаключает, что молодой человек жаждет поступить в воспитанники ведомства народного просвещения. Свидетельства при себе?

Но Лейба не слышал ни о каких свидетельствах.

Старик благодушно пояснил: чтобы попасть в число воспитанников ведомства народного просвещения, то есть быть принятым в казенный учительский институт, надобно подать на простой бумаге прошение директору одного института с приложением свидетельств: о происхождении и одобрительном поведении. Только и всего.

– Я думал... – Лейба запнулся. – Встану около института и буду просить бесплатного урока.

Старик засмеялся и пожелал познакомиться. Услыхав имя, укоризненно заметил:

– Инородец, и столь устрашающе прозываешься – Лев да еще Страшун. – Помолчал. – Я дворянин, статский советник, правитель канцелярии, а имя мое – Фома Бельдюгин. – И уже молчал до самой Георгиевской площади. – Вон твой институт. Ступай.

И Лейба побежал к трехэтажному желтому зданию, но на полпути обернулся и закричал:

– А мой хозяин Вольф Гоberman может сшить сапоги лучше ваших! – И припустился.

3

Днем в сквере на Георгиевской площади – всегда народ: реалисты, ксендзы из Духовной семинарии, студенты учительского института, гимназистки. Сверх того, часовня посреди сквера посещается солдатами, старухами, петербургским и местным начальством. Часовня историческая. Мраморные плиты. Золотом – имена воинов, почивших при усмирении последнего мятежа.

Ночью в сквере ни души. Только постовой третьего участка (бляха № 59) да инвалид – часовенный служитель. Такой старый, что едва не угодил в Петербург, пред царские очи, как ветеран Бородинского сражения.

Ночь. Лейба Страшун спит на скамейке, а бляха № 59 тормозит его.

– Опять гости к тебе? – спрашивает инвалид.

– Идут, – кивает 59-й. – Который сто верст прошлепает, босой... в институт!.. А денек покрутится – и пропал. Тогда следующий опять идет. Как по расписанию.

Инвалид ковыляет к скамейке, неся запах ладана и махорки.

– Я по рекрутскому набору взятый. Все их местечки прошел. Придем в местечко, сразу народ – в храм. И чиновник им подписные листы дает. Один лист – желаем сдавать детей в казенное училище. Другой – не желаем сдавать.

Инвалид на минуту смолкает, закуривая.

– Хорошо, зимой не ходят, – говорит

59-й. – Замерзнет – отвечай за него... А мне на тот год прибавка следует за беспорочную службу.

59-й тоже закуривает, а инвалид продолжает:

– И такой шум подымется: знать не знаем, школес не желаем! Который в уголок забьется, который – тягу... А у дверей уж стоят! – Инвалид победно топает. – Ну, делать нечего. Выберут самых своих бедняков и велят им детей сдать. А те тоже не дураки. Раз, говорят, мы работника лишаемся, пускай нам общество предоставит корову.

Инвалид смеется, а 59-й улыбається.

– Вставай! – тербит Лейбу. – Ночлежка на Трокской!

– И ведь купили! Представили! – смеется инвалид. – Вот как в старину было.

– Дяденьки, – говорит Лейба, – у вас хлеба нету?

4

Когда Фома Бельдюгин был журналистом-архивариусом (существовала такая должность в канцелярии попечителя), то думал: «Это временно. Вот только обстоятельства поправятся...» И мечтал об ученой карьере.

Сделался помощником столоначальника. «За прошлый год – исходящих 36 тысяч, а переписчиков 11 душ. Вот дослужусь до седьмого класса... сам себе хозяин... вот тогда...»

Усевшись в кресло столоначальника, Бельдюгин обнаружил, что человек он немолодой, жизнь менять поздно. И взял в оборот сына. Он создаст Федору благоприятные обстоятельства, разбудит любовь... Федя начнет там, где я кончил. Федя пойдет дальше...

Но сын увлекся науками прикладными и, с точки зрения отца, неосновательными, – не желал сворачивать на тропинку, которую отец протоптал для него... И Фома Бельдюгин, уже статский советник, уже правитель канцелярии, строил всё новые и новые планы, как бы переманить сына.

Привел в дом чужого долгонового паренька, который изо дня в день, голодный и битый, стоял возле учительского института и хватал за локти мимо шедших студентов. Пареньку сказал, что подготовит его в институт. А себе – что таким путем завоюет наконец сына.

Именно этот чужой паренек своим наивным картавым усердием разбередит Федора, и будет ему стыдно, что уступил в чужие руки и Пушкина, и Тургенева...

Нет, он не останется равнодушным! Не глухой же он!

5

Í î äáí ü î ðí ø äé, è í àò í ò äá ò à

Äöäé í àñ ò äé: äñ í àò è äé í àò.

Äé äí à, è äé ò äí ü ñ ò ò ð à í äá ò à,

ò à ò ü ñ í à æ ä ä ò ...

– Лева! – прерывает Бельдюгин. – Сколько говорено-переговорено: всякую порядочную книгу должно читать медленно. Особенно Пушкина. Особенно «Евгения Онегина».

За дверью тонко звякает стекло. Слышно, как проскакивает пламя в горелке.

– Позавчера, – повышает голос Бельдюгин, – мы совершили прогулку на Железную хатку: мы с тобой, Лева, пешком, Федор – на велосипеде. Он объехал весь сад в пять раз быстрее, чем мы обошли. Но видел в десять раз меньше. – Молчание, как тишина перед бурей. Ну, гром и молния! – Пушкин не терпит велосипеда! Пройдемся пешком по Пушкину – какие чудесные цветы у дороги! «Бледна, как тень, с утра одета»... Неужели «с утра одета» ничего не говорит тебе?

Лева Страшун молчит.

– Неужели «с утра одета» ничего не говорит тебе?! – в самую дверь кричит Фома Бельдюгин.

И слышит спокойный голос:

– Кажется, ты заново учишь его читать? По-моему, для этого составлены буквари.

Бельдюгин закладывает руки за спину.

– Греки, мой сын, учились по Гомеру, а ты – по букварю. И вот мы видим, что из этого получилось. – И толкает дверь.

Комната превращена в лабораторию. Графитные тигли. Бюретки. Пол, растравленный щелочью.

– «Он химик, он ботаник, князь Федор, мой племянник!»

Сын ставит опыт по перегонке:

наблюдает, что делается в колбе Вюрца, и проверяет себя по справочнику. Фома Бельдюгин берет у него книгу и листает страницы кончиками пальцев.

– «При сгущении раствора он становится пересыщенным и может долгое время оставаться в таком виде, особенно если...» – Брезгливо захлопывает книгу. – Даже расписаться не умеешь!

Он попрекает сына, что имя свое пишет через ферг. А должно через фиту! Ибо «Федор» греческого происхождения. Как Фома, Фирс, Федот... И поелику грамматика позволяет двойственное написание, Фома Бельдюгин нападает на грамматику:

– Всякий царапает, как в голову взбредет. Сегодня – «Федора» через ферт, завтра – «Б-га» со строчной буквы... Государственная ошибка! Роковая ошибка!

Федор Бельдюгин смеется.

а

А тот, другой?

Лейба Страшун, ныне названный Лево́й, а впоследствии Льво́м, медленно читает Пушкина. И без того запинаясь, а тут еще новая напасть: Татьяна «с утра одета». Значит, раньше не одевалась по утрам, так, что ли? Поздно спала?

Фома Бельдюгин вспоминает пензенскую свою бабуку – 300 душ крепостных... Но кого узнает Лева Страшун?

И страх перед Бельдюгиным подымает его ночью и склоняет над столом тем ниже, чем беднее огонь коптилки. Пальцы листают учебник. Русская деревня прошлого века. Поместное дворянство и аристократия. Прически, причуды, привычки...

Ему страшно. Слова грозят тайным, непознанным смыслом. Строчка из хрестоматии, самая обыкновенная:

Неа́тáи а́е́и е́нòа́ о́и а́и

Ї́ о́и а́е́и о́и а́и

– а он проверяет ее по Толковому словарю, даже «сквозь» проверяет, даже пятнадцать употреблений предлога «на», – ни одного примера не пропустит...

А утром – туман. Не из Пушкина. Настоящий! На улице. И Лева Страшун видит: он волнистый. Пушкин правильно написал – волнистый!

А ночью – луна. Именно та луна, что бывает раз в месяц, когда евреи встречают ее молитвой. Тянутся к ней руками, словно хотят украсть, и молятся: «Подобно тому как я прыгаю перед тобой и не достигаю тебя, так пусть враги мои не достигнут меня в тщетном стремлении причинить мне зло».

И запрокинув голову, Лева подскакивает вместе с седобородыми старцами.

– Она пробирается! – кричит по-русски. – Пробирается! Пробирается!

7.

Первоначально его зачислили кандидатом в воспитанники. Никаких официальных прав или преимуществ это звание не давало, однако с его помощью заполучил он рублевые уроки на Рудницкой, Торговой, Квасной улицах, где сочетание «кандидат в воспитанники» внушало даже больший трепет, нежели голое «воспитанник».

Ибо «кандидат», слово звучное и яркое, как медная труба, украшало убогие домишки, подобно свежеекрашенным наличникам или подновленному крыльцу.

Затем наступил день, когда его вызвали в канцелярию, отобрали подписку, что восемь лет по окончании института прослужит он там, куда пошлет начальство, и Лейба Мееров сын Страшун стал полноправным студентом с казенной стипендией и казенной квартирой.

О таком воспитанике начальство мечтало с основания института, еще с прошлого века, когда институт был раввинским училищем. Старательный. Усидчивый. Исполнительный. Но главное достоинство – не лезет в политику. Да-да, Лева Страшун – единственный серьезный мальчик изо всей этой оравы горлопанов, которых мы прочим в наставники нашему пятимиллионному еврейству.

Долбим с ними русский язык и славянское чтение, арифметику, алгебру, историю, географию, учим рисовать и чертить, объясняем библейскую историю и закон веры, а они ерзают на своих скамейках и ждут не дождутся звонка.

А у себя в интернате? Полагаете, упражняются в чистописании? Составляют планы уроков, которые каждый из них дает для практики в двухклассном училище при институте?

Как бы не так. Обсуждают судьбы России. Им, видите ли, доёроги судьбы России. СЕРПЫ (Социалистическая Еврейская Рабочая Партия), «серпы» делают бомбы, потому что Россию спасет террор. Члены Союза равноправия и двух слов не свяжут без того, что еще среди участников декабристского восстания было двое евреев. Наша борьба в рядах российского освободительного движения... Эсдеки распространяют отчет о третьем съезде своей партии с предисловием некоего Н. Ленина «К еврейским рабочим».

Но Лева Страшун... О-о, Лева Страшун!.. Самое серьезное, самое пристальное внимание доёлжно на него обратить. Воспитать. Направить... Интересуется русской литературой, Пушкиным? Прекрасно. А известно ли ему, какая надпись вырезана на любимом перстне Александра Сергеевича? О-о, эти слова многое скажут сердцу: «Симха, сын почтенного рабби Йосефа-старца, да будет его память благословенна».

Любопытно, не правда ли? Пушкин – и надпись по-древнееврейски. Вы чувствуете, что при всей вашей любви к нашему великому поэту теперь любите его иначе, уже как человека близкого...

Ваши товарищи отвратили взор от истинной образованности. Проза политической экономии влечет их сильнее, нежели поэзия религии. Знамение времени!.. Пушкин тоже был передовой человек, однако не кто-нибудь, а именно он прозорливо, пророчески утверждал:

Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка.

Ваш долг (если б вы были христианин, я бы сказал: ваш христианский долг) напомнить товарищам вещице слова великого поэта.

8.

Надворный советник Гец, «ученый еврей» при генерал-губернаторе, приглашал Леву в гости. Лично директор института Емельян Елисеевич Правосудович хлопотал о допущении в N-ский архив. Наконец при содействии попечителя учебного округа (самого попечителя!.. слыханное ли дело?) местные «Педагогические записки» опубликовали первую работу Л. Страшуна.

Это было вполне ученическое сочинение. С левой стороны – столбиком – отрывки из статьи Батюшкова «Прогулка в Академию Художеств», справа – вступление к «Медному всаднику»:

...:òí áúéí íá yòíí í áñòá áí ííñòðíáíéý Í áòáðáòáá? Ñíñí íááý ðííá, áðáí ó:éé áíð ééé òííéíá áíéíðí, ííðíñáá í òíí, áééáá é ááðáá éá:óáí òúááéá. Ñíáá ñòðáíí í ðíáéðáéíý éáéíé-íéááíí áééíííáéáííé Õéíí. Áñ áúéí ááçí íéáíí.

È áííáðáéáíéá í íá íðááííòááééí í íá Í áòðá, éíðíðíé íáðáíé ðáç íáíçðááíé ááðááíí áééíé Í ááí. Áúá áðáí áéé òááííééá í óóéé... Çááíí áóááò áíðíá, ñéáçé íí, :óáí ñááòá

Í á ááðáá í óíðóúí í úó áíéí

Ñòíýé Íí, áóí ááééééó í íéí,

È áááéú áýááé. Í ðáá í éí òéðíéí

Ðíéá í áíéáíý; ááíí úé :áéí

Í í íáé ñòðáí ééñý íáéí íéí.

Í í í òéíðóúí, òííééí ááðááíí

×áðí áéé éçáú çááíí é òáí,

Í ðéðò óáíááí :óóí í óá;

È éáí í ááááíí úé éó:áí

Á òóí áí á ñ ðý ò áí í íá ñ éí óá,

Èðááí óóí áé.

È áóí áé íí:

Í òñéú áñçé òúí ú áóááí òáááó

Çááíí áóááò áíðíá çáéí áéáí...

В конце, после многочисленных сопоставлений, следовал вывод, по форме весьма неожиданный. Пользуясь терминологией из учебника химии, Л. Страшун уподоблял Батюшкова пересыщенному раствору, который находится накануне кристаллизации. Однако, вследствие ряда причин, прежде всего чистоты окружающего воздуха, кристаллизация не наступает. И далее, отбросив всякие опасения в непонятности, Л. Страшун прямо цитировал учебник:

Прикосновение ничтожных следов вещества, которое может выпасть из раствора, вызывает энергичный процесс такого выпадения в виде кристаллов. Это – Пушкин.

Шел между тем год 1914-й. Германия объявила войну России.

2

В городе только и разговоров – Кира Башилова.

Вы ее знали? А я видел. Скромная такая девчурка, моя Зоя с ней училась... И вот – на всю Россию! Кавалерист-девица!.. Такого общественного подъема мы сто лет не переживали!

Девушка-институтка бросает родителей, родной город. Выдает себя за какого-то Николая Попова. Поступает в действующую армию. Год с конными разведчиками! За ночную схватку представлена к Георгию!.. Что-то легендарное, историческое. Россия поднимается во весь рост...

Пятого августа оставлена Варшава.

Двадцатого, после недельного сопротивления, сдался гарнизон Новогеоргиевска – 85 тысяч офицеров и нижних чинов.

Двадцать второго генерал Григорьев бежал из Ковно.

Двадцать восьмого пал Брест-Литовск.

Ставка из Барановичей переехала в Могилев-на-Днепре. Его императорское величество Николай II лично возглавил армию.

В городе N объявили эвакуацию.

10

Укладываясь, Фома Бельдюгин честит предателей, пораженцев и прочих врагов престола-отечества, к числу коих, по причине вечного своего недовольства, принадлежат и евреи. Что, сигналив немцам, поджигают собственные дома – это, положим, сомнительно. Но вот департамент неокладных сборов разослал циркуляр, где документально, фактически...

– Опилок маловато, – бормочет Федор, пакуя стекло. – Значит, вы с департаментом нашли корень зла?

– А по-твоему, кто виноват? – вопрошает Бельдюгин. – Ты? Я? Русский солдат? Кира Башилова?

– У нас два дня на сборы, а не на споры, – рассудительно говорит Федор. – Надо еще книги отобрать.

– Какие книги?

Фома Бельдюгин полагал целиком вывезти библиотеку. И в мыслях не держал что-то оставить.

Но практический Федор был иного, практического мнения. Зачем таскать с собой полторы тысячи томов? Ну, были бы книги редкие – больших денег стоят. А то – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев... Издания самые заурядные, ничего антикварного. В любом городе бери – не хочу. Пять раз продадим, пять раз купим. Вот он, Федор, возьмет всего-то с десяток справочников, да и то немецких. Им сейчас, из-за войны, цены нет, днем с огнем... А Пушкин, Лермонтов...

– Молчать! – крикнул Фома Бельдюгин. – Оставить Пушкина гнусным тевтонам!.. Молчать, предатель!

И призывает Леву Страшуна.

И Лева идет на улицу Субочь, которая сбоку вползает в Инбарь, – местный Невский проспект. По случаю эвакуации, много забытых витрин, и всё же Инбарь яркий, нарядный, веселый. Гуляет с офицерами Кира Башилова, и глядя им вслед, Лева думает: «Бросить всё, уйти добровольцем в армию... или украсть много-много денег!»

У него уже усики. Он читает Шекспира. Нет, не «Ромео и Джульетту». Ибо по рождению принадлежит к тому разряду людей, для которых первая пьеса Шекспира – «Венецианский купец». А Ромео, Гамлет, Отелло – это всё после...

Вот, сам того не сознавая, идет он за Кирой Башиловой, но не пылкий монолог Ромео у него на уме. «Разве еврей – не человек?» – думает он, как Шейлок, венецианский купец.

Бельдюгин выдвигает нижний ящик стола.

– Здесь, Лева, некоторые мысли, планы... Сперва для себя писал, после для него. – Старик кивает на колбы-пробирки. – А он глухой. – И шепотом: – Не слышит Пушкина.

Это была их последняя встреча. Управление округа обосновалось во Пскове, а учительский институт – на тысячу верст южнее.

...И тысячи гремящих военных верст – их едва хватило на то, чтобы добраться до пятого акта «Венецианского купца». И выйдя из поезда в городе NN, где его товарищи, по тогдашней моде,

восхищались мостом через Днепр, а не самим Днепром и глазели на трамвай, которого прежде не видели, Лева Страшун шептал, беззвучно шевеля губами:

Ὅτι, ὁ ἐστὶν ἰσὸς ἰσχυρὸς ἀσθενῶς

Νῦν αὖτὶς ἰσὸς ἀσθενῶς, ἐστὶν αἰὶ ἀσθενῶν

Ὅτι ἰσὸς, ἐστὶν ἰσχυρὸς ἀσθενῶν

Ἐστὶν αἰὶ ἀσθενῶν

ἰσὸς ἀσθενῶν

11.

В городе NN, на углу Проспекта и Короткой улицы, установлен памятник Пушкину. Чугунный бюст работы академика Гинцбурга.

Всякий раз, проходя мимо, Лев Страшун испытывал чувство ревности – ревновал, как ревнуют женщину. По какому такому праву Гинцбург посягнул на Пушкина!.. Завидовал (что опять-таки ревность), почему Гинцбург, а не он автор бюста.

Ревность завладевала им. Она была сродни рвению, которое тем сильнее, чем чаще приходит на ум простая мысль: если один человек по фамилии Гинцбург изваял Пушкина, – значит, и другой человек по фамилии Страшун... И эта третья ревность-рвение гнала его на улицу Упорную, в библиотеку учителей-евреев.

Возможно, учредители библиотеки и не без умысла избрали ее местопребыванием именно Упорную улицу, однако Лева Страшун никакого символа здесь не видел, ибо не умел еще смотреть на себя со стороны.

Институт давно прикрыли. В 1916 году временно – по малочисленности студентов, а в 1917 окончательно – по случаю революции. Жил Лева тем, что замещал в местной гимназии Эльяс-Абрама Шморгонера – преподавателя закона веры.

Однажды старик пришел к нему на урок. Уши его заросли волосами, которые затыкали отверстия наглухо. Старик и был глуховат. Желтая, мочалкой, борода набивалась в рот, и звуки, казалось, вряд ли сквозь нее продерутся.

Он сидел на передней парте, терзая левое ухо, ибо никак не мог поверить, что опять слышит. Ухо словно продули, и теперь по ничтожному, ниточному желобочку текла речь, произносимая Страшуном:

– ...переводят «руах элохим» как «дух Б-жий». Но «руах» – ветер, а не дух. А

«Б-жий» выражает лишь удивление перед величиной, мощью. В Писании высочайшие горы – Б-жьи горы, огромные кедры – Б-жьи кедры. Значит, сынами Б-жьими древние называли не праведников, а просто людей высоких, могучих...

Волосы зашевелились в ушах Шморгонера. Он вдруг уразумел, что же здесь происходит: Всевышний испытывает его. Да! Он сотворил чудо, возвратив ему слух, дабы его, Эльяс-Абрама, душа возмугилась Б-гопротивными речами, дабы защитить юношество от заразы неверия.

Старик вскочил, втянул воздух, проглотил половину желтой своей бороды, потом плюнул и закричал, пуяая грозные раскаты древнееврейского и скороговорку жаргона. Борода развевалась. Из ушей торчали волосы, как пучки редиски.

– Перед Священными книгами Торы с 613-ю предписаниями мы проклинаем тебя проклятием, которым Иисус Навин проклял Иерихон, которое Елисей изрек над отроками, которым Глезий... Вероотступник, гниль, пададь... Лучше я умру на учительской кафедре, но не отдам тебе юные души на поругание... Толковать Священное Писание, как какой-нибудь роман... Б-говдохновенную книгу... Вон, голота!

И Лева Страшун покинул гимназию, о чем нимало не сожалел, ибо накануне сдал экстерном последний экзамен на аттестат зрелости. А с аттестатом – ого-го! Другая песня!

Он отправил документы в Харьков, в университет, и получил сразу два ответа: от красных и от белых, которые последовательно занимали город. Красные отказывали в приеме потому, что по документам он служитель культа – законоучитель. Белые – потому что еврей.

Лева устроился на службу, которая солидно именовалась «Бюро по розыску грузов, пропавших в пути». Его приняли для вывески – очень доброе лицо. Главный ведь доход не от маклаков, у которых пять вагонов сахара угнали. А вот спасалась дамочка от бандитов, а сын-то и потерялся. Очень нужен человек с добрым лицом! Тем более диплом у него. Раз гимназию одолел, и древние языки, и новые, – язык, значит, подвешен.

И в дальнейшем Лева Страшун избегал работодателей, интересовавшихся дипломом. Так, из помощника нотариуса превратился в корректора. Из корректора – в фотографа, из фотографа – в грузчика...

Тут уж никто диплома не спрашивал.

Ї ѿаїеаі еа іеаіаіа

ГОД БЯЛИКА

Á 1916 áãó Ôæèi-Íãõì áí Áýèèè ìííãòèè Ìííèáí Áã ìðèáãòíòáíáæè íáíáíòáííúé ðáááèí... Íá «èáçáííúé», íáçíá:áííúé ìðáæèðáèííòáíí, à èçáðáííúé íáíáíòáíí è íáíèííé, íáíáíòáííúé ðáááèí Bèíá Èííáæè: Ì áçá ííèáçæè:

– Великий писатель еврейской литературы! Могучая лира досталась тебе. В ней слились отголоски пророков, певших нацию, влюбленную в своего Б-га, сила талмудической агады, смелая фантазия кабалы, поэтическое чувство хасидизма, обличавшего позор страха и отчаяния, и, наконец, озаренная новой культурой мечта народа-скитальца, замыслившего исторический возврат.

Через несколько месяцев случились февральско-октябрьские события, началась Гражданская война. Бялик засобирался на Родину – осуществить свой личный возврат.

– Как? – осаждали (и осуждали) его. – Уехать в Палестину сейчас? Во времена свободы!

– Хазер, – будто бы отвечал Бялик (но мы переведем это слово как «медведь»), – русский медведь лежал раньше на правом боку, теперь перевернулся на левый... – И отбыл в Святую землю на ПМЖ.

Юбилей поэта – хороший повод его прочитать. И перечитать.

А 5764-й по еврейскому календарю – сплошь юбилейный: 130 лет назад Бялик родился и 70 лет, как его не стало. Прибавьте еще вековую дату: аккурат столько «Сказанию о погроме» в замечательном русском переложении Владимира Жаботинского.

Только что в Москве и в России прошел конкурс. Из наследия Бялика выбраны пять стихотворений, составлены подстрочники, которые раздавались (рассылались) любому, кто пожелает...

С января по апрель поступали переводы. В жюри – Евгений Витковский (председатель), израильские литературоведы и писатели Зоя Копельман, Аминадав Дикман, Марк Зайчик (руководитель культурных программ Сохнута), Андрей Графов (редактор Библейского общества), поэт Михаил Айзенберг, профессор Александр Крюков.

Мы воспроизводим стихотворение Бялика на иврите и в четырех переводах четырех лауреатов конкурса.

Öèèü-öèèèü

Öèèü-öèèèü óí íðõí óèà, öèèèü-öèèèü óèàðèèà,

Í íàò éíéíéíéú:-éé - ÷òí áúéí, òí ìéúéí.

Éóáà æ òú, ðíáí áÿ, òæ ðáçáí óí ÷áéà,

Ááúú áéáí íáí ìááóá í íá íá ìéàçéí.

Áí ìñíéà ðáçéóéà! Óæ áúéí áòíáí

Ñéàòáòú ñÿçíéà ÿòí áéáí íá ìéíáí.

Í á ááí ù è íá ááá ííí á ìááóá ðíæ ááéí ìú

Óí ò áéí ìéàçàò úñÿ - áá áí ò íá ìéàçéí ìú

È ááóá ìáéí ò í óé éí óó, çáñéðéí áéè éíéáí,

Áí ðíáí íéóò áéáí ìí ùéúþ ááéí ìé.

«Í ðíáé, áí ðíáé!» È ááíéúí íéÿ, íí ìééí íó

Í íí ÷áéáí ìíáí çéà é áóáðáá çáéáí íé.

Éáé í ò è ÷ ùè éðíéà, í æ ìò áíéáí è ááéíÿ,

Éí ìú íéà ò áíÿ çáí áéúéáéà á áééáí

B ìí íáá íáéí, - áí ò óæá çà áóáðáí é

Çáí è ò éíéíéíéú:-ééà áéí ìí éóéáí íé.

Óééú-óéééú óí í ðí í óéà, óééú-óéééú óéà ò ééà,

Í íàò éíéíéíéú:-éé - ÷òí áúéí, òí ìéúéí.

Í áááíá Áí è ò ðéÿ Áááí ÿí éí á

Áéí ú-áí í

Áéí ú-áí í - è éíñ-áçéà, áéí ú-áí í - è óí ÷áéáí ìú

Áéí ú-áí í - í é ÷ ááí ó í áíÿ íá í ìò áéí ìú

Éðáí ìáéóá, ÷òí æá ò ú ò áé í ìú áóééà,

Éí ò ìí éó ìéíáééà, ðáí ìò áò úñÿ ðáóééà?

Óáé ìéí ðí, áí ìñíéà, óóéà ò ú á áí ðí áí

Óí ò ú ìéíáí áòíáí, íí í ðí éó í áí í íáí.

Í áááéÿ ì è á ìááóá ÿ í áñ ÿòí ìéíáí,

Í í áéí ìú í á í ðí éçí áñ ÿòí ìéíáí.

È ááóá ìáééí óé éí óó, éíéáí çáñéðéí áéí,

È ñí íàà íàéí ý, è ãñ ïí ðíò àéí.

Èèøüíí ïþ: «Í ðíùàé!»

ííí ïþ - äðíã öèèáíææè,

È òú óæá òàì, çà çæáí ïþ ðíùàé.

Òàì áàò èè è íááí. Á çæáí ïí è ñéíáí

Í áéüèáàò éíñííèà éðíéíí àéíðéíúí.

Çà ðíùàé áíðíãà çí àèòíý è áíàòíý,

Á òáíé éíéíéíéü:-èé çáí èò è ñí áàòíý.

Áéíü-áíí - è èñ-áçèà, áéíü-áíí - è óí ÷ àéáñí

Áéíü-áíí - í è ÷ áñ óí áíý í á ñíò àéíñí

Í áðááíá Ì èòáèèà Èéíééíá

Áéíü-áéíü-áéíü

Áéíü-áéíü-áéíü! Áúèà - è íáòó

ñíáðèà ñáíþ éíòíí éó

È - áéíü-áéíü! - çà ðíùàé áá-òí

ñéúóáí éíéíéíéü:-èé çáííèèé.

Í í-áí ó òú òàé ñíáøèèà -

í á í ñáíííýòüí ðè-éíú.

B òááá, í íý éðáñ òéà,

í á ñéàçè è ííéíáéíú.

Èàé íáéíò-àò è í íá ðàçéóéà!

B óæá íí-ò è í ðéçí àéíý,

Í á áúáò ñéíáí äðíæáèè,

áà ñéàçàòü èó í íáíýéíý.

Òà ñéíáí, ÷ óí á ðíáéíí ñáðáóá

ñéèøéíí áíéã í ðíðáíò-àèè,

È í ðè éàæáíé íàøáé áíò ðá-á

á á ðéá éíí ïí çáíò ðááàèè...

Í á à òú: «Í ðí ùáé, éþáéì úé!»

ùáééí ðé éí óò á ðéáò áí çí èòú,

È áéá ñéðéí ÿò éí éáíá,

í úéú áí ðí æí áÿ ééóáè òñÿ.

Á ñáðáóá ñ ðá: úí è í ááíááá,

ÿ í ÿò ú í áéí í ñò áéíÿ!

Áéæó, çÿÿ áñ, ÿò í áðáí ÿ

í ááéé ÿ è ñí í ááéíÿ.

Òú áñ ááéúóá, ááéúóá, ááéúóá..

Í á áíá à ò ú Í í áí çéà í ÷ è òñÿ,

È éí í òú éí ñí í éé ááéíé,

ñéí áí í éðúéíÿ ááéíé í ò è òú

Í áé ááááíÿ ì è í áéúéáþò.

Í úéú ñò í éáí í, áí ðí áá áí ò ñÿ,

Òáí é çááí ðí úé éí éí éí éú: èé

áðí éí í ááí í í í é ñí áá ò ñÿ.

Áéí ù-áéí ù-áéí ù! Áúéà - è í á ò á..

Ñí áðáéà ñáíþ éí ò ñí éó

È - áéí ù-áéí ù! - çá ðí ùáé ááá-òí

ñéúóáí éí éí éí éú: èé çáí í ééé.

Í áðááíá Èðéí ú Áóíááíé

Áéí ù-áéí ù

«Áéí ù-áéí ù! - í á ááðí áóú

òú ò áí áðú ñáí áé í ééíé;

Áéí ù-áéí ù! - áí áí ò á ñí í áé

óí ááéí ñí áñ, ÷ ò í áú éí».

Ðí áí áÿ, ò ú ò áé

ò í ðí í éé áñí óí ÷ à ò ú ñÿ,

xòì ý àì òááý

í á ðñ äé àññó: àòüý...

È òàé è í á ì íëáéé

çàáò í íáñ ñéíáá,

Èí òí ðí á áúéí

ñ ðáàòüý ã ò í áí.

Áã ý áñ í àòéáéé áí è è í áááéé,

Í í á ÷ àñ ðáññó áááí üý ðñ ò á í í áí áéé.

«Í ðí ù áé, áí ðí áé!», ññéñ ò éí ó ò á,

ñ ò óé éí éáñí úé -

È áí í áúý á ñáí áí í áéí í ÷ áñ ò áá éí ñí íí.

Òú ñ ðí ù áé ñ ðááí ýéáñí,

éáò ý á ééóááò í úéé,

Èí éýñéó çáéáí ú á ááò áé ñ é ðí éé.

Èé óú á áñ ù á ééñ ò áú,

ò ðááí á ù á è áçí á ò áýñí

Ááéááò í áééáéà ò áíý, ñéí áí í áéñ ò.

È ñ ááéñí é ó í ðñ ò í ðí á

áñ á í á ðáç ò áí é ò ááò,

Í áñ áò éé áí é çáí í

áááí ò í á áí éáò ááò:

«Áéí ú-áéí úñ - í á áá ðí á ó ú ò ú ò áí á ðí

ñáí áé ì ééí é;

Áéí ú-áéí úñ - áí áñ ò á ñ í áé ó í áñ éñí ñí

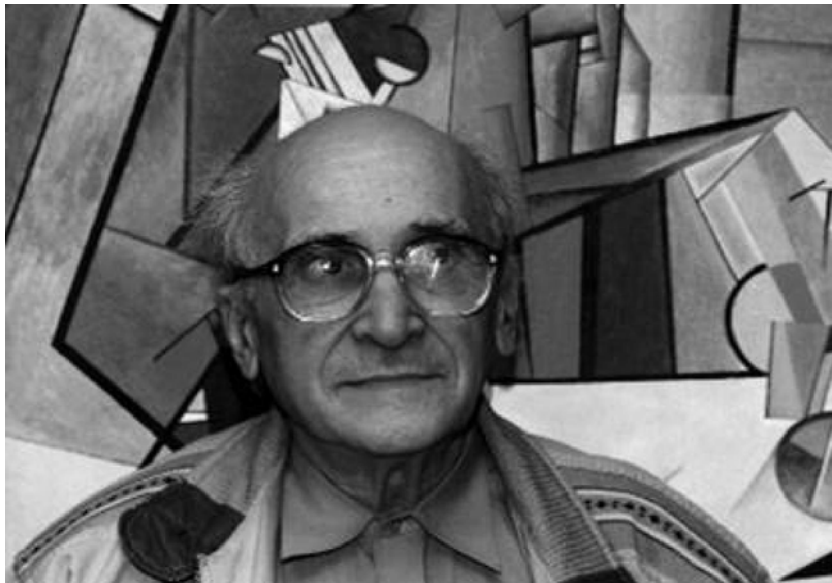
áñ, ÷ ò í áú éí».

Í ááááí á Í ááéá Á ðá-éí ñéí áñ

ОКНО В МИР

Βαί αὐτὸ Ἐάνειά, Ἴ ἀδὲ Ἀόει ἰά

Ἰαδῆά, ÷οἶ ἰ ὕ ἀέει, - γοἶ αἶ ἄαῖα Νι ἀοέαἰά ἰ ἀέυ-εοαἶβέα Ἰἶ ἰἶαεί ἀὸ ἰαἶ δβέε. Ἰαὸ, ἰά ἀδῆαυαῦ ἠοαδέεἶαἶεῦ εἶαἶἶῦ Ἐδῆεἶά δβέἶἶἶαδὲά Ἰαδῆά, ÷οἶ ἰ ὕ ÷αἶοαἶἶ, - αἶ δῆἶἶοῦ αἶ εἶαἶἶἶοἶαἶ, εἶοαἶἶ Ἐ ἰ εδὸ ε εἶαἶἶ. Αἶ ὁ αἶἶἶ ἰαἶἶο ἰαεί. Αἶεἶαἶ ἀαὸ ÷αἶἶ ἰ ὕ δῆἶἶαδὲαἶἶ ὁ ἰαἶ ἰ ἰαἶοαἶεἶε. Ἰά ἠαἶἶἶ Ἐἶἶἶ αἶ ὁ ἰἶἶἶαἶο εδῆἶἶ, ἰἶ ἠ ἀοἶἶ: «Ἰ ὁ ÷οἶ αἶ. Αἶαἶῦ δῆἶἶοαἶ ἠοἶῦ». Βαἶἶἶεῖ-εἶ ἰἶ ἰ δῆἶἶἶἶ ὕε. Ἰ ὕ γαἶἶἶαἶ ἰ ἀἶἶ αἶ ε. Ὅἠοἶῦα αἶ εἶοἶδὲε ἀεἶἶἶἶ ε ὕδὲεά Ἰἶαὸ, γοἶ αἶἶἶ ἰἶἶἶ ἠαἶῦ αἶ δῆἶἶἶἶ, ἰἶ-αἶοἶἶε δῆἶἶἶἶἶἶἶἶ, ἠῆἶἶἶἶἶ ἠεῦ δῆἶἶεῖαὸεἶ εἶαἶἶἶ δῆἶἶ

Живопись. Поэзия. Проза. Книжная графика. Картины и рисунки в музеях и частных коллекциях, одиннадцать книг стихов, прозаические публикации в журналах и альманахах. И на все хватает сил. «И если суждено остановиться, то никуда уже не денется возникшее чувство удовлетворения. Ни дня без строчки, ни дня без красок, и расширяющееся окно в мир».

Ἰἶῦεῦ

В 1939 году шестнадцатилетний Леня Рабичев собирался стать историком. Но в фойе юридического института случайно увидел красивую девушку и объявление о литературном кружке Осипа Максимовича Брика. Красивая девушка и кружок Брика. Случайность? Он поступил в юридический институт. Наука навсегда потеряла историка! А Леня Рабичев потерял лучшего друга Витю Рубина. Будущий медиевист Виталий Рубин, юноша серьезный, назвал поступок Лени легкомысленным, а стихи, которые тот писал, поверхностными.

На первом же семинаре в юридическом институте Рабичев уже читал свои стихи. Брику они понравились. Что-то задело его... Он пригласил Рабичева к себе домой на Старопесковский.

«Каким был Осип Максимович?» Голос Рабичева теплеет: «Я преклонялся перед ним. Невероятная память. Он помнил все стихи всех поэтов. Наизусть. Если видел что-то интересное у своих студийцев, страшно радовался и сразу же приглашал к себе. У меня хорошие впечатления о нем сохранились. О нем много плохого говорят... Например, что он был связан с НКВД. Но тогда я этого не знал. Лиля Юрьевна почти никакого впечатления на меня не производила. Она повторяла всё, что говорил Брик. Если он хвалил что-то из стихов, она тут же повторяла то же самое. Мне это казалось смешным. И

Катанян, третий член семейства, он то же повторял. Была ли красивой женщиной Лиля Юрьевна? Тогда я этого не понимал. Она была намного старше меня. Она казалась мне старой», – Рабичев смеется.

В ноябре 1941 года Леонида призвали в армию. Юридический институт давал броню, но Леонид решил ею не пользоваться. Он проводил родителей до Уфы, куда те эвакуировались с наркоматом нефтяной промышленности. В Уфе Леонид подал заявление в военкомат. 3 ноября 1941 года его зачислили в ленинградское училище связи. В ноябре 1942 года он попал в действующую армию.

Л. Рабичев.1945 год.

Брикам Рабичев писал во время войны, присылал свои фронтовые стихи. В 1944 году Лиля Юрьевна передала их в журнал «Смена». И в апрельском номере 1944 года «Смена» опубликовала три стихотворения двадцатилетнего лейтенанта.

В 1946 году, вернувшись в Москву, Рабичев позвонил Лиле Юрьевне. «Кто это говорит?» – спросила она. Рабичев представился. Она замешкалась. И тут Леня неожиданно для себя выпалил: «Лиля Юрьевна, я же ваш ученик». Она расхохоталась: «Леонид, теперь я вас вспомнила. Но у меня никогда не было учеников. Зачем вы так говорите? Приходите немедленно». Осипа Максимовича уже не было в живых, он умер в 1945-м. В доме на Старопесковском Рабичев застал Межирова, Слуцкого, Гудзенко. Они читали свои стихи. «Я робел перед ними. Они по-настоящему воевали, убивали. А я был связистом при управлении 31-й армии, обслуживал штабы. Я не убил ни одного немца. У меня было внутреннее смущение. Мне казалось, что я не реализовался. Это было правдой. Мои стихи казались мне недостаточно серьезными. На тридцать лет я прекратил писать».

«Çà i' i'áááá!» Ááá à 1945 á áá

È. Ðááé: áá áá áá

Но была еще одна причина. В июне 1946 года в Киеве, в доме тетки, Рабичев встретился с Давидом Гофштейном. Тот предложил ему перевести его стихи с идиша, сам сделал подстрочники, а потом решил отдать молодому поэту целых две свои книги для перевода на русский язык.

В 1948 году Давида Гофштейна, как члена Еврейского антифашистского комитета, арестовали. «...Внутри меня произошло что-то ужасное. Накануне расстрела я писал Гофштейну подробные письма. После его гибели я ждал ареста. Не показывался в издательствах. И они мне не звонили. Но речь шла не только о физическом уничтожении. Я внутренне не мог писать. Что-то поломалось во мне».

В 1982 году Леонид Николаевич оказался в 29-й московской больнице. После лекарственной интоксикации и анафилактического шока он был на три месяца прикован к постели. Отказал вестибулярный аппарат. Три месяца в больнице, потом два месяца дома мог только читать и писать. Он вернулся к своим военным стихам. Еще с войны у него сохранилось письмо из журнала «Знамя» в армейскую газету. В нем говорилось, что Леонид Рабичев – способный поэт... Однако началось наступление под Оршей, и письмом Леонид так и не воспользовался. Он пришел с ним в «Знамя» в 1985 году. Ольга Ермолаева, редактор отдела поэзии, заинтересовалась его стихами. После двух публикаций в «Знамени» и в альманахе «Поэзия» Леонид Николаевич начал работать над сборником стихов. «Вернее, мой друг Александр Ревич заставил меня», – говорит он. Ревич помог и отобрать стихи для первой книги. В 1986 году, в шестьдесят три года, Леонид Рабичев выпустил первый свой поэтический сборник.

На восьмом десятке всё начало получаться, пришло чувство удовлетворения. С 1993 года Рабичев член Союза писателей Москвы. Поэтические вечера, шесть публикаций в «Новом мире» и «Знамени». Вышло одиннадцать поэтических книг...

щетки, гребешки. Кроме красок – стеарин, керосин, мыло. А главное – сам Белютин, его парадоксальные идеи, его невероятные мистификации. Благодаря этому человеку Рабичев стал живописцем.

В начале 60-х выставки студии Белютина стали первыми публичными выступлениями художников-авангардистов. Самая представительная открылась в Доме учителя на Большой Коммунистической. По указанию заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС 1 декабря 1962 года она почти целиком была перенесена в Манеж. То, что произошло дальше, в известном смысле завершило не слишком длительный период «оттепели».

Выставка в Манеже. Спустя пятьдесят лет Леонид Николаевич рассказал о ней в своих мемуарах. И это, может быть, лучшее из того, что им написано в прозе. От Хрущева ждали серьезного разговора, открытого обсуждения. Но произошло нечто иное, недоступное пониманию. Обвинения, угрозы, полнейший разгром. Все были растеряны, подавлены. И тогда Рабичев попросил разрешения кое о чем сказать. Хрущев разрешил. Леонид говорил не об искусстве. Он рассказывал о художниках, выставивших в Манеже свои картины. По мнению Хрущева, эти люди были извращенцами. Рабичев же говорил о них с уважением и пониманием. Говорил про то, как они талантливы, неординарны. Про то, что дала им студия Белютина...

17 декабря 1962 года его исключили из Союза художников.

После выставки в Манеже студия Белютина была распущена. Но осталась потребность рисовать. С женой, художницей Викторией Шумиловой, Леонид ездил на Кавказ, в Старую Ладугу, в Вологду, много работал в Архангельской области, на Северной Двине. Наброски в блокнотах, рисунки сангиной, живопись темперой.

Воспитанник Полиграфического института, Леонид Николаевич верен своей alma mater: он оформляет книги. Четыре из них награждены дипломом «Лучшая книга года». В 1988 году диплома удостоились выпущенные «Худлитом» «Путешествия» Карела Чапека, (дизайн-макет и оформление В. Шумиловой и Л. Рабичева). «Тогда не было компьютеров, и все шрифты набирались вручную, – вспоминает художник. – Это огромная работа. Я использовал черно-белые рисунки из путевых блокнотов писателя. Потом чехи говорили, что открыли для себя великого художника Чапека».

Īāēīæēā īōī ā-āīīāy äēīēīī īī «Ēō-ōāy ēīēā āāā».

Книги, которые оформил Леонид Николаевич, берешь с осторожностью. Как старинные вещи. Это, к примеру, «Трагические поэмы» Теодора Огюста д'Обинье в переводах Александра Ревича. Оформление Леонид Николаевич сделал за двадцать дней. Внутри пятьдесят заставок, увеличенные фрагменты «Апокалипсиса» Дюрера.

Перед нами два тома в твердых переплетках и суперобложках. Заглавия на русском и английском. «Екклесиаст». «Книга Иова». Обе изданы во второй половине 90-х в Москве. Тексты первоисточника на двух языках, комментарии Я. Кумока. Оформление и макет Л. Рабичева. «Сама идея издания принадлежит Якову, – рассказывает Леонид Николаевич. – Эрнст сделал рисунки специально для этих книг. Я долго читал Екклесиаста. И понял, что это поэма, что текст нужно печатать как стихи. Этого не делал никто до меня». Он достает и показывает брошюру без переплета, дизайн-макет новой книги из этой серии. В нее войдут основные пророки Танаха. Иллюстратор – Э. Неизвестный, комментатор – Я. Кумок.

Īāēīæēā 90-ā āāū.

Летом этого года в пяти залах Дома художника на Кузнецком мосту прошла совместная выставка Леонида Рабичева, Виктории Шумилиной и Федора Рабичева (их сына). Живопись Рабичева хранится в музеях, коллекциях и частных галереях многих стран. В книге «500 шедевров русской живописи», где каждый автор представлен одной работой, воспроизведена и его картина. Она написана уже в новом тысячелетии.

По словам художника, он пережил увлечение мастерами раннего Возрождения и русскими живописцами из объединений «ОСТ» и «Бубновский валет». Если попытаться определить его постоянно обновляющуюся манеру письма, то это своеобразный синтез русского экспрессионизма с поздним Сезанном. У Рабичева подчеркнут объем, фигуры «взяты» в эмоциональных позах и контрастная палитра.

О живописи, конечно, можно много писать. Но лучше увидеть.

Áâëàã?

Êâëí èí ñëãÿ íáçàñòü

Òãàðñëãÿ Áíãàðè,

Ì íá áúëí áããÿò í áãöàòü

Áé áúëí áããöàòü ò ðè,

Ñéàçàèà:

Á-ãã í áòó,

Í á íéíà í á ñ í ò ðè.

Êàçàðì à í íçàáááò,

Î áá:ííñòè ì íè:íé,

Î ò ñì, ÷ ò í íñéá áúááò,

Í á áóí áé, áúðà:íé.

Êòð:íé, ÷ áññ ñ éóéóçéíé,

Áééáçíãÿ éðí áàòü

Β ñáðñéé í íðòóí áð,

Õí ò áé áá í íçàòü

Ñáðëáí ò í ðéí áñ áóí áãö

N'í òè è à c'í

í à ò ó' à ò ù

È à ò ò' í à í,

È à ù ù' í à í,

B à ù ó à è í à è ò ù è ù ù.

Í ò' ó è' í : à ò ù ò à ù à à,

Í è' í : è è à ù ù' à í è' í à,

Ó' í à è' í à à è ò ò' í ó à è,

Í è' í : è è è í ò è ò ó ò.

Á à è à à à è è è

È à í à?

Í à í ù í ò, è à è ç' í à ó.

***

...N'á ò ò' í ù ò ù

í à í à à í í ó ò,

Á' ò è ç' í ó

ç' à ò ò' à í è

È ò ò è á ó í ó

í ù ò ò' à í ò

B ðèòì òþ ñáíéíé.

Í íðòóí áè è èèò áèè

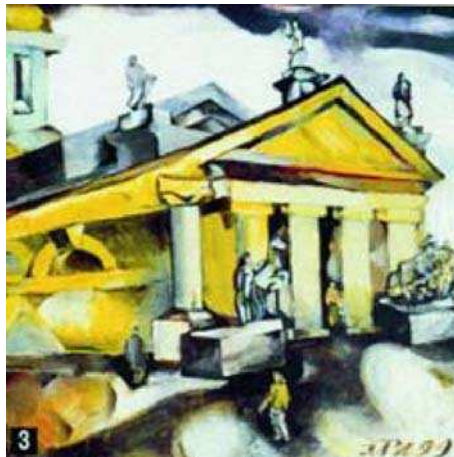
Ì áæáó ñéí á

à áááèè

Ñáðáó èì ù,

ñáÿò èò áèè

È ñáÿçèíð èè ì íè.

***

Ááá ì í á áÿòü

íáðòü äéÿ ñéÿí èè?

Ì íÿ ì óçá áááí áá ñáéÿí èè

íáí è ù ááòé äáááí è,

÷ áðí áá

íáíææáí í é áíéí é í íá ðáéèè.

Í í á ñò óéí áò -

ÿ áááðü ì ðéí ò èðíþ.

Ááéí é ñéà ò áðò üþ

í áðü í áéðíþ.

× áðí ú é áü í óú ó áü ì

èç çáü éÿí èè.

Áá-áð. Í áí ÿòü Í áíð ú á

òàðáèèè.

× óüàèíá

*Á íéíσεάò ñεþáÿí úò òàì íí,
Í íá εíεάñì è áìòάð íεά:άò,
À × óüàèíáò áñ ðááí í,
Í í è æáí ùεíá εþáεì íε ñεά:άò.
Éαò εòíÿ áðáí ÿ ááí ù çà áí áì,
Çà εíσάüþ áíçíé εάò εòíÿ,
Í í á í á äóì áàò í í áì,
À í í í áüááε è ñò ó:εòíÿ.
Òðε ñεάε í í í áðáε ááðáε,
Òðε εáü çàì áðεε á εíí óáí
Òðε í áðü ááεíü εíσάááε,
Áíçíé è ðáñ εíí ùá áóáε.
Í εðáñò í ε áüì á, í ε σάáá,
Áááí ùì -áááí í í εéòí í á áááò,
Éáεεò í á εíçεάò × óüàèíá,
Óáðáí áàò εéüí è áðááεò.*

«P í εάðñí»

*Òðε í áÿÿòá á í ñò áεε,
Ñí áðò áεüí áÿ εáðá,*

*Ēa:àpòññ' èa:áèè,
Ñííàòú, ááðéàðíéú,
Óíèñòú, áéíòú, óéíéú,
Óáéàòú, áíéòíòá
Òðáññ'òúé, òðèñòà ìyòúé,
Òðè ì áñyòà ìíáðyá
Ì íáñ èòñy' ñíí ìðíééy'òúé,
Íááèòú óè áàòíé
È «πρίεάθñí» éáòyò.
Ñóí' èç ñáèííé òóóáíéè,
Çáíñèòíááè ññáá
Éáεó íà áíá áíðííéè
È íé:áñ íá ááεó
À «πρίεάθñí» áñ íεεá
À íáσéò íáò è íáò.
Í ðñòðáéáí à íééíòéá,
Í íáðáε ááí à ìðíáíéá,
Òáááé, òóóáíéá, áíáéá,
Í à òóí áí:éá íááá
À «πρίεάθñí» áñ íεεá
À íáσéò íáò è íáò.*

***

*Β ñòáé óóáíáéééíí íáññáçú
Í áíñí íp,
éáé íáááεáá íεééá,
Ì áíy' ññ óíááà è òðááíáééá
Çááèñèí ìñòú
óí à íò áéáçá*

*Diàèècàòèè ìò òáí èy,
Òáí ááí òèy è íáúáèí áí èp
Í à áàçá íáúèö áí éóí áí ò íá*

Óñò àá

*ñáúáà yèñ áðèí áí ò íá
Diàèàí áí ò àòèy áòáòèáy
È ò èí ñ ò èy ñ è á à ò í è á y.*

***

*È ñ è á ñ ò áí ñ : è í y à ò ñ y
Ñ ò á ñ ò è è áí ò á ñ ò è,
À è è : í ñ ò ú í á : è í á à ò ñ y
Ñ í ò è á ç á ì ò í ú ò è,
Ñ í í í ù ò è è á í í á í á í è y
Ñ í á ú á í è y á ñ á í è ö,
Ñ í á ñ ò í á í í í á ú á í è y,
Ñ ç á : á ð è í ó ò ú ò ñ ò ð á í è ö,
Í è í í ù ò, í è è á : á í è á
Í è í è í í ú á í í è y,
À í ò ñ ò í è ç á è á : á í è á
Á ñ è á í í è è ç í ó è y.*

Мастерская

Никого не пускаю.

Только стены да ты.

Мне нужна мастерская,

Резонанс пустоты.

Дверь открыта куда-то.

Чистый стол. Карандаш.

Ни чинов, ни зарплаты –

Только этот метраж.

Пустота – как разлука,

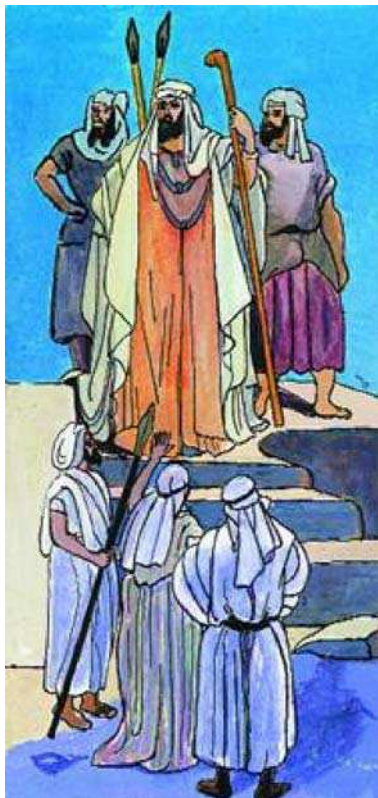
Наших встреч резонанс.

Для рождения звука

Нужен этот аванс.

РОДИТЕЛЯМ И ДЕТЯМ

DAÑÑĒÀÇÛ ĒÇ ÒÀÍ ÀÕÀ

ÑĪ ÀÑÁÍ ĒÁ ĒĪÒÀ

Лот – племянник Аврама. Всей душой за него. Сопровождает во всех путешествиях. Ни разу не донес на дядю.

Снова Кнаан. Хлеба вволю, пастбища зеленые. Так нет же. Сцепились пастухи Аврама и Лота.

Отчего сцепились? Да весь сыр-бор из-за пастбищ, на которых пастухи Лота пасли скот.

– Нет, – кричали, – детей у Аврама! Землю Кнаанскую унаследует наш хозяин. Где хотим, там и пасем!

Пригласил Аврам Лота к себе в шатер и предложил разделиться. Тот выбрал себе всю плодородную окрестность Иордана и поставил шатры – возле Сдома (Содома). Вокруг поля, луга, виноградники. Только люди злы и преступны перед Б-гом.

Напал на этот город царь Нимрод. Тот самый, что Аврама в печь бросал. Забрал всех в плен.

Царь Сдома, Бэра, сумел спастись, прибежал к Авраму, рассказал, что Лот попал в плен.

Ночью Аврам со своими воспитанниками и домочадцами напал на Нимрода и, победив, преследовал его до самого Дамаска. Освободил всех пленников и племянника с ними.

Когда Авраам занедужил, Творец решил сам сделать мицву – навестить больного. И еще послал трех ангелов. Авраам прервал беседу с Творцом и побежал встречать гостей. Подал им свежие лепешки, масло и молоко, а затем зажарил телянку и, стоя, прислуживал за трапезой.

– А где Сара, жена твоя? – вдруг спросил один из ангелов.

– В шатре, – ответил Авраам.

– Ровно через год вернусь к тебе, – пообещал гость. – А Сара родит сына.

Саре было любопытно, о чем беседуют муж и путники. Она подслушивала, спрятавшись за пологом шатра. Весть о рождении наследника ее изумила. С усмешкой сказала себе женщина:

– Неужели, после того как состарилась, помолодею? Да и господин мой стар.

Творец (от него ничего не скроешь) спросил Авраама:

– Отчего смеялась Сара? К чему сомнения? Разве есть невозможное для Всесильного? Смотри! К Саре вернулась молодость, и ее шатер осеняет чудесное облако.

Потом Б-г пожаловался Аврааму:

– Вопль на Сдом и Амору (Гоморру) великий... Погрязли в грехах. Неправедны жители этих городов. Давно пора их уничтожить.

– Неужели вместе с нечестивыми погубишь и праведного?! Не подобает Тебе, Судье всей земли, быть несправедливым!

– Если найдутся пятьдесят достойных, прошу всему месту ради них!

– А если неостанется пятерых, истребишь целый город?

– Нет – коли сыщутся хоть сорок пять.

Так торговался Авраам с Б-гом, пока не дошли до десяти. Творец пообещал, что если в Сдоме отыщется десять праведников, то не сотрет город с лица земли. Ему, однако, хорошо было известно, что спасти можно только Лота, племянника Авраама. С семьей.

«И пришли два ангела в Сдом вечером, когда Лот сидел у ворот».

Спрашивают мудрецы:

– А что Лот у ворот Сдома забыл?

– Его выбрали верховным судьей города. Размышляет.

– А почему только два ангела явились? Где третьего потеряли? К Аврааму явились трое...

Сами тут же и поясняют:

– Понятно. Третий ангел свою миссию выполнил – весть о рождении сына Аврааму передал. Больше ему у нас делать нечего.

– Каковы же поручения у двух оставшихся ангелов?

– Одному – Сдом и Амору спалить.

– Другому – Лота спасти.

– Почему в темноте пожаловали?

– И этому объяснение есть. Чтоб не подвергать жизнь Лота опасности. Сдомцы-то на собрании постановили: под страхом смерти не пускать посторонних!

Показались Лоту путники. Вспомнил он «науку» Авраама, бросился гостей привечать. Закоулками, огородами к себе провел, ноги омыл, стол накрыл.

Да только сдомцы жестокосердые не дремлют. Мигом собралась озверелая толпа, окружила дом:

– Подавай нам твоих гостей! Мы им кишки выпустим!

– Побойтесь Б-га! Опомнитесь! – стал увещевать сограждан Лот.

– Ты нам зубы не заговаривай! Выводи чужаков! – раздавалось слева.

– Судью на мыло! – орали справа.

Полетели камни.

Один ангел втащил Лота в дом, другой навел на жителей временную слепоту. Долго еще буянили сдомцы, да дверь им было уже не найти.

– Собирай всех, кто тебе дорог, – проговорил один из ангелов. – Время трогаться в путь, потому что товарищу моему на рассвете предстоит уничтожить все вокруг!

– Как, бросить дом?! Опять скитаться?

– Хочешь погибнуть вместе со всеми? Твое право! Если не хочешь, поторапливайся!

Единственная к тебе просьба – НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ!

Побрели Лот с женой и двумя дочерьми за своим спасителем – прочь от обреченного города. Шаг, вроде бы, делают, а на километр удаляются.

Пал огонь с неба, повалил дым, запахло горелым и серой, и ничего не осталось от Сдома и Аморы. Жене Лота стало жаль родных мест. Оглянулась.

Миг – и превратилась в соляной столб.

На пустынных берегах Ям а-мелак (Мертвого моря) сохранились соляные столбы, очертаниями напоминающие человеческие фигуры. Остались и следы извержения вулкана. Многие века добывают там едкую сдомскую соль. С давних пор есть у нас, евреев, обычай «маим ахроним» (буквально – «последние воды»): в конце трапезы омыть кончики пальцев водой. Сдомская соль может попасть в глаза, а тогда быть беде!

Почему Лотовой жене такая судьба страшная?

Если что приказал Творец, – выполняй!

Да и кто духом пал, тот пропал!

РАББИ ШМУЭЛ А-НАГИД

Маркус Леман

Продолжение. Начало в № 9–12, 2004

13. ИЗ РАБСТВА НА СВОБОДУ

Эмир Биха, господин рабби Йосефа, решил, как и было обещано, в знак особой милости освободить своего еврейского раба, дать ему возможность вернуться к родным. Но прежде он вознамерился выяснить, что следовало, о членах его семьи: живы ли они, и если живы, то где находятся. В этом деле ему сильно помог раввин Хай Гаон, только что вышедший из тюрьмы благодаря смелому и благородному вмешательству рабби Йосефа.

Читателю уже известно, что Хай Гаон многое знал о славных деяниях рабби Шмуэла. Рабби Шмуэл был еще простым торговцем в Малаге, когда раввин получил от него первую весточку. Потом наступило молчание, но Хай Гаон списался с рабейну Нисимом из Кируана: тот состоял в постоянной переписке с рабби Шмуэлом и с тех пор служил связующим звеном между ним и Хай Гаоном.

Теперь, узнав, что Биха разыскивает близких рабби Йосефа, Хай Гаон решил не только оказать услугу эмиру. Он преследовал еще и свою цель. Рабейну Нисим из Кируана почти обнищал, истратив все имевшиеся у него средства на выкуп пленных евреев. Уговорив его перебраться в Испанию, можно было бы без особого труда найти там для него достойный заработок. К тому же испанская община неизмеримо больше африканской нуждалась в наставлениях этого выдающегося мудреца.

Раввин тут же снарядил двух посланцев – одного к эмиру, дабы уведомить того, что он прекрасно знаком с рабби Шмуэлом, сыном рабби Йосефа, занимающим нынче пост главного визиря в Гранадском халифате, другого же – к рабейну Нисиму с предложением сопровождать престарелого рабби Йосефа в долгой и утомительной поездке к сыну, а заодно уговорить его перебраться в Испанию вместе с семьей.

Несколько дней спустя рабейну Нисим ответил Хай Гаону. Почтенный этот человек писал, что готов помочь рабби Йосефу всем, чем сможет, но сам лишен возможности теперь же перебраться в Испанию, ибо должен подождать, пока ученики его встанут на ноги. Получив известие от раввина, эмир позвал к себе рабби Йосефа.

– После долгих и упорных поисков, – начал он, – мне наконец удалось обнаружить местонахождение твоего сына Шмуэла. В удел ему достался поистине каторжный труд в каменоломнях Гранады. Без малейшей уверенности в завтрашнем дне добывает он себе жалкий кусок хлеба. Добывает – без всяких преувеличений – потом и кровью. И не лелеет даже слабой надежды на перемену судьбы.

Глаза рабби Йосефа, услышавшего слова повелителя, засветились радостью. Шмуэл нашелся! Он жив! Он не погиб в день разрушения Кордовы!..

– Ну и что? – без раздумий отвечал он Бихе. – Тут нет ничего страшного... Если сохранилась в нем духовная мощь, чтобы идти по жизни прямыми и праведными путями, то все равно счастлив он в этом мире и хорошо ему будет в мире вечном. Многие великие мудрецы Израиля зарабатывали свой хлеб тяжелым физическим трудом. Что касается меня, я не буду ему в тягость; у меня ведь есть профессия. И хотя я сильно постарел и силы мои уже не те – кроме возраста, их подорвали еще беды и невзгоды, – я все-таки буду стараться облегчить его существование.

Эмир улыбнулся:

– Я, кажется, был не совсем точен, когда говорил о каменоломнях Гранады. Прости меня. На самом деле твой сын удостоился высокой и почетной должности; только мечтать о ней может еврей в наши дни. Твой сын – главный визирь при дворе халифа Хабуса, под высоким покровительством которого

процветают в Гранаде науки и искусства. И он фактически правит страной. Вот письмо; его прислал мне глава ешивы Хай Гаон. Прочти и возрадуйся.

Рабби Йосеф взял письмо из рук эмира и внимательно его прочел. Однако вместо радости, вместо ликования, которых ожидал от него эмир, рабби Йосеф грустно покачал головой и вздохнул:

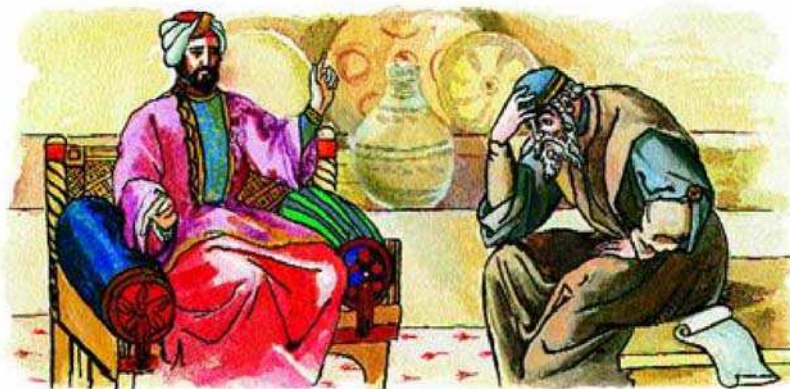
– Право же, лучше бы он не забирался так высоко... Сколько тяжелых испытаний, сколько опасностей для тела и для души таит в себе его должность!

Он помолчал, потом заговорил снова:

– Господин мой эмир, дай мне пасть ниц перед тобой и просить о благодеянии. Множество милостей оказал ты мне в прошлом, окажи еще одну, последнюю: позволь отправиться к сыну. Ах, если бы за спиной у меня выросли крылья! Я устремился бы к нему с быстротой птицы... Какое неслыханное счастье – сын мой жив и мне доведется его увидеть, прежде чем я умру!

– Я освободил бы тебя и без твоей просьбы, дорогой мой Йосеф, – отвечал растроганный эмир.

В тот же день Биха велел отвезти рабби Йосефа на корабль, стоявший на якоре у берега реки Прат. Оттуда, выйдя в море, судно поплыло в Малагу.

14. ПОДХОДЯЩАЯ ПАРТИЯ

По утрам халиф Хабус имел обыкновение ездить верхом в окрестностях Гранады. Он садился на лошадь в тот ранний и тихий час, когда восточный край неба только-только начинает алеть, возвещая скорый восход солнца. Свои прогулки халиф любил совершать в одиночестве; правда, ради безопасности господина, позади и на некотором отдалении скакали вооруженные стражники. Охрана, впрочем, не нарушала иллюзию одиночества, так как ни справа, ни слева от всадника никого не было видно.

В тот день Хабусу почему-то пришло на ум поехать дальше обычного. В конце концов повелитель Гранады оказался на весьма значительном расстоянии от города. Он то взбирался на холмы, то спускался в долины, пробираясь вперед узкими тропками, петлявшими среди плодоносных полей. Вершины холмов оставались голыми, даже малого деревца нельзя было там разглядеть, зато долины, лежавшие меж холмов, цвели пышным цветом. Клонилась под ветром высокая трава, поднимались злаки, зрели овощи. В долинах струились ручьи, птицы пели в кронах деревьев и прилежно трудились селяне, обрабатывая свои наделы. Деревни, по большей части, лепились к склонам гор. В центре каждой стоял дом – самый высокий из всех, на крыше его бесменно дежурили деревенские стражи.

Неожиданно халифу захотелось пуститься вскачь по крутому склону, чтобы поближе разглядеть какую-то из деревень. Недолго думая, он вонзил шпоры в бока своему коню, и тот, мгновенно сорвавшись с места, пустился вверх сумасшедшим галопом, отчего халифа, разумеется, тотчас выбросило из седла, и он, описав дугу, полетел на землю. Ему, однако, сильно повезло: он угодил прямоком в объятия какого-то гранадского еврея, которому случилось именно в это утро проходить в тех местах. Тот подхватил халифа сильными руками, не позволив ему сорваться вниз, на острые скалы, и разбиться насмерть.

Несколько секунд Хабус был без сознания, потом потихоньку начал приходить в себя. Глядя в лицо изумленного своего спасителя, он произнес негромко, но твердо:

– Еврей, ты спас мне жизнь. Однако знай: я строго-настрога запрещаю тебе рассказывать об этом кому бы то ни было. Слышишь? Свою тайну ты должен свято хранить до конца дней, но за это ты получишь от меня достойную награду уже сейчас. Скажи лишь, как тебя зовут и нет ли на свете чего-то такого, чего ты желаешь больше всего.

– Меня зовут Йосеф ибн Мигаши, – отвечал еврей. – Но я не нуждаюсь в награде. Довольно уже и того, что мне выпала честь спасти нашего высокородного повелителя, да пребудет с ним вечно благословение небес. Жизнь каждого человека, даже самого ничтожного, важна и дорога Творцу; всякий, кто уберет ближнего от смерти, будет поэтому удостоен награды в грядущем мире. И уж тем более дорога Творцу жизнь человека столь значительного, как наш всемилостивейший господин.

Рабби Йосеф – дед рабби Йосефа ибн Мигаши, ученика рабейну Ицхака Альфаси, много лет занимал пост главы ешивы, но мало-помалу состарился. Он уже не справлялся со сложной работой, требовавшей, естественно, сил, которых у него больше не осталось. Рабби Шмуэл, в свою очередь, сверх всякой меры занятый на государственной службе, тоже не мог уделять ученикам достаточно времени. Поэтому рабби Йосеф ибн Мигаши одновременно исполнял обязанности главы ешивы и судьи. Вместе с двумя другими судьями, рабби Ицхаком Делионом и рабби Нехемией Ашкапом, он занимался повседневными проблемами, связанными с жизнью общины, а с особенно трудными для разбора делами обращался к рабби Шмуэлу.

Глядя на халифа, рабби Йосеф решил, что сейчас не лучший момент для того, чтобы воспользоваться его предложением. Зачем ему подарок, даже царский? Пусть лучше Хабус чувствует себя в долгу перед евреем, не давшем правителю Гранады сломать себе шею. А милости от него можно будет потребовать в более подходящую минуту. Кто знает, какие напасти ждут общину, какие беды и лишения подстерегают... Словом, от награды он решительно отказался.

Халиф огорчился. Его совсем не радовала мысль, что кто-то станет гордиться: вот, мол, сам халиф обязан ему жизнью. Тем более если этот кто-то – еврей. Он повнимательнее взгляделся в рабби Йосефа ибн Мигаши и вдруг понял, что тот ему знаком: он не однажды видел его на официальных приемах, куда приглашались самые почтенные жители города, в том числе евреи. Пришло ему на память и другое.

– Помнится мне, – задумчиво проговорил Хабус, – что у тебя есть юная дочь.

Лицо рабби Йосефа искажилось от ужаса. Бедняга задрожал всем телом.

– Не бойся, – успокоил его халиф. – Ничего дурного я тебе не сделаю. Думаю, тебе будет приятно и даже лестно выдать свою дочь за моего главного визиря. За рабби Шмуэла. Наверное, ты слышал, что прежняя его жена была убита в день, когда разбойники ворвались к его тестю.

На несколько мгновений рабби Йосеф погрузился в раздумье. Потом ответил:

– Безмерно высока честь, которой хочет удостоить меня его светлость. Однако да будет известно его светлости, господину моему халифу, что не меньше, чем он сам ценит рабби Шмуэла как государственного деятеля, ценим мы, евреи, его величие в знании Торы. Не будет ли зазорно такому выдающемуся сыну своего народа, как рабби Шмуэл, при его уме и талантах, взять в жены дочь простого человека?

– Простого человека? – изумился халиф. – Да разве не ты – глава ешивы и городской судья?

– Пусть простит меня господин мой халиф, но у нас величие человека не измеряется должностью, которую он в данный момент занимает. Рабби Шмуэл, по великой скромности своей, по доброте и великодушию, действительно назначил меня главой ешивы; однако на самом деле я всего лишь обыкновенный человек, никакими особыми качествами не наделенный. И как посмею я поставить всеми почитаемого мудреца в столь трудное положение? Ему ведь будет очень нелегко отказать в просьбе своему повелителю, если он сочтет женитьбу на моей дочери неподходящим для себя делом...

Хабус молчал. Однако выражение его лица свидетельствовало о том, что для себя решение он уже принял. Его всегда удивляло, что еврейские мудрецы склонны принижать собственные достоинства, зато воздают безмерные хвалы своим собратьям. В этом смысле они разительно отличались от мудрецов его народа. Те вели себя совсем иначе. Каждый, как правило, всячески выпячивал свой ум, свои познания и любым способом норовил умалить заслуги остальных. Не дай Б-г было кому-нибудь проявить хоть малейшее неуважение к такому гордецу!

«Видно, – думал халиф, глядя на собеседника, – учение Израиля – это не только тысячелетняя мудрость, не только глубокие знания; они присущи учениям других народов тоже. Должно быть, в их Торе заложена такая мощная нравственная основа, что благородство, самоотречение, другие высокие душевные свойства становятся как бы второй натурой человека, эту самую Тору всю жизнь постигающего...»

В отдалении уже слышался стук копыт. Вот-вот должны были показаться наконец телохранители халифа, растерянные, до смерти напуганные столь долгим и необъяснимым отсутствием хозяина.

Халиф подхватил под уздцы свою лошадь (животное к тому времени уже слегка успокоилось), вскочил в седло и сказал рабби Йосефу на прощанье:

– Обещаю воздать тебе, что называется, по деяниям твоим, но помни приказ: ты должен замкнуть свои уста и никогда не говорить о падении правителя с лошади. А теперь исчезни: мои люди появятся здесь через минуту. Им не следует тебя видеть.

Сердце Хабуса, несмотря на скверный нрав и прочие дурные свойства этого человека, в тот момент все-таки переполняло чувство благодарности к спасшему его еврею. Он хотел отплатить ему добром немедленно, а посему, не откладывая дело в долгий ящик, отправился в дом своего главного визиря.

Снаружи жилище рабби Шмуэла выглядело довольно скромно: обитатель его вовсе не хотел возбуждать зависть в окружающих. Однако внутреннее убранство помещений отличали богатство и роскошь. Радением искусных зодчих стены дома были возведены так умело, из такого материала, что каждый звук, раздававшийся под сводами, ублажал слух особой чистотой и приятностью. Конфигурация окон, освещение – все было продумано до мельчайших деталей; мягкий свет в комнатах падал на великолепную мебель, на изысканные вазы и узорчатые ковры, подчеркивая красоту многочисленных оттенков.

На всю эту роскошь Хабус взирал с полным равнодушием. Радовал его только горящий камин: от него шло тепло, согревавшее тело. Сам рабби Шмуэл привычно сидел за рабочим столом, разложив перед собой пергаментный свиток. Сын Израиля слагал стихи на святом языке.

При появлении халифа визирь встал и трижды поклонился.

– Что это ты пишешь? – заинтересовался тот.

– Стихи, – отвечал рабби Шмуэл. – Стихи о человеке в разную пору жизни.

– Любопытно. Ну-ка прочитай, что ты там сочинил.

Рабби Шмуэл незамедлительно исполнил просьбу и снова склонился над свитком:

Á í áðñíé ãä ðáááí íé í íéçááò
Í à ÷:áò ááðáí úéáõ
í íéà í á í íáðñí
Á ááñýò ú éáò
ñéà: áò í áceáó ðíáè ò áéáé,
Éáè éíçéáí í é
ñááú áðñíéú ó éíç
Á ááááò ò ú éáò
í í éþáéí áðñíé í é
È úááñéýáò í áðáá ááí í é éþáí é,
Á ò ðéááò ò ú éáò
í í í áñéáce áááò ñý
Ñáí áé ñééí é, þí í ñò úþ é éðáñí ò í é.
Á ñðñé - áá áñ áí éúéá ò ýí áò

*Ñò àdùõ àdùcáé èdùcáé,
Á ìyò ùùáñyò -
óéàò ààò pí ñò ù
È ñ ìééàò ààò ñò àà òí cáé,
Á ó àñò ùùáñyò -
óé àñ ì ádà ì áé
Í ì áñò ó ì àpò ñ ì áñò ñò ì ò ì,
Á ñ à ùùáñyò - ì áò ó é ì ì ó à áé áç ì yì,
È é ì ì é ì p ñò ò à ì è ò ñ y ì ì.
Á á ñ à ì ùùáñyò -
á d à ì y á ñ ì ì á é ì á è ò
Á à p á é ì ó
ò è ò ò ù ó ñ è é ì á
Á á á ñ y ì ñò ì -
ò à ì ì á á ì ò ñ ñ
Ò è ò ì ñ è á ì ì ó ì è ò ñò à ò è é ì á
Á ñò ì - ì ì è ò ì
á ì á è á à à ò á ì ñò à? -
Í à ì á ñ è á à ò ì ì á è ì á ç à ò ù..
Í ó à è ò ì ó ì è ò à à ò, - ì á d à è
Í à á á á ò ò ì ò ì ñò à d à ò ù
Á ì ò è y, ñ à p ì é ì ò ù ì ì é á é á á
Á ó á ò ñ à ò è á ñ à á á è á à ò ù*

Í á d à ñ à Á. È á ç à ò è ñ à

– Великолепно! – воскликнул халиф. – Откровенно говоря, я поражен: при твоих бесчисленных занятиях ты еще находишь досуг для поэзии!.. Разве государственные дела не съедают все твоё время? Не отнимают целиком душевные силы? Вообще-то, если по-честному, мне кажется, твои строфы не вполне рождены порывом сердца. Они, пожалуй, звучат немного искусственно.

– Господин мой халиф, поверь – нет никакого противоречия между моим внешним существованием и моей внутренней жизнью. Мы, евреи, – сколько бы сил ни приходилось нам отдавать заботам этого мира, – никогда не забываем о духовной стороне бытия. Я скорее оставил бы свой высокий пост, лишился богатства, даже почета, который мне оказывают, лишь бы не поступиться ни на йоту тем, что

дают мне мой ум и душа. Душа ведь дарована человеку навеки. Власть и слава эфемерны, физическое существование может быть прервано в любой момент. Вечна только душа: она перейдет в грядущий мир – туда, где нет смерти и старости. Поэтому будет только естественно, если и в этом мире я стану прежде всего остального заботиться о том, чтобы сохранить свою душу, следовать ее велениям. Если же я унесу в свои закрома все блага земного мира, но потеряю душу, то чего тогда добился я в этой жизни? Мудрецы говорили: «Приобрел разум? Чего же тебе не хватает? Не хватает разума? Что ж ты приобрел?»

– Оказывается, мой визирь – человек высоких понятий, – усмехнулся Хабус. – Но коль скоро ты так рассуждаешь, то отчего не готов оставить всю суету здешнего мира и посвятить себя целиком неусыпным заботам о спасении души?

– Если жизнь ставит меня перед необходимостью заниматься делами этого мира, – отвечал рабби Шмуэл, – и делаю я это ради благородной цели, то такая деятельность тоже есть форма духовного совершенствования. Что означают слова «ради благородной цели»? Они означают, что все, мною совершаемое, направлено на то, чтобы выполнить волю Создателя, сотворившего сей мир для человека. И если я тружусь на благо государства, имея в виду благо людей, то в этом случае цель моя скорее духовная, нежели материальная. Сказано мудрецами в Талмуде – там есть маленький отрывок, где как бы связаны воедино главные темы Торы: «Во всех деяниях своих помни о Нем». Говорили мудрецы Мишны: «Пусть все деяния твои будут во имя Небес». Величайшие философы не жалели труда, стараясь определить, в чем состоит долг человека, пришедшего в сей мир. Об этой проблеме написаны целые тома, но философы полной ясности так и не добились, а вот еврейские мудрецы, да будет благословенна память их, сумели выразить суть вопроса в нескольких словах, и у меня нет никаких сомнений, что слова эти заронил в них сам Всевышний. Даже еда, питье и прочие «телесные» надобности – в случае, если человек заботится о них, движимый высшим смыслом, то есть готовит тело для служения Г-споду, – даже они становятся частью служения Ему. Старец Гилел – один из величайших мудрецов Мишны – обычно возвращался с уроков из Дома Учения в сопровождении своих учеников. Однажды те спросили его: «Куда сегодня идет наш учитель?» «Творить милость», – ответил он. Назавтра всё повторилось. И на следующий день снова. Ученики удивились:

– Разве тебе необходимо творить милость ежедневно?

– Конечно, – отвечал Гилел. – Сегодня, например, я иду мыться и этим оказываю милость своему телу. Даже изображения царей моют и, что ни день, стирают с них пыль. И уж тем более следует содержать себя в чистоте человеку, созданному по образу и подобию Всевышнего.

В другой раз на вопрос, куда он держит путь, Гилел ответил, что идет делать благодеяние другу, который приехал и живет в его доме. Через несколько дней ученики услышали, что учителя ждет обед, что, вкушая яства, он тем самым оказывает благодеяние своей душе, а душа – не более чем гость в человеческом теле и в конце концов должна будет его покинуть. Говоря все это, старец Гилел хотел в простой и наглядной форме внушить своим ученикам, что самые обыденные вещи, такие, как, к примеру, забота об основных потребностях тела, должно делать во имя Небес.

Слушая рабби Шмуэла, Хабус думал, что ему открываются совершенно необычные представления о смысле жизни. Ничего подобного он не слыхивал даже от очень умных людей,

принадлежавших к его собственной вере. Халиф и не пытался скрыть, до чего он поражен словами своего визиря, и потому сказал, расчувствовавшись:

– Как же я завидую вам, евреям! Вы живете жизнью прекрасной и честной – почти как ангелы, обретшие плоть и кровь. Вы посвящаете себя не нашему миру, но Создателю. У нас даже и понятий таких нет, у нас человек может выбрать лишь одно из двух: или всю жизнь предаваться наслаждениям, или от рождения и до смерти изнурять себя тяжкими трудами, постом и молитвой ради приобщения к праведникам. Вот этот второй образ жизни, признаюсь откровенно, меня никогда не привлекал. Я вообще до сих пор не уразумел, хоть и старался, – как мог Всевышний создать тело лишь для того, чтобы заведомо обречь его на страдания! Вот и христианские мудрецы не знают лучшего пути к блаженству, чем монашеский аскетизм и жестокое самоограничение. Но то, что ты сейчас говорил... Ведь, по твоим словам, о теле своем надо постоянно печься, но не с целью познать примитивные радости жизни, а чтобы выполнить волю Творца, его создавшего. Это совершенно новый взгляд на вещи, он, я думаю, присущ только евреям... Больше ничего подобного я нигде не слышал. И я твои слова не позабуду... Ты вообще человек, для меня во многом загадочный. Вот, к примеру, ты ведь пишешь и стихи, и многое другое, столько книг сочинил! Зачем ты это делаешь?

– Написанная книга, если она глубока, серьезна, переходит из поколения в поколение. Книга оставляет по себе память более прочную, чем, скажем, богатые каменные палаты. Человеческая жизнь коротка, и наш долг, долг людей, обладающих знаниями, – передать потомкам всё, что по естественной причине не удалось сообщить им устно.

Халиф на мгновение задумался, потом проговорил:

– Жаль будет, если такой незаурядный человек, как ты, уйдет из этого мира, не оставив собственного потомства. Ведь от первой жены у тебя не было детей. Почему ты не женишься снова?

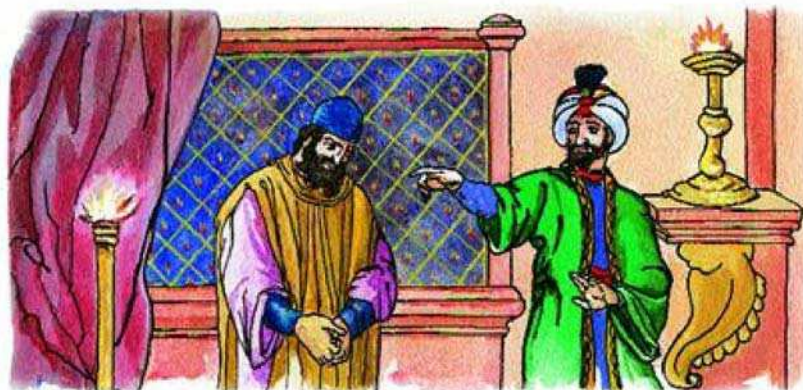
– Ну-у... – протянул смущенно рабби Шмуэл. – Не так уж легко найти себе подходящую партию...

– Я ее тебе уже нашел, – объявил халиф.

Рабби Шмуэл побледнел. Ему было прекрасно известно, что Хабус давно жаждет убедить своего главного помощника взять в жены мусульманку. Ибо если рабби Шмуэл станет членом какого-нибудь из уважаемых и знатных арабских семейств, это позволит в значительной степени нейтрализовать недовольство самим визирем-евреем и проводимой им политикой.

– Тебе ведомо, господин мой халиф, – произнес рабби Шмуэл слегка дрожащим голосом, – что я уважаю всякого человека за то, что он – творение Всевышнего. Однако ни в коем случае не смогу я преступить заповедь своего Б-га. Он запретил нам брать в жены дочерей других народов.

– Напрасны твои опасения, – отвечал халиф с улыбкой. – Я вовсе не принуждаю тебя нарушать установления иудейской религии. Невеста, которую я тебе выбрал, – дочь главы ешивы рабби Йосефа ибн Мигаша.

Рабби Шмуэл облегченно вздохнул, хотя большого энтузиазма лицо его по-прежнему не выражало. Потом сказал с печалью:

– Да простит меня господин мой, но этот брак все равно едва ли возможен. Наверное, он принес бы мне великое счастье, да только разве осмелюсь я обратить свой недостойный взор на дочь самого руководителя гранадской ешивы, который в тысячу раз превосходит меня познаниями в Торе и других священных книгах... Конечно, он предпочтет выдать свою дочь за какого-нибудь выдающегося человека, а не за такого заурядного, как я.

Халиф засмеялся:

– Вы, евреи, действительно странный народ. То, что ты сейчас произнес, лишь подтверждает, что я прав и лучшей жены для тебя не найти. Когда я говорил на эту же тему с рабби Йосефом, тот мне сразу возразил: он, мол, простой человек, никакими достоинствами не обладает и, конечно, не заслужил великой чести выдать за тебя свою дочь. Теперь ты мне тоже заявляешь, что ты человек простой и быть зятем рабби Йосефа недостоин. Вот и выходит, что оба вы простые люди, никому не известные, ничем себя не проявившие. Стало быть, более подходящей партии тебе и не сыскать!

Рабби Шмуэл наклонил голову, скрывая улыбку, но больше не протестовал.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

АРКАН КАРИВ

Èðéí à Èðáí ááú

Á æðí àèàò ì íæáòü òü,

íáí áéí, íòúíæàòü

Áá íòðíáíé, áçæýä è íá:òí.

Íá:áí áèøü íá:òí? – íáí áí ì ...

À. Ν. Άðéáí ááú

*Èæáúé èç íáíí ááú çà áíáí è áá çà ááíí ìðíæéááò ñáíð ñáíí íð, ááéí ñò ááí íð
æéçüü ×òí-òí çáúááòíí, ÷òí-òí çáíòðááàò á íáí ÿè è íááíéá. ×òí-òí ì ú áæááè, í ÷áí-òí
ííáòí áèè – òí:áòíí ìíááèòüíí ñ áðòçüí è. Íáí áéí íá áíááà ìíèò:ááòíí – òí ó íèð íáò áðáí áíè, òí ó
íáí.. Á ì íæáò áúòü, ááí áííáúá íáò? Ì íæáò, ÷áéíáé æéááò íá áí áðáí áíè, à ñáíáí á èíúó
èçí áðáí èýò?*

Как бы то ни было, я намерена поделиться со своими друзьями – читателями журнала «Лехаим» – впечатлениями о текущей мимо меня жизни. Это может быть что угодно: прочитанная книга, встреча на улице, воспоминание...

Закономерный вопрос: «А вы, собственно, кто будете?» Отвечаю: по образованию и профессии я – редактор. Немногим из моего поколения, чья жизнь поделена перестройкой ровно пополам, удалось сохранить верность однажды избранной профессии. Мне удалось. Каждый раз, держа в руках книгу, к созданию которой я причастна, чувствую себя в некотором роде волшебницей. Подобное же чувство испытываю, глядя на 17-летнюю дочь.

А еще я пишу стихи. Не знаю более эффективного способа преодоления ряда душевных состояний.

Òáé ÷òí áúáí çíáéíí ú!

«Í éáúáòíí áðáé

í á áí á ñò áéáí á

Ýòí Èçðáéèü-

íò ðáí à Áðéáí á

Óéí:èà á áíðó

óōīāēò ēēēāī.

Áōōāēāēī -

āōīā Éāēēāī».

Дальше восьми строчек дело, увы, не пошло. С тех пор я мечтаю написать о нем. О ярчайшем из израильских впечатлений.

Арак – это такой напиток. Помните:

«Áōōīā , ðā , çāēēēāī

īīāōò

ūēūū ēē āīōīāē!

Ðāēē Á-āī ē āōāēā

Í īīōò ē āīī ēēēī ī īē!»

Вкус, знакомый с детства. Вроде «капель датского короля». Анис. Гадость, по-моему. Аркан пил только его. Я – «Каберне». Не люблю сухие вина, но в Израиле почему-то все пьют «Каберне Совиньон». Что пить и тем более есть – было, в общем-то, неважно. О чем говорили – не помню. Обо всём. О чем можно часами беседовать с астральным двойником? Мы родились в один год, под одним знаком. Ведь это что-нибудь значит?

«Луна в соединении с Меркурием в Тельце в Девятом доме. Как сказал бы ослик Иа, мой любимый расклад. Если бы мне грозила астрологическая инвалидность и из всей своей карты я мог бы сохранить на выбор лишь один знак со стоящими в нем планетами, я сказал бы: “Забирайте все! Но только оставьте меня Тельцом!”»

Это абзац из единственного романа Аркана Карива «Переводчик». Хотя, может быть, уже не единственного. Я года три не общалась с ним и ничего о нем не слышала.

«Переводчик» был напечатан в каком-то журнале. Мой шеф Паша, директор крошечного издательства, читал мне его вслух, хохоча и аплодируя, и требовал: «Ира, мне нужен этот еврей!» Паша не знал, что бы такое замутить (в смысле издать), дабы наконец разбогатеть. Доходы хозяев «Эксмо» не давали ему спать спокойно. Он решил поставить на Аркана. Роман, впрочем, был уже издан в «Гешариме» – вместе с замечательным текстом его отца Юрия Карабчиевского. Я добыла у Феликса Дектора телефон и позвонила. «Ну а сколько вы мне заплатите?» – спросил Аркан. «Пятьсот долларов». – «Знаете, пусть будет шестьсот. Для успокоения моей левантийской души».

Я попросила его чем-то дополнить книгу. Он отвечал, что ничего не пишет. «Я занят теперь совсем другим». – «Чем же?» – «Танцюю танго».

Он поехал учиться искусству танго в Аргентину. Оттуда приходили смешные электронные послания на латинице с просьбами ускорить выплату гонорара и сообщениями: «Idu delat' tatuirovku s Che Gevaroí na pleshe». Татуировку он действительно сделал. Символический смысл акта объяснить мне не успел, хотя обещал.

Мы танцевали танго в зале на минус втором этаже одного из иерусалимских отелей. «Танго – это всё, – говорил он. – Это высшая форма общения. Ты должен чувствовать партнершу всем существом, иначе не получится».

В танцзале собралась самая разнообразная публика, не только молодежь. Кто-то пришел один, кто-то вдвоем, кто-то компанией. На меня запал профессор лет шестидесяти. В конце концов я от него сбежала в подсобное помещение типа кухни, где отдыхал Аркан с друзьями. Он танцевал только танго, а в

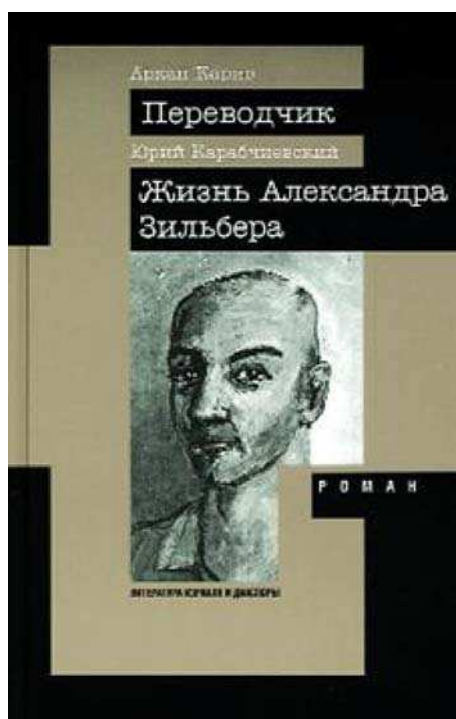
программу вечера входила – после урока этого искусства – стандартная дискотека. Урок вела настоящая аргентинка, неподражаемо грациозная – такими бывают только латиноамериканки. Они с Арканом – показывая, как правильно танцевать, – составляли прекрасную пару.

Писатель Марк Зайчик читал свои рассказы в Еврейском общинном центре. В одном из них описывался тот самый подвал. Я повела себя неприлично – с галерки выкрикнула потрясенно: «Это Аркан! Я там была, я знаю!»

Собравшись в Израиль, я написала Аркану, спрашивая, нельзя ли будет пожить у него недельку. В его компьютере в очередной раз исчезла кириллица, и он ответил:

«Priezhaite, tol'ko u menya v kvartire prakticheski bomjatnik. Vryad li vam tam budet uyutno».

Я не вернулась в Иерусалим после недельной поездки по стране. Отправилась в тот «жирный Эйлат», который он ругает в романе и в разговоре тоже ругал. А то надоело – как расскажешь, что ездила в Израиль, сразу: «А в Эйлате была?» Вот теперь была. Четыре дня. Видела сквозь прозрачное дно пароходика коралловые рифы – это не с чем сравнить и описать невозможно. Грандиозное впечатление.

А потом были три дня на тех самых «территориях» – удивительная, нигде ни до, ни после не встреченная тишина, немислимо древняя гора перед глазами – и полное ощущение остановки времени. Но это уже совсем другая история.

«Невыносимая легкость бытия» – это про Аркана. То, что представляет проблему для простых смертных, – ему легко. Именно в силу своего творческого, нестандартного подхода ко всему он всегда будет востребован и оплачен, не сегодня, так завтра, – люди с деньгами ценят штучный товар.

Но этот вечный неуют, эти разборки с Б-гом и самим собой, эта невозможность куда бы то ни было вписаться, это выпадение отовсюду, это в итоге вечное космическое одиночество...

Àðéáí Èàðéá

Герой «Переводчика» в финале уходит в бедуины. То есть в никуда. Творческому человеку неуютно в любом обществе. Его душа жаждет того, чего не бывает: «И звуков небес заменить не могли ей скучные песни земли». В моменты обострения внутреннего разлада пишутся такие тексты. Цитирование, самоцитирование, стёб... Но это живой текст. Героев любишь, сочувствуешь им. Вкупе с блистательным стилем (вызывающе эклектичным и при этом неповторимо-авторским) всё это просто восхищает.

Есть человек пять, с кем я счастлива ходить по одной земле. Аркан Карив – один из них.

Его электронный адрес я сделала своим паролем на всех сайтах. Значит, не забуду. Мы еще сравнительно молоды, даст Б-г, встретимся и поговорим. А может, он еще напишет что-нибудь, и это будет праздник.

В ПОИСКАХ АТЛАНТИДЫ

Р. Ἰ ἰδῆσίᾱ Ὁ Ἀἀδᾱγῆίεί. «Ἀἀδᾱεῆῆᾱ ἑείᾱᾱ ἰὸ ἰᾱᾱᾱᾱᾱᾱᾱ ἰ Ὁᾱᾱᾱᾱᾱ ἰ 1917-1945».

Ἑᾱᾱᾱ «Ἀᾱᾱ ἑ ἑᾱᾱᾱᾱ», 2004 – 328 ᾱ

Передо мной фолиант: восьмицветная обложка, шрифт, орнамент, стиль – модерн начала прошлого века. На пожелтелом листе любительская фотография: на фоне шкафа с ящиками картотеки стоит улыбающийся молодой мужчина и спокойно сидящая, скрестив руки на животе, седая женщина. Сбоку ручкой, обмакнутой в лиловые чернила, аккуратно выведено: «Москва, ЦГАЛИ, 1991. Юрий Морозов, Татьяна Дервянко».

Первые страницы являются камертоном этой книги – так же, как по заглавным титрам кинофильма часто можно судить о картине. Как в фильме сначала мы видим черный экран, так в книге черный лист с белой надписью в зеркальном отражении «проявляет» название главы. Таким же черным листом с белой надписью, как в негативе, будет отделяться каждая глава. Этот удачно найденный прием по сути и по форме создает ритм книги.

Рассматривая каждую страницу, убеждаешься, что глубокое научное содержание и яркое художественное воплощение едины. Повествование, не теряя исторической и научной достоверности, читается как увлекательный рассказ.

Но эту книгу надо не просто читать, а именно рассматривать, углубляться в суть документов, детально разглядывать фотографии, удивляясь разнообразию афиш, изыску дизайнера, таланту и вкусу художника Павла Фишеля.

В поисках материалов для книги авторы провели кропотливую и длительную работу. Ведь многие документы и свидетельства времени просто исчезли: репрессии, неприятие еврейской культуры на идише, антисемитизм и война. Авторам пришлось собирать материалы по крупицам: выцветшие странички, любительские фотографии, рекламные плакаты, протоколы с печатями и подписями, личные записки. За всем этим возникали имена и лица людей: романтиков, идеалистов, прагматиков, знавших взлеты и падения, часто имевших трагические судьбы, но объединенных любовью к кино.

ÊÈÍ Î Ï ÐÎ ÊÀÒ×ÊÊÊ

Это первая глава книги: она не об актерах, режиссерах и художниках, а о людях, совершенно незнакомых широкому кругу читателей, которые своей энергией, смекалкой и смелостью «открыли форточку» в замкнутый мир местечек и впустили свежий ветер нового, только рождающегося искусства. Теперь мы называем их кинопрокатчиками.

Сейчас трудно себе представить, что такое «местечко». А это, по определению авторов книги, «еврейская Атлантида», где вынуждены были проживать евреи, лишённые гражданских прав, окруженные государственным антисемитизмом. Евреи селились близко друг к другу, объединенные языком и традициями. Это была особая культурная среда, сохранившая свой ритм жизни, любознательность, тягу к учению, юмор, несмотря на все трудности бытия.

Кинематограф или, как он тогда назывался, синематограф или театр-иллюзион, как-то быстро добрался до этих местечек, и впоследствии выходцы из местечек стали создателями кинематографа. Авторы цитируют колоритный рассказ известного советского кинорежиссера Григория Рошала о его первом посещении кинотеатра: «В то время я учился в хедере в городке Новозыбков, и однажды учитель, благообразный и строгий, после целого дня изучения древних текстов, оставил меня после занятий. “Я ведь вижу, тебе хочется пойти к братьям Патэ. А почему мне не доставить мальчику удовольствие?” Получив разрешение от бабушки, старик сам пошел со мной в иллюзион. Иллюзион был в саду летнего театра. Стояла зима, и пар тонким облачком держался над каждым самоотверженным зрителем. Но ни холод, ни постукивание движка не могли ослабить волшебного впечатления».

Рядом с воспоминаниями Г.Л. Рошала авторы помещают раскрашенные афиши того времени: «Одесситы! В течение этих двух дней забудьте дела и заботы, поспешите в театр Шантэклер!» И люди шли, от мала до велика, ведь перед ними открывался неведомый мир.

Авторы воскрешают из небытия имена многих прокатчиков, для которых нарождающееся кино было не только «делом», но и увлечением.

Вот мы можем видеть фотографию, снятую в конторе братьев Патэ в день приезда звезды мирового экрана Макса Линдера в Россию. Рядом с Линдером – молодой человек, Сергей Андреевич Френкель, уроженец Киева, математик и юрист, который завершил высшее техническое образование в Брюсселе, а вернувшись в Россию, в 1906 году открыл первую прокатную контору и свой театр на 300 мест.

Авторы рассказывают о Южнорусском синематографическом бюро Исаея Спектора, об успехе серии картин «Библейские сцены» и о последующем запрете библейской темы цензурой.

Афиши, помещенные в книге, дают представление о разнообразии фильмов и названий городков, о том, кто «прокатывал» фильмы в Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Полтавской, Бессарабской губерниях.

ÀÀÐÀÉÑÊÊÀ ÑÐ ÆÀÒÛ, 1910-1917

Эту главу открывает плакат модного в свое время журнала «СИНЕ-ФОНО».

Здесь названия фильмов, фотографии, краткие рассказы о содержании исторических лент, таких, как «Моисей», «Жертвоприношение Авраама». Расширение тематики демонстрирует перечень названий: «Борьба двух поколений», «Рахиль», «Жидовка-выкрест», «Жестокий отец».

Мы узнаем о товариществе «Мизрах» («Восток»), которое снимало фильмы о судьбах еврейского народа, а не отдельных личностей. Члены товарищества мечтали с помощью кино объединить евреев всего мира. Свои фильмы «Жизнь евреев в Америке», «Жизнь евреев в Палестине», «Война и евреи» они прокатывали по всей России, а также в Европе и Америке.

Скандалное судебное расследование «Дело Бейлиса» в августе 1911 года вызвало возмущение на Западе и в России. Появились фильмы, посвященные этому процессу, первым из которых был фильм «Тайны Киева, или Процесс Бейлиса» режиссера Иосифа Сойфера. Авторы рассказывают об удивительной жизни самого Иосифа Сойфера, Александра Аркатова, Григория Браймана.

Речь также заходит о том, что попытки создания литературных сценариев на подобные темы часто наталкивались на стену цензурных запретов.

В советский период еврейская тема в кино была вновь закрыта, и только в 1980-х годах в Москве, а на Украине в 1990-х годах, после отмены цензуры, словно открылся шлюз: возник целый поток журналов, газет, документальных и художественных фильмов. Об этом процессе подробно и остроумно писал Мирон Черненко в книге «Красная звезда, желтая звезда».

1917-1945

Начинается третья глава со знакомства: мы видим портрет молодого красивого мужчины, с бородой и большими пронзительными глазами. Это А. Вознесенский, писатель, драматург, поэт. В 1914 году его пьесу «Слезы» в Киеве увидел владелец крупной кинофирмы А. Ханжонков и решил ее экранизировать. В главной роли снималась актриса В.Л. Юренева – жена А. Вознесенского. Фильм имел огромный успех. После революции А. Вознесенский написал сценарий под названием «Николай II, самодержец Всероссийский». Фильм, снятый по этому сценарию, понравился Ленину, и он дал указание отпечатать специальный тираж, 10 копий. В этом фильме впервые сочетались царская хроника и игровые эпизоды.

А. Вознесенский создал в Киеве курсы экранного искусства, снимал агитплакаты, писал сценарии. В середине 1930-х годов был арестован, лишен гражданских прав, сослан в Казахстан, где умер в 1939 году. Никаких данных в официальной прессе о нем не было, и Ю. Морозову по разрозненным фактам, по воспоминаниям удалось возродить живой образ А. Вознесенского, так много сделавшего для становления киноискусства и умершего в безвестности.

Ю. Морозов заканчивает рассказ об А. Вознесенском горькими словами: «Создается впечатление, что поэт, драматург и писатель А. Вознесенский до сих пор находится в сталинской ссылке». На оборотной стороне этого листа – круглая печать, которая будто удостоверяет подлинность рассказа.

А вот фотография молодого Михаила Капчинского. Мы узнаём: красноармеец М.Я. Капчинский в 1921 году появился в Одессе. В период голода и разрухи построил одесскую кинофабрику, на которой создавались агитфильмы, а сам Капчинский, в качестве режиссера, снял фильмы «Кафе Фанкони», «Плотина прорвана». В 1925 году его вызвали в Москву и назначили директором 1-й фабрики Госкино. Также он стал директором фильма Сергея Эйзенштейна «Броненосец Потемкин», написал книгу «У Черного моря» – юмористически-драматический рассказ о своей работе в кино.

Далее фотография прелестной актрисы Тамары Адельгейм – это кадры из фильма «Еврейское счастье». Режиссером картины был Александр Грановский, оператором Эдуард Тиссэ, художником – Натан Альтман. В этом кинофильме на экране впервые появился Соломон Михоэлс. И это был первый советский фильм, снимавшийся в еще сохранившемся местечке, жители которого с радостью и увлечением принимали участие в съемках – это была их жизнь.

Поэт Осип Мандельштам, посмотрев фильм «Еврейское счастье», писал: «Пластическая основа еврейства в том, что оно выработало и перенесло через столетия ощущение формы и движения. Я говорю о

внутренней пластике гетто, этой огромной художественной силе». Вот почему реальный быт органично вошел в кинофильм и стал своего рода документом.

Кинорежиссеры с Украины, работавшие в довоенное время, родились режиссерами – они не учились «на режиссера». Не были они по профессии и кинопродюсерами – таких в советское время просто не было; они были евреями.

От природы в них была заложена способность впитывать в себя и обобщать увиденное, услышанное и прочитанное, умение превращать особую культуру местечек в художественные образы и добиваться воплощения образов в километрах пленки. Также им было свойственно глубокое убеждение в своей правоте, способность преодолевать трудности и препятствия. Вот почему судьбы режиссеров В. Вильнера, Г. Гричера, А. Роома, Г. Рошала так похожи и так по-разному драматичны.

Следуя законам драматургии, Ю. Морозов и Т. Дервянко заканчивают третью главу рассказом о судьбе непримиримого режиссера Марка Донского и его фильма «Непокоренные», в котором символически соединились судьбы героев, гениально сыгранных украинцем Амвросием Бучмой и евреем Венямином Зускиным.

Эта книга не только научный труд, но и произведение искусства, донесшее до читателя любовь к своему прошлому, своим «местечкам», своим предкам.

Читая эту книгу, познавая прошлое, задумываешься о настоящем и о себе самом.

І адемі і а Оаадріа

РАМБАМ ДЛЯ БЕДНЫХ

Àèëää Àòöì îí. «Ó:èò àëü çàáéóáëèõ».

Ì.: «Èí îñò ðáí èà», 2004 – 202 ñ

...Приходит человек к врачу – дескать, бедный я, несчастный, у меня такой комплекс неполноценности! Ну, врач его пользует по всем правилам психоанализа – вроде вылечил. Больной благодарит и уходит. Через неделю является: доктор, спасите-помогите, комплекс неполноценности вконец замучил! Ничего не помогает... Врач, понятное дело, опять изо всех сил лечит, аж посинел, дедушку Фрейда, почитай, наизусть выучил и всего применил. Короче, вылечил окончательно. Пациент благодарит и уходит. А назавтра – снова-здорово: ах, доктор, караул, комплекс неполноценности! Тут врач ему с большевистской прямоотой: знаете, почтеннейший, нет у вас никакого комплекса, просто вы сами неполноценный. От природы.

Это все как бы про лирического героя предлагаемого текста. А на самом деле, если честно, – про его создателя. Потому что «Учитель заблудших» написан автором, по-моему, исключительно о себе любимом.

К сожалению, вместо того, чтобы наведаться к психоаналитику, болезный наш закатился в редакцию издательства «Иностранная литература», которая, сменив прежнее название на легкомысленную «Иностранку», в последнее время, деликатно выражаясь, заметно снизила уровень публикаций.

Нехорошо удивляться начинаешь еще до того, как перевернешь первую страницу, где выходные данные. Перевод, пишут, с иврита, даже имя-фамилия переводчицы имеется... Каким тогда, спрашивается, образом автор (Ацмон) превратился в «Атцмона», от которого за версту несет латиницей (Atzmon, как иначе)? Впрочем, понятно, что перевели и вправду с иврита – просто потому, что перевод буквальный, ошибиться насчет языка оригинала невозможно. Если в оригинале написано «мишпат Дрейфус» – так уж будьте уверены, в русском тексте вас ожидает не «суд над Дрейфусом», а «суд Дрейфуса». Ну, как же – ведь в оригинале предлога «аль» («над») нет!

Откуда, в таком случае, взялся в книге германизированный «Атцмон» – едва не зловещий «Этцель» (Аттила) из «Нибелунгов»? Из текста, правда, можно понять, что запущенной германофилией страдает лирический герой (это у него вообще наследственное, от бабушки еще). Кроме того, сам автор в предисловии заявляет, что Израиль просуществовал только 60 лет, потом пал под тяжестью собственных преступлений, и теперь его исследует «Немецкий институт истории Сиона». Ну, сами понимаете...

Ладно, «Атцмона»-Этцеля проехали, но до текста еще толком не добрались. Продолжаем нехорошо удивляться – читаем издательскую аннотацию. Она утверждает, что автор – популярный джазовый саксофонист, «вынужденный эмигрант» из Израиля. Интересно, в каком это смысле – «вынужденный»? Как себе представляет «Иностранка» «вынужденную эмиграцию» из свободной страны? Неужели за графоманию выгнали?!

Дальше – больше: книга «откровенно антиссионистская, но написанная с любовью к своей стране». В переводе с советского – он, конечно, жуткий русофоб, но так любит Россию-матушку... Похоже, психиатра надо было вызывать не к ущербному лирическому герою, а к какому-то другому участнику творческого процесса. Например, к составителю аннотации.

Заметили, как я всеми силами стараюсь отложить момент перехода к сюжету? Ничего не выйдет, уважаемый рецензент, тебе не для того книжку давали, чтобы ты рассуждал о фамилиях да аннотациях. А ну, живо за текст!.. Нос, пожалуй, заткни: видишь, тебе на первой же странице втолковывают про героя: тот, мол, «с присущим ему остроумием любил повторять, что евреи очень похожи на жидкое удобрение»...

Поскольку затыкание носа помогло не слишком, а терять так и так нечего, переходим к изложению фабулы. Герой повествования, едва отличимый от жидкого удобрения, завершает службу в

армии, почти героическую, а потом до конца дней с превеликим равнодушием, едва не с отвращением, совокупляется с представительницами противоположного пола. Попутно он изобретает философскую систему рееринг'a, «вуайеризма» (если кто забыл – по дедушке Фрейдю соответствует эмоциональному развитию ребенка 3–5 лет), и делается знаменитым, что позволяет ему претендовать на выигрышную роль «учителя заблудших», Рамбама для бедных. Тем более что «заблудший» Израиль, рухнув под тяжестью собственных грехов, остро нуждается в пастыре. В учителя, который ему суконным языком объяснит, что «вклад Израиля в духовную жизнь человечества был весьма скромным» и что «интеллектуалы еврейского государства особых духовных сокровищ миру так и не подарили». Агнона «учитель» не читал, о Гершоне Шолеме не слыхивал и еще много о ком понятия не имеет. Зато убежден, что еврейство – это плохо: «Почему, собираясь вместе, евреи фанатично возвращаются в губительное религиозное рабство?» (Дальше – больше: «...Мы иногда смотрели траурные церемонии из Израиля. В эти моменты я стыдился собственного происхождения».)

На самом деле этот пирожок уже один раз ели (в результате чего и получилось жидкое удобрение), и сюжет этот уже не раз успели сочинить. «Антисионистская», политическая часть – это Амос Кенан, «Холокост-2», опубликованный в середине 70-х годов. «Немецкая» – «Помнить и забыть» покойного Дана Бен-Амоца, 60-е годы. «Постельная» – того же Бен-Амоца: «Трахаться – это еще не всё», опять середина 70-х. Разница только в том, что и Кенан, и Бен-Амоц – настоящие писатели, каковы бы ни были их политические взгляды, а «Атцмон» пестует исключительно собственные комплексы.

Зато ни Кенана, ни Бен-Амоца на русский не перевели, а жидкое удобрение – вот оно, благоухает под цветной обложкой.

Ài èòðèé Í ðièîüüü

ДОРОГА ИЗ ЭПИТЕТОВ

Ī adē Çàé:èé. «Ī ĩ āĩđĩāĩ â Êādōĩāèèĩ ».

Ī èĩñé: Ī AÒ, 2004 – 254 ñ

Писатель не обязан писать так, чтобы читателю было легко и удобно. Писатель вообще пишет для себя. Может лишить книгу сюжета (весь Роб-Грийе) и даже фабулы (Робер Пенже, к примеру); может так запутать временную структуру, что читателю ни за что не понять, что было сперва, а что потом и что является причиной чего (скажем, «Александрийский квартет» Лоуренса Даррелла, недавно опубликованный по-русски)...

Словом, раздражающая невозможность проследить развитие сюжетных линий в рассказах Марка Зайчика вовсе не повод для того, чтобы объявить его тексты «плохой литературой». Владимир Максимов, писатель известный, умом и дарованием отнюдь не обделенный, в послесловии характеризует книгу Зайчика как «в высшей степени талантливую». Ленинградский литературный андеграунд в России умер естественной смертью вместе с Ленинградом, а вот за выветрившиеся иерусалимские холмы как-то зацепился и пока выживает...

При этом остается трагически ленинградским, то есть ныне принадлежащим миру призраков. На промозглый этот город 60–70-х годов у Марка Зайчика острый глаз и фотографическая память (на теперешний его Иерусалим – увы, ничего подобного, даже близко не лежало, даже всем известная Виа долороза странным образом превратилась в Виа делла Росса). Чем раньше время написания – тем больше в рассказах уникального фактического материала, наверное нигде больше в литературе не существующего:

– про то, как в доме воспитывают верующего еврейского мальчика, которому пришло время вступать в пионеры;

– про то, как покупают кошерное мясо на советском рынке и

– как верующий еврей в Йом Кипур стоит перед ленинградским рестораном и отгоняет от дверей других евреев, забывших, что сегодня за день...

(Интересно, а у нас в Москве такое было? Наверное, было где-то, но никем не записано. Поэтому совершенно безвозмездно предлагаю идею – мемуарная библиотека советских евреев. По образцу Гессенова «Архива русской революции»...)

Впрочем, не только еврейская специфика остро подмечена автором, но и специфика общесоветская. Иногда выплывают «совковые», за гранью пошлости общие места: «...веселый неистребимый пьяный дух юродивого человека, который так выделяет русского человека из всех прочих». А чего стоит это постоянное, из рассказа в рассказ, подобное навязчивой идее, влечение к футболу! Было, было – кандидаты технических наук с необъятными животами и старшие бухгалтеры на пенсии, со страстью обсуждавшие шансы львовской команды «Карпаты» и зенитовского Льва Бурчалкина... Для нас сладкая ностальгия, для наших детей – уже непонятный иероглиф, который, возможно, следует истолковать как вытеснение по Фрейду.

В общем, Марку Зайчику есть что сказать. Во времена моего (и его) детства были такие коммунальные квартиры, чудовищно заставленные изломанными остатками русских и еврейских интеллигентных домов, наводящие на мысль о фантазиях Босха и Жака Калло. Вспоминать эти квартиры, постигать рассказы Зайчика можно только как комикс – отдельными деталями. Картину в целом не охватить.

Но вот и у писателя, и у читателя начинаются проблемы. Беда в том, что автор сплошь и рядом не в силах остановиться, завершить фразу, пока не сообщит всё лишнее, к делу не идущее. Вот послушайте: «...Она была на хорошем профессиональном счету (в Израиле. – Д. П.), благодаря своему пятилетнему настойчивому обучению на факультете ПГС (промышленно-гражданского строительства) Львовского

ордена Ленина политехнического института, что на улице Мира в Железнодорожном (Зализничном) районе города». После всех этих деталей неслыханной важности возвращение в следующей фразе на место работы персонажа – в иерусалимскую контору – воспринимается как начало нового рассказа. Что было раньше – забыто.

Далее. Огромное количество определений и эпитетов, может быть, и было бы оправдано, если бы автор всегда мог «держать» возникающие в результате сложнейшие грамматические конструкции. К сожалению, это удается не всегда – согласования разрываются вставными оборотами, и фраза обрушивается на голову бедного читателя бесформенной грудой строительных лесов. «Этот человек меня всегда подавлял каким-то абсолютнейшим безразличием ко всему, кроме розового женского мяса, одновременно с быстроумием, цепкостью и какой-то вкрадчивой вульгарностью». Или: «Любительница всех искусств, а также новой русской литературы, справедливо, настойчиво и несколько излишне оптимистично утверждавшая, что таковая есть. Данные личного тела у нее были бесспорно». Порой, чтобы просто понять, о чем речь, требуется вдумчивый грамматический разбор предложения. А как вам нравится нижеследующее: «Легкий праздничный туман из головокругительного счастья иерусалимской весны задурманил Борину голову, глуховатого островного балтийского профиля, совсем»? Мне лично сильно не нравится...

Серьезные проблемы возникают у М. Зайчика в момент создания, так сказать, пластического образа. Думаю, «красивого лица, созданного из хрящей» на свете не бывает. Во-первых, по законам стилистики («хрящ» – слово «некрасивое»), во-вторых, по законам анатомии.

А вот еще перл, подрывающий основы элементарной логики: «Говорил по-русски отчетливо, как бы стучаще... и он немного шепелявил и посвистывал в разговоре». Либо «отчетливо – стучаще», либо «шепелявить и посвистывать». Наконец, вообразите «его несколько излишне откровенное, величественное, отнюдь не римское лицо с блеклыми голубыми глазами, которое было необычайно вяло и действительно сумрачно». Я, признаться, от этого, как говорили в старину, увольняюсь и просто побаиваюсь рассматривать левую руку героя, что «была опутана блекло-синей вытатуированной толстой шеей».

Вообще, стремление к необычному эпитету, «нестандартному видению» любой ценой достаточно часто поднимает эту цену до небес, где уже и не разглядеть ничего. На первой же странице обнаруживаем весьма подозрительное словосочетание «постругал с бумаги». Что же персонаж такое странное делает? Сдается мне, всего навсего документ читает. Однако доказать свою правоту не могу: глагол употреблен настолько неожиданный, что означать может что угодно. А то и вообще ничего. За «струганием с бумаги» следуют столь же таинственные «всежизненный ученик», «двухразовое окошко», «уступчивое имперское лицо»...

Подводя итоги: рассказы Марка Зайчика – не халтура какая-нибудь. Раздумий, труда писательского вложено много. Может, даже с перебором. Но, боюсь, не для читателя они. Ох, не для читателя...

Ài eòdeé ĭ ðreíouññ

СВЕЧА НА ВЕТРУ

Óèëüü Ðíì áíà Èà-áí íââ «Áðüü»

Ì.: Èèíîòóäëÿ èì. Ì. Áíðüéíã. – 2004

Герой этого фильма – весьма необычный еврей. В образе врача Израиль Арье перед нами предстает почти не встречающийся в современном искусстве тип еврея-героя, невольно заставляющий вспоминать о Маккавеях.

Кардиохирург Израиль Арье – выдающийся врач, ежедневно спасающий человеческие жизни. Светило медицинской науки. Огромный, мощный, буквально заполняющий собой весь экран человек непонятного возраста – ясно, что за пятьдесят, но сколько за пятьдесят? А меж тем, если исходить из сценария, ему никак не меньше семидесяти и за спиной у него – Катастрофа.

Катастрофе посвящено не менее половины фильма. И опять-таки, это не привычный нам фильм о Катастрофе, где на зрителя безостановочно обрушиваются сцены ужаса и насилия, пока не начинаешь захлебываться, мысленно моля режиссера о пощаде.

Катастрофа маленького Изи Арье – это чердак литовского хутора; там он на долгие годы заперт наедине с девочкой Соней, его будущей первой и последней любовью. Чердак, с которого Изя с Соней то и дело пытаются убежать – не потому что им там плохо, а просто поиграть, побегать; они же дети.

Об этой испытанной в детстве острой нехватке движений невольно вспоминаешь, глядя, с каким наслаждением герой фильма, став взрослым, ходит, бегают, плавают.

И полицаи в фильме Романа Качанова – это вовсе не грубые верзилы в тяжелых кирзовых сапогах, а миловидные, тоненькие литовские девочки, бывшие одноклассницы спасителя Изи литовца Иозаса: «А вот и наш славный Иозас, он у нас в школе лучший шахматист был. Иозас, а ведь твоя семья всегда с евреями дела имела, так уж не попрыгал ли ты кого?»

Здесь сама собою напрашивается параллель с «Покаянием» Т. Абуладзе, где стражники, придя арестовывать хозяина, приветливо произносят: «Мир дому вашему!»

В фильме три основных места действия: Литва 40-х годов, современная Москва и нынешний Израиль. Причем литовские сцены снимались в Литве, московские – в Москве, а израильские, соответственно, в Израиле.

Разумеется, тема Святой земли, как всегда, неразрывно связана с темой Б-га.

Одна из самых сильных сцен в фильме – ночной спор между маленькими Изей и Соней на вечную тему – есть ли Б-г на свете. Изя, до войны росший в семье, явно пренебрегавшей древними традициями, гордо бросает: «Б-га нет!» «А вот еще так скажешь – и ударит гром...» – пугает его Соня, дома у которой соблюдали субботу. «Б-га нет!» – немедленно принимает вызов Изя. И – ударяет гром.

– А еще так скажешь – и будет град!

– Б-га нет!

Начинается град.

– А еще так скажешь – и вообще превратишься в камень!

Изю наконец проняло, и он молчит.

– Вот видишь! – выдержав паузу, победоносно заключает Соня.

И Б-г, таким образом, становится для нас как бы одним из героев, несказанно расширяя пространство фильма.

Вообще, потусторонняя жизнь явлена в фильме на удивление богато и разнообразно: тут и ангелы, «приставленные» к Изе и Соне, и оживающие портреты близких, и неоднократно возникающие на экране виды иерусалимского кладбища...

Окончилась война. В руках осиротевшего Изи потрепанный альбом с семейными фотографиями. Он раскрывает его – и происходит чудо: портреты оживают.

«Ты остался один из всей семьи, Изя, на тебе теперь большая ответственность!» – грозит с фотографии пальцем покойный дедушка. «Уезжай отсюда поскорей в большой город!» – велит умерший отец. «Забери у соседки Алдоны наши подушки, а то я ее знаю, сама не отдаст!» – тревожится давно ушедшая в иной мир мама. Там, в своем, ограниченном деревянной рамкой пространстве-времени – они тоже как бы живут: двигаются, разговаривают, смеются. Плачут, когда герой умирает.

Удивительно точно передан в картине образ Сони – ее, как и Изю, в фильме играют три актрисы: Соня в детстве, Соня в юности и Соня наших дней. Соню наших дней – такую же, как Изя, – нестигаемую, не стареющую ни духом ни телом, удивительно женственную, привлекательную, – сыграла замечательная израильская актриса Сандра Саде. И хотя страстная, чувственная Соня ничем не напоминает мечтательную Сольвейг, параллель тем не менее напрашивается: ведь и к ней в конце жизни возвращается ее первый возлюбленный. Возвращается умирать.

Режиссер Роман Качанов и киносценарист Александр Гельман рассказали нам чудесную историю о любви, зародившейся в детстве и продлившейся всю жизнь. О чувствах, и за шестьдесят лет не утративших остроты. О том, что можно, невзирая ни на какие обстоятельства, до последней минуты оставаться верным самому себе.

Камера наезжает. Крупным планом – бесчисленное множество хрупких, причудливо переплетающихся между собой соломинок, покрывающих крышу дома на заброшенном литовском хуторе. Ночь, темнота и единственный источник света – трепещущий на ветру язычок Сониной субботней свечи.

И́ейя О́ейя

יִי נְעִי לְעֵי דָאָא יִי לְאֵי אַנְבֹּעַי וּזְנִבְ אַבְרָאָא אַבְדִּי וּזְנִבְ עַא-אֹ

И́и́ нѣа́и́ е́е́и́ д́а́а́а́ и́и́ л́а́е́е́ а́а́нб́о́е́а́и́ о́у́нб́ а́а́б́р́а́а́а́ а́а́б́д́и́ о́у́нб́ е́а́-а́о́
И́и́ нѣа́и́ е́е́и́ а́а́е́а́и́ е́у́ о́а́а́а́ е́р́а́а́а́е́-. О́и́ д́е́а́и́ о́а́и́ л́а́ л́о́е́дн́и́ о́е́а́ мн́о́ѓу́е́и́и́ а́ о́а́и́ о́д́а́е́и́и́ л́е́ нѣ́и́ а́а́а́и́
Е́р́а́а́а́е́-нѣ́и́а́ а́а́е́а́и́ е́у́ л́а́ о́е́е́о́а́ Е́п́о́а́д́и́ Ѓа́д́е́а́а́е́, 770, о́е́а́ а́и́е́а́ 50 е́а́о́ у́а́е́у́р́и́а́е́и́у́ о́а́и́ о́д́и́
а́а́е́а́и́ е́у́ о́а́а́а́. Е́и́ а́и́и́ с́а́и́и́ а́е́а́а́и́и́, а́ е́а́и́о́и́ а́а́д́а́е́нѣ́и́а́ и́ а́и́у́о́а́ е́е́нѣ́а́а́, м́а́е́д́а́р́о́и́у́ и́и́нѣ́а́и́ е́е́е́
Д́а́а́а́ м́ а́и́а́и́ i éd́a

В этом году в конференции приняли участие более 2000 посланников из 65 стран мира. Из стран, расположенных на постсоветском пространстве, приехали более 150 раввинов.

Конференция продолжалась четыре дня, за это время ее участники встречались с учеными, бизнесменами, давали интервью средствам массовой информации, обменивались опытом общинной деятельности.

Традиция отправлять «шлухим» (посланников) в новые еврейские общины была заложена Ребе более 40 лет назад. С тех пор движение выросло в десятки раз, ежегодно охватывая всё новые страны мира.

Главный раввин России Берл Лазар отметил:

«До Ребе никто этого не делал – по крайней мере, в сколько-нибудь сопоставимых масштабах. Наоборот, великие учителя и духовные лидеры нашего народа собирали учеников и последователей вокруг себя, создавая “школы мудрости”, “школы праведности”, хранившие еврейскую традицию и развивавшие еврейскую ученость. Во второй половине XX века информационная и коммуникационная революция уже не требовала постоянного присутствия учеников рядом с учителем, общаться в режиме реального времени стало возможно через страны и континенты. Зато важнейшей задачей, от решения которой зависит само существование еврейского народа, стала духовная помощь разбросанным по миру общинам, сохранение еврейской традиции в быстро меняющемся мире, сохранение еврейской морали от соблазнов потребительского общества. По существу, “шлихус”, возникший как ответ Ребе на Холокост и порожденные им страшные последствия для еврейского народа, также стал ответом на процессы глобализации. “Шлихус” стал всемирной акцией, призванной обеспечить сохранение и развитие еврейства в XXI веке. Результаты этой миссии видны в десятках стран, от США до Израиля, от Гонконга до Марокко, от Австралии до ЮАР, но особо впечатляющий характер они носят на постсоветском пространстве если бы не посланники Ребе, не было бы десятков процветающих ныне еврейских общин в России, Украине, Белоруссии, Узбекистане, Азербайджане и многих других странах. Десятки тысяч евреев не могли бы вернуться к Б-гу, а многие из них оказались бы безвозвратно потеряны для нашего народа».

В заключительный день конференции особенно приподнятое настроение раввинов и учащихся ешив объяснялось предстоящей традиционной церемонией – групповым фотоснимком, который вполне может занять место в Книге рекордов Гиннесса. Ежегодное фото многих сотен посланников – также одна из традиций, завещанных Ребе: она олицетворяет чувство сопричастности всех «шлухим» делу возрождения еврейства, единство еврейского народа и его неразрывную связь с Б-гом Израиля.

י. זעסי אײ

יִי אֲוֹא יִבְדִּי אֵעֹזֵוּ וְאִי אֲוֹא יִי לְנֹנִי אֲאֹנֶיֶי לִי בְדִי נֹבֵאִי נֹאָא

На заседании, состоявшемся в ходе конференции эмиссаров Хабад-Любавич в Нью-Йорке, посланники еврейских общин из стран на территории бывшего СССР встретились с нью-йоркским филантропом Джорджем Рором, чтобы обсудить проекты, направленные на дальнейшее развитие еврейской жизни в этом регионе.

Среди многочисленных инициатив – издание молитвенника на русском языке, предназначенного для начинающих, научное издание Танаха на русском языке, создание веб-сайта еврейских знакомств, строительство или восстановление десятков синагог и общинных центров в России, Украине и Белоруссии.

יְדֹאָאָאִי יְדִיּוֹעָא עֵעֵ:

עֵיּוֹיְדִי אֹעֵי יִי אֵב יִי אָאָבֵעֵא אֹאָבִי דֵנֹי אֵ – נִיּוֹ אֵאֵנֹעָא אֵ אֹאֵעֵנֹאָא

№ 16 יי 18 ייגאָדֵי אַ עֵאָבִיֵעֵי אַ יְדִיּוֹעָאֵי אַ אַעֵאִיאֹיֵאֵי אַ עֵיּוֹאָאֵי אֵעֵי «עֹבִי אֵעֵנֹוּ יְדִיּוֹעָא אֹאָבִיֵא», מִצֵּאִיֵאֵי יִי עֵיֵעֹעֵאֹעֵאֵי אִיִּי עֹיִי אֵ עֵיִיֵאִיֵאֵי אֹאֵיֵיֵאֵי: יִיֵאֵי אֹאָעֵנֹוּ אֵ יְדֵ אֵ: אִיֵעֵ יְ עֵאֵ עֵאֵעֵיֵי עֵ אֵאֵוֹוֵ «אִיֵעֵ».

Кроме израильских журналистов в работе конференции участвовали представители ведущих средств массовой информации из США, Канады, Франции, Германии, Болгарии, Хорватии, Польши, Македонии, Чехии, России, стран Балтии и СНГ, всего более 80 журналистов из 28 стран мира. Послания в адрес участников форума прислали премьер-министр Израиля Ариэль Шарон и министр иностранных дел Сильван Шалом.

На торжественном открытии приветствие главного раввина России Берла Лазара огласил исполнительный директор ВКРЕ Валерий Энгель. Поздравив участников форума и пожелав им плодотворной работы, раввин Берл Лазар предложил свое видение проблемы противостояния глобальному терроризму и роли СМИ в борьбе с ним.

Лидер российской еврейской общины отметил, что «терроризм попирает самые основы человеческого общества, гуманности, цивилизованности». «С ним бессмысленно вести переговоры, с ним невозможен компромисс, потому что для достижения своих черных целей он готов убивать всех вокруг, – сказано далее в документе. – Единственный выход для свободного мира – ответить ударом на удар, уничтожить гадину раз и навсегда. А для этого необходимо единение, сотрудничество всех сил добра против мирового зла».

Но война с терроризмом не ограничивается полем боя, отметил главный раввин России. Не менее важные бои идут на информационном пространстве: «Битва идет в умах, за умы, за общественное мнение. Международный террористический интернационал прекрасно понимает это... Поэтому главари террора создают у людей извращенные представления, ложную реальность. Они называют убийцу и бандита “мучеником”, “борцом за национальное освобождение”, “героем-защитником своего народа”. Они кощунственно используют в своих целях религию, называя бандита и убийцу «шахидом», что по-арабски значит «свидетельствующий о Б-ге». Но все эти ложные представления главари террора не могут распространять сами: для того, чтобы они дошли до многих людей, до потенциальной аудитории терроризма, они нуждаются в телевидении, радио, газетах. К сожалению, они имеют это в изобилии».

«Точно так же международный терроризм и его агентура действуют в странах свободного мира, – продолжал раввин Берл Лазар. – Здесь их цель – расшатать основные ценности демократического общества, убедить людей в легитимности террора. Дескать, террористы – это несчастные люди, борющиеся за свои права, а те, кто ведет бескомпромиссную войну с терроризмом, – Израиль, Россия, Соединенные Штаты, – вот они-то и есть главные враги... Чтобы извратить представления граждан демократических государств, главарям мирового терроризма необходима помощь СМИ, помощь журналистов. Мне больно в этом признаваться – но пока и здесь они не испытывают недостатка в пропагандистах. Хотя очевидно, что даже минимальная информационная поддержка террористов – это помощь им в убийстве мирных людей».

Главный раввин России отметил, что сегодня особенно важен голос журналистов, которые не боятся сказать людям правду, даже если эта правда считается «неполиткорректной». Организаторы конгресса выбрали, по его мнению, «верное направление: создать фронт правды против фронта лжи и замалчивания фактов, вернуть лозунгу свободной прессы – “общественность имеет право знать” – его исконный смысл: “общественность имеет право знать правду”».

«В этом смысле символично, – сказал в заключение раввин Берл Лазар, – что ваш конгресс проходит в Иерусалиме – святом городе, который иудаизм и христианство считают духовным центром мира и который должен быть символом единения. Здесь человек как бы ближе всего подходит к Создателю – и одновременно выходит на суд Создателя. Именно в Иерусалиме были произнесены слова великого мудреца древности Гилела-старшего, ставшие призывом к неустанному выполнению человеком своего долга: “Если не я – то кто же? И если не сейчас – то когда?!”».

Ο:-από τις εεε είνι οααί οεε ία αίααί ίε οί οί ηηηεε.

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ «ЖУРНАЛИСТЫ ПРОТИВ ТЕРРОРА»:

Έαί ίεά Άαεοάι, αεαί ύε δααεοίθ ααοιαε οηηηεγυί:-ί ίε αααού Έααεεγ «Άαηοε»:

«Ί ύ αεαίη ά αεε, είνι οηε αεά ίααίη ααείη οαδδθδά Αεοθίαεεηοάι αία ίδαηοίεο ηίδααεεού εαε ία γοί δααεοθαοού.. Ο εαεαίη :-αείηαεά αηού ίδαη ηίεο-αού αηηοίααθθ είνι οηη αοεθ ί οίη, :-οί ηδθεηηίαεο ά ίεδα Ίί, ε ηααεαίεθ, ηίεο-ααοηγ, :-οί Νί Έ ηαααο οαδδθδεηοάι δαεεαί α εί ίδαεοηγ, είηαα ί ίεο ίεοοο, είηαα εο οί οίηαοεε “εδαεαο” ίαααί ηίεηηη αααο.

Ί ύ ηαδαεεηγ :-οί αύ ηααίηδεού ία γοε:-αίεεο ίηθί αδ.. Ο:-από τις εεε ίαί αίγεεηη ί ίαίεγί ε ε εαγί ε. Άίο, ίαί δεί αδ, αεαί ύε δααεοίθ αεοθί αεά “Ί ίααγ Ί ίεηοα” Άαε Ί η ηίηαηεε αηηεαεά ε ηηεηηί αηί ίαείηηοε ί δείγοςγ ία γοίε είνι οααί οεε ααεεαοαεε, ηηαααηυαε ί δεί αί αί εά ί δεί οεία “είεεαεοεαίτε ίοααοηοαίίηηοε”, αεγ ίαίηαεαίεγ αα ά ΊΊΊ. Ία “είεεαεοεαίτε ίοααοηοαίίηηοε” ααεεοηγ οαδδθδεγί. Ί ίηαά αεοθίαεεηοθ, οί ίοδαεεγγ οαδθ εί “ίαεείηαεηηί-ηηαίηαεοαεηηί ία ααεααίεα”, ηί ηοε αεά ηί δααηηηαο οαδδθθ.

Ί αεγ Άεαηηαθί αί-Αεηη ία οεείηαεοαεηη ίθίαεοά ά ίοααεά ίαεαοίαδθίηα ηο οααί ε:-αηοάα Ί Ί ΟΑΑ ί δε Ί ΈΑ Έααεεγ:

«Ί αί ααείη ηίεααοού αεοθίαεεηοάι, εαε ά ααεηοαεοαεηηηηοε αεαίο ηααίηγοςίεε Έααεεη Ί ύ ηηηογίηη ηοαεεεααί ηγ η είνι οηη αοείηηηη ααδθθθί. Έθρε ηε-οαο, :-οί ά Έααεεά αηα οίαγθ ά αθίηαεεεαοαδ ε ία αεεαο ηηηογίηη ηοδαεγθ. Έθθί ά οίη, ίαείη ηηηγού, :-οί οαδδθδεγί ηααίηγ - γοί αηα ία εθλαεεηηεαγ ηαεεοεεά. Ί θίαεαί ά αααίη ηοαεά αείηαεηηίε. Ν ίαε ηοαεεεαηοηγ ί ίηαά ηοδαί ύ. Οί, :-οί Έααεεηγ γαεγαοηγ εααίηαοθίθεε οαδδθδεγί ά, αηαηά ία θία:-εο, :-οί οαδδθθ ία αηαο δαηηθθηοδαί γοηηγ ε ααεηοά. Έοί αεά ίαηηηη εο γοί ί εδθ, αηεε ία αεοθί αεεηοθ!»

Άεαεηε Νεί ηί ία ί δαεαί ο οηηηεηηηα Οθίηαα θαηεοθ αεαηη ηηοε:

«Β ηε-οαο, :-οί αεοθίαεεηο εί ααο ηίεηίηα ίδαη αηηαεαοθ ηαηθ οί:-εο θθάίεγ, εία:-ά ίαα:-αί θαί εί αοηηγ αεοθίαεεηοείε. Νοίηθθθάι οί ίε ίαηαεοεαί ηηοε αηηαηα αηοθί ία ίααο...

Ί ύ αίεη αοαεηηη ηεαεί θα είνι οηη αοείηηε αίείτε ία-είαγ η 1994 αηα, είηαα αηθίεεεά :-α-αίηεαγ ηθίαεαί ά Β ί δεί εί αε ο:-αηοεά ά ηηηοαεαίεε αί οεοαδδθδεηοε:-αίείτε οαδθεε ά Ί ηηεαα Β αηηηηεε, :-οί ίθίαεαί ά ααείηηο ηοαίηαοοθίηα η είνι οηη ε ί ύ ηηηογίηη ηοαεεεααί ηγ, - γοί αηαηαηαγ ηθίαεαί ά Έ θαηηη ά Έααεεά, ηί ά οίαεά ηοηαηηοααο. Οαε αεά εαε ε ίθίαεαί ά ί δεί αί αί εγ ί δεί οεία

ŃĬĀŃĀĬĒĀ ĘĊĎĀĒĚŮŃĒĬĀĬ ĬĀĚŮ×ĒĒĀ

ĬĀĚŮ×ĒĒ, ġĀĒĬĬ ĬĬġĒĀĬĬĒĒ ĩĩĒĒĬ ĀĒĬĬĬĬ-ĀĬĒĒĬ ĬġġĬĬ-ĀġġĀĒĒġġĬ, ĒĒġĀĬĬĬĬ ġĬĀĒġġĬĒĒġġ ĬġĀĀ, ĀĬĒĒ ĬĀĒĀĬĬ ĀĀĬĒĒĀġĀĀ, ĬĀġĀĬĬĬ ĬĀġĀġĒ Ē 18 ĬĬĬĬĬĬ ĬĀġĀĬĬĬĬ ĀĒĊĎĀĒĚŮ

Олег Е., сын Инны, гражданки Израиля, находясь в гостях у бабушки в Молдавии, обманным путем был похищен своим биологическим отцом, россиянином сирийского происхождения, натурализовавшимся в России и проживавшим в Волгограде. Отец без всяких документов и разрешений вывез ребенка с территории Молдавии.

По некоторым данным, отец мальчика – ваххабит, поддерживающий связи с организациями подобного толка. Десятилетний израильтянин Олег принудительно удерживался в доме своего биологического отца. Ему запрещалось отзывать на имя, данное матерью, в семье отца его звали Мухаммед Амор; также не разрешалось разговаривать на иврите, который мальчик считает родным языком. Под давлением отца ему приходилось принудительно изучать Коран и молиться по 5–6 часов в день. Ребенок посещал частную школу, находясь под пристальным вниманием родственников. Олега принудительно «внедряли» в иную культурную среду, что не могло не отразиться на его психическом состоянии.

Инна, узнав о местонахождении сына, приехала в Волгоград в августе 2004 года. Не имея ни родных, ни даже знакомых в этом городе и не располагая значительными денежными средствами, израильтянка попросила пристанища в волгоградской синагоге. Синагога предоставила ей ночлег, питание и дружескую поддержку.

В течение двух месяцев Инна пыталась законными методами решить проблему передачи ей сына. Однако судебный процесс никак не мог войти в нормальное русло из-за постоянных отказов ответчиков явиться в суд под разными предлогами.

Затянувшаяся история с похищением получила драматическое развитие, когда заметивший мальчика в одном из магазинов Волгограда сотрудник Интерпола немедленно сообщил об этом адвокату Яэль Йоффе, супруге главного раввина Волгограда Залмана Йоффе. Инна и Яэль направились к магазину, где действительно обнаружили Олега, но не одного, а с новой женой отца. Мать обратилась к женщине и попросила дать ей возможность поговорить с ребенком. Вначале та отказала, но матери всё же удалось убедить ее. А когда все они выходили из магазина, матери с сыном удалось быстро сесть в автомобиль адвоката и скрыться. Через несколько минут они пересели в другую машину. Обе автомашины – интерполовская и Яэль Йоффе – устремились к выезду из города по направлению к Москве и уже через несколько часов прибыли в российскую столицу. За это время адвокат успела подключить к делу израильское посольство. Главный раввин России Берл Лазар лично помог уладить все необходимые формальности с российскими властями.

ĬĬ ĬĀġĀġĀĬĬĬĬ

Ā. ĀĀĬĒĒĬĬĒĒ Ē Ā. ĖĒĒĬ ĀĬĀ

ΑΑΓΓΛΕΣΑΙ ΙΙΝΟΥ ΙΙΔΙΕΑΑΔ ΑΑΓΓΑΕΙΙ ΕΑ

2411γιδύ α θελ εδγγαρενι δαειίίιι νίαλ ινεαί αέε ιααοαί ιδεαίαδ ιι ααειάιι ο ααεο δααεοίδα αοδίαεα «Διπ» Αεεοίδα Ειδ-ααία - εγαοαεγ ιαβενονεε ε αιοεινι εοιεε εεοαδαοοδι.

По обвинению по статье 282, часть 1 («возбуждение национальной и религиозной вражды») суд приговорил издателя трудов Гитлера, призывающего к депортации евреев из России, к одному году лишения свободы условно. За истечением срока давности Корчагин освобожден от наказания. Такое решение суда дает нацисту право продолжать заниматься своей деятельностью. В стране так и не было создано прецедента осуждения фашиста за его антиобщественные деяния.

Главный раввин России Берл Лазар выразил свое «двойственное отношение» в связи с итогами судебного разбирательства по делу антисемита Корчагина. «Я ощущаю определенное удовлетворение, поскольку суд признал, что действия Корчагина противозаконны, – сказал раввин. – Суд провел достаточно четкую грань между антисемитским подстрекательством, оскорблением народа с одной стороны – и “свободой слова” с другой. Свобода слова должна иметь пределы: нельзя прикрываться “свободой слова”, чтобы оскорблять, подстрекать к погромам или депортации. Но я испытываю большую озабоченность в связи с тем, что виновный не был наказан. Тревогу внушает то обстоятельство, что в данном случае не сработал принцип обязательного наказания за преступление. Безнаказанность порождает беззаконие – совсем недавно об этом в очередной раз напомнил президент Путин».

Один из истцов по делу Корчагина, инвалид войны, член Союза евреев-инвалидов и ветеранов Великой Отечественной войны Борис Григорьевич Стамблер, прокомментировал итоги процесса в беседе с журналистом Анной Баскаковой.

«Человеконенавистнические идеи не должны иметь срока давности, – сказал он. – Считаю, что судья Олег Борисов умышленно затягивал судебный процесс, чтобы можно было объявить срок давности. Этот приговор – издевательство над здравым смыслом, фактами и законом. Корчагин наводнил страну экстремистской, фашистской литературой и должен понести более суровое наказание. Место ему – за решеткой. Я не жажду крови, но не оштрафовать Корчагина и даже не запретить ему заниматься издательской деятельностью – это откровенное кощунство, издевательство, унижение нас, фронтовиков, которые проливали кровь в борьбе с фашизмом. Фактически Корчагину дан зеленый свет, чтобы он продолжал свою антисемитскую деятельность».

Борис Стамблер прошел почти всю войну, служил в 237-м гвардейском стрелковом полку, был минометчиком, принимал участие во взятии Орла и Курска; во время форсирования Днепра был тяжело ранен. Несмотря на ранение, продолжал вести огонь. Впоследствии за свой солдатский подвиг он был награжден орденом Отечественной войны. В конце 1944 года Борис Григорьевич был выписан из госпиталя и вскоре поступил в Московский инженерно-строительный институт им. Куйбышева. После окончания института 33 года работал в институте «Гипрохим». «Я проектировал большое количество заводов, восстанавливал разрушенную страну, – с горечью рассказывает ветеран. – А сейчас издатели антисемитской литературы меня, патриота своей родины, предлагают изгнать из страны по национальному признаку. Предлагают изгнать всё еврейское население страны! Больше унижение для нас трудно придумать».

«На фронте воевали парни разных национальностей – русские, грузины, евреи, татары, – продолжал Борис Стамблер. – Все мы ели из одного котелка, и кровь у всех была одного цвета. А сейчас страна, победившая фашизм, позволяет возродиться фашизму!»

Непримиримая борьба Б. Стамблера и его соратников-ветеранов с проявлениями российского антисемитизма началась не вчера. «Еще в начале 1990-х годов, читая публикации “Памяти”, видя антисемитские листовки, я не мог пройти мимо, не мог не реагировать. Неоднократно обращался к Горбачеву, но на мои заявления о том, что в стране идет разжигание межнациональной розни, ответов не получал. Я вошел в Союз евреев-инвалидов и ветеранов войны. Вместе Ефимом Гохбергом и Ильей Соболев, к сожалению, уже ушедшими из жизни, мы боролись с этим злом. Мы писали в Генпрокуратуру и... получали отписки. Генпрокуратура откровенно попустительствовала антисемитам, брала их под свою защиту».

«Корчагин издавал газету “Русские ведомости”, неоднократно публиковал в ней, а также в брошюре “Сущность сионизма” лживую информацию о евреях, – продолжал свой рассказ Б. Стамблер. – В

1995 году я стал одним из тех, кто способствовал возбуждению уголовного дела против Корчагина. Тимирязевским судом он был осужден за умышленное разжигание межнациональной розни. И судья дала ему максимальное в то время наказание. По иронии судьбы фашист Корчагин был амнистирован в честь 50-летия Победы советского народа над фашизмом!»

Как рассказал ветеран, после амнистии Корчагин не утомился, наоборот, усилил свою противоправную деятельность: издавал «Русские ведомости», которые в 2002 году были закрыты за разжигание межнациональной розни, журналы «Русич-1», «Русич-2» и «Русич-3». За все эти издания он получал предупреждения от правоохранительных органов. Дело Корчагина много раз возбуждалось и прекращалось, наконец в 2003 году оно было возбуждено вновь после издания сборника под названием: «Жидомасоны. Русич-3». Заявителями стали Борис Стамблер и историк Виктор Дашевский. В деле имеется заключение профессора, доктора социологии Лионеля Додиани о том, что в изданиях Корчагина налицо разжигание межнациональной и межрелигиозной розни, а также оскорбление и унижение русского народа... Нелепый приговор суда подвел черту под процессом.

«На борьбу с антисемитизмом уходит всё мое время, – закончил свой рассказ ветеран. – Я не могу смириться с тем, что так называемые “патриоты” распространяют клеветнические, лживые публикации в адрес евреев».

Ἰ ἵ ἰ ἀὐτὸς αἰ ἈΑἱ

À ÑÓÄÛÄÄ ÑÄÏ ÛÈ - ÈÑÒÏÐÈВ Í ÀÐÏÄÄ

28 октября 2004 года в Петербурге был дан старт новой программе «Честь и достоинство еврейской семьи». Центральное место в ней отведено Семье как творцу и хранителю традиций, как главному источнику жизненной энергии нашего народа. Важной частью этой международной программы станут мероприятия, организованные в честь конкретных семей русскоязычных евреев, живущих в разных странах.

Первыми «бенефициантами» стала семья Розенбаум, несколько поколений которой жили и живут в России, США, Израиле и других странах. Среди них замечательные врачи, выдающиеся военачальники, герои исторических войн, известные купцы, искусные ремесленники, деятели культуры и искусства, герои Советского Союза, совершившие подвиги во второй мировой войне.

На семейный вечер в Петербург прилетели гости из Израиля, Украины, США, Белоруссии, Германии, Австрии. В их числе бизнесмены, общественные деятели, руководители крупных корпораций и фирм, общественных и религиозных организаций.

Среди организаторов и гостей первого вечера этого международного проекта – народный артист СССР, профессор Иосиф Кобзон, народный артист России, профессор Григорий Баскин, председатель правления Федерации еврейских общин России Александр Борода, депутат кнессета Израиля доктор Юрий Штерн, председатель Всемирного конгресса русскоязычных евреев, президент компании «Доктор Нона» Михаил Шнеерсон с супругой доктором Ноной Кухиной, исполнительный директор ВКРЕ Валерий Энгель и другие.

Все 86 участников семейного вечера в Петербурге стали первыми спонсорами развития этого проекта. Каждый гость сам оплатил все расходы, связанные с его приездом и проживанием в Северной столице России, а также сделал личный взнос в развитие программы.

«В судьбе моей семьи – история нашего народа» – так был назван вечер семьи Розенбаум, который прошел в элитном питерском клубе «Олимпия».

Впечатляло особое оформление залов. Здесь была, в частности, «семейная комната», где родители Александра Яковлевича Розенбаума комментировали фотографии семейных альбомов, рассказывали о семейных традициях, раритетах и людях, составляющих память и гордость семьи. На экране демонстрировался фильм о судьбе отца Александра, Якова Шмарьевича, замечательного петербургского

«יְהוָה אֱלֹהֵינוּ נִבְרָא אֶת הַמִּצְדָּקִים, וְיָאֵל עֲשֵׂה»

7 декабря в концертном зале «Россия» в Москве сотни российских евреев отметили начало Хануки. На Площади Звезд была сооружена сцена, на которой возвышалась огромная ханукия.

На Площади Звезд была сооружена сцена, на которой возвышалась огромная ханукия. В торжественной церемонии зажигания ханукального светильника приняли участие мэр Москвы Юрий Лужков, главный раввин России Берл Лазар, президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев, народный артист России Иосиф Кобзон, вице-мэр Москвы Владимир Ресин, председатель правления ФЕОР Александр Борода.

В своем выступлении перед собравшимися раввин Берл Лазар рассказал о смысле ханукального чуда, посланного Всевышним более двух тысяч лет назад в Иерусалимском храме. «И сегодня, – продолжал он, – когда в свободной России мы можем открыто отмечать наши праздники, зажечь ханукию на центральной площади Москвы, – это тоже чудо, которое происходит в наши времена».

Главный раввин России рассказал собравшимся, что утром того же дня он принимал участие в торжествах, посвященных 63-й годовщине разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. В ходе военно-исторического театрализованного представления «У главного рубежа» в подмосковном Алабино у него состоялась беседа с президентом России Владимиром Путиным. «Владимир Владимирович просил передать всем евреям поздравления с праздником и наилучшие пожелания, – сказал он. – Я очень признателен нашим властям за поддержку, которую они оказывают еврейской общине. Дай же Б-г, чтобы как можно больше света пролилось на всю Россию!»

Мэр Москвы Юрий Лужков начал свое выступление с приветствия: «Хаг sameax! Мазл тов, дорогие друзья!» «То чудо, которое свершилось тысячи лет назад, – продолжал он, – и сегодня вселяет надежду в сердца евреев. Для меня большая честь быть среди вас, присутствовать при таинстве зажигания меноры, мне радостно видеть вас. Мы стремимся к миру, к добру, к реализации надежд, хотя порой появляются разные силы, которые пытаются нам помешать. Однако мы создаем в Москве “добрую погоду” межконфессионального и межнационального согласия. Каждый должен чувствовать себя гражданином и патриотом России».

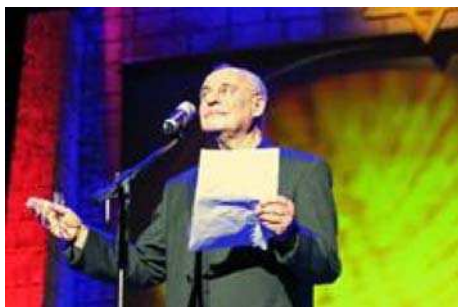

Руководитель Департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин напомнил, что первые публичные церемонии зажигания ханукальных свечей в России совпали с избранием Юрия Лужкова на должность мэра Москвы, и поблагодарил его от имени всей еврейской общины.

Первую ханукальную свечу зажгли мэр Москвы Юрий Лужков и главный раввин России Берл Лазар. После молитвы площадь озарилась праздничным салютом и фейерверком.

Ханукальный вечер продолжился в ГЦКЗ «Россия». Представление открылось великолепным лазерным шоу. На сцене первую свечу зажег Леви Леваев.

«Чудо Хануки говорит нам, что Б-г всегда на стороне жизни, – сказал главный раввин России Берл Лазар. – Он никогда не поддержит тех, чья цель – сеять смерть вокруг себя. Значение ханукального чуда особенно актуально сейчас, когда наш народ и весь цивилизованный мир вынуждены вести войну против “черного интернационала” сил террора и смерти... Мы не боимся врага, потому что Б-г с нами. И мы будем продолжать жить так, как этого хочет Б-г – в любви, радости, свете».

Посол США в Москве Александр Вершбоу подчеркнул свое особенное удовлетворение по поводу того, что Ханука широко празднуется именно в России, где евреи долгое время были лишены права на национальное самосознание. Посол Израиля Аркадий Мил-Ман назвал этот праздник «настоящим ханукальным чудом». Он поблагодарил раввина Берла Лазара и Леви Леваева за их плодотворную работу в российской еврейской общине и подчеркнул важную роль русскоязычных евреев в Израиле. Первый заместитель министра культуры России Леонид Надилов выразил благодарность руководству еврейской общины «за активное противодействие девальвации нравственных и культурных ценностей».

Затем состоялся праздничный концерт, в котором приняли участие: Иосиф Кобзон, Игорь Бутман, Ренат Ибрагимов, Марк Розовский, Роман Карцев, Ефим Александров, а также хор «Хасидская капелла», ансамбль танца «Русские сезоны», государственный театр танца «Гжель», ансамбль «Буратино», группы «Чай вдвоем» и «Премьер-министр». Вели программу народный артист России Федор Чеханков и музыкант Псой Короленко.

Концерт в прямом эфире транслировался по израильскому телеканалу «Израиль плюс».

А. Абрамзон

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Зажжением первой свечи на ханукии во дворе Еврейского общинного центра Таллина начался праздник Ханука в Эстонии.

В этом году ее зажгли президент Эстонской Республики Арнольд Рюйтель и его супруга.

«Свет огней означает победу над мглой и врагами, – подчеркнул глава Эстонии. – Он объединяет и очищает души, является тем источником, из которого в самые темные времена можно черпать жизненную энергию».

Отметив наиболее важные вехи в судьбе еврейской общины Эстонии, А. Рюйтель поблагодарил евреев за значительный вклад в общественную жизнь страны. «Желаю всем радостного праздника, и пусть источником этой радости будет сияние свечей и следование своей религии и традициям», – завершил свою поздравительную речь президент.

«Нынешний день будет памятен для всех нас, – сказал в зале таллинской синагоги руководитель еврейской религиозной общины Эстонии Борис Окс. – После 1923 года второй раз в истории страны руководитель Эстонской Республики посещает еврейский праздник. То, что это случилось в Хануку, – не случайно. Ведь Ханука – праздник для всех, кто хранит веру, традиции и обычаи своего народа и ценит его свободу».

В этот праздничный день с приветственными речами выступили раввин Эстонии Шмуэл-Эфраим Кот, посол государства Израиль в Финляндии и Эстонии Шеми Цур, глава еврейской общины Эстонии Циля Лауд.

É. Èäö

9 декабря, в канун третьего дня Хануки, завершила работу выставка «Ханука в Архангельске», организованная архангельской еврейской общиной при содействии областной библиотеки им. Добролюбова. На выставке были представлены современные и раритетные издания еврейской религиозной и художественной литературы, предметы культа, декоративно-прикладного искусства. Выставку посетил губернатор Архангельской области Н.И. Киселев и другие представители администрации. На торжественном закрытии выставки губернатор зажег ханукальную свечу и поздравил еврейскую общину Архангельска и области с праздником.

À. Àíáíééí

7 декабря в Тбилисском театре оперы и балета состоялся торжественный вечер-концерт, посвященный началу празднования Хануки. Президент Грузии Михаил Саакашвили принял участие в празднике и зажег первую ханукальную свечу. Он обратился с приветственной речью к грузинской еврейской общине и особо подчеркнул, что Грузии дороги хорошие отношения с Израилем.

Ōáí óéèÿ á Őóá

3 декабря главный раввин Уфы Дан Кричевский был принят мэром города Павлом Качнаевым. В ходе встречи раввин Кричевский обратился к мэру с просьбой дать разрешение на установку в центре города ханукии высотой пять метров. Мэр Уфы такое разрешение дал. В нынешнем году зажигание ханукальных свечей в Уфе состоялось на одной из центральных площадей города – площади Ленина.

Раввин Кричевский рассказал Павлу Качнаеву историю праздника Ханука и подарил ему серебряный ханукальный светильник. На встрече обсуждалось также строительство Еврейского общинного центра общей площадью 5700 квадратных метров, которое идет полным ходом.

Ī. Ī àđí ééáüü

Ἰ ἈΓΕ ὈΓΓἈ!

Дорогого и любимого **Οαῖοι ἀτὰ Ουῆῦ Ἀαῖαῖτᾶ:-α** поздравляем с юбилеем. Желаем здоровья, любви, счастья и успехов в труде!

Ἀὰὸ ἐ

Доброго, отзывчивого человека **Ἰ ἱῦῦῖτᾶ Ἰ ἐὸαῖῖᾶ Ἐἱαῖῖᾶ:-α** поздравляем с днем рождения. Желаем здоровья, сил, долгих лет жизни!

Ἀδῶῦ

Поздравляем с днем рождения **Ἐρῖῖῖῖ ὁ Ἐὰδῖῖῖ Ἀαῖῖῖῖῖῖ ὁ** Желаем долгие годы оставаться такой же активной и жизнерадостной!

От всей души поздравляем уважаемую **Розу Леонтьевну Колесову** с 80-летием. Желаем семейного благополучия, до 120 лет жить во здравии, без горестей и бед!

Ἀῖῖῖῖῖῖῖ, Ὀτᾶῖῖῖῖῖ, Οῖᾶῖῖῖῖῖ

Дорогого **Ἰ ἐὸἱ ἱᾶῖ:-α Ἐἱῖῖῖᾶ Βῖῖῖῖῖῖ:-α** любимого всеми родными, близкими, сослуживцами и коллегами по работе, поздравляем с 80-летием и желаем дожить до 120 лет!

Ἀὰὸ ἐ, αῖᾶᾶ, ἀἱ ὀῖῖ

Еврейская община Карачаево-Черкесской республики «Лехаим» поздравляет с днем рождения председателя общины **Ἀδ:-αἱ ἔἱ Ἰῦᾶ ἱδὸ Ἀαῖῖῖῖῖῖ ὁ** Желаем ей здоровья, оптимизма, счастья и всего самого наилучшего!

Ἴ ἱᾶᾶ ὀτᾶῖῖῖῖῖῖ ἱᾶᾶ :-ῖᾶἱᾶ ἱᾶῖῖῖῖῖ, ὀτᾶῖῖῖῖῖῖ ἁ ἱᾶῖῖῖῖῖ Желаем здоровья, любви, долгих лет!

Дорогие **Ἴᾶᾶῖ:-ῖᾶ ἐ Ἰ ἱᾶᾶᾶᾶ!** Поздравляем вас с рождением сыночка **Ἀἱᾶᾶᾶ Ἐἱᾶᾶᾶ!** Счастья, здоровья малышке и вам, мои дорогие. Всех благ!

**Ἴῖᾶᾶᾶᾶᾶ,
ἱᾶᾶ ἱᾶ Ἐῖᾶᾶ ἱᾶῖῖῖῖῖ**

Ἀἱ ὀτᾶῖῖῖῖῖ ἁδῶῖῖῖ!

Ἀἱῖῖ ἁἱ ὀτᾶῖῖῖῖῖ ἱᾶῖῖῖῖῖῖ ὀἱᾶἱ ἱᾶᾶ, ἁῖῖῖῖῖῖ ἔ ἁδῶῖῖῖ ἁ ὀἱᾶῖῖῖῖῖ «Ἰ ἁῖῖ ὀτᾶἱ», ἱᾶἱᾶῖῖῖῖῖ ἱᾶ ἱᾶᾶῖῖῖ ἁ ὀἱᾶῖῖῖῖῖῖῖῖ:

103055 Ἰ ἱᾶᾶᾶ, 2-ῖ Ἀἱῖῖῖῖῖῖῖῖ ἱᾶᾶ, 5ᾶ ὀἱᾶῖῖῖῖῖ 231 27 77, ὀἱᾶῖῖ 231 30 20

НАШИ ЯНВАРСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

2 ЯНВАРЯ

100 *éàò ìí äíý ðíæääíéý* кинорежиссера и сценариста, народного артиста РСФСР, поставившего фильмы «Подруги», «Зоя», «Урок истории», «Софья Перовская» и др., лауреата двух Государственных премий СССР **Лео Оскаровича Арнштама** (1905, Екатеринослав – 1979, Москва).

3 ЯНВАРЯ

65 *éàò ìí äíý ðíæääíéý* государственного деятеля, министра строительства РФ, председателя государственного комитета по жилищной и строительной политике РФ **Ефима Владимировича Басина** (р. 1940, Хиславичи Тамбовской обл.).

70 *éàò ìí äíý ðíæääíéý* ученого в области информатики и вычислительной техники, члена Национальной АН США, Парижской АН, профессора Калифорнийского и Вашингтонского университетов, автора работ в области теории алгоритмов, лауреата Национальной научной медали США **Ричарда Карпа** (Karp; р. 1935, Бостон).

6 ЯНВАРЯ

90 *éàò ìí äíý ðíæääíéý* прыгуньи, обладательницы золотой олимпийской медали 1936 года **Иболии Чак** (Csak; 1915–1991, Будапешт).

7 ЯНВАРЯ

110 *éàò ìí äíý ðíæääíéý* пианистки, исполнительницы произведений Моцарта, интерпретатора произведений современных французских композиторов **Клары Хаскил** (Haskil; 1895, Бухарест – 1960, Брюссель).

85 *éàò ñ ãÿ ðæääéÿ* композитора, народного артиста Кыргызской Республики, профессора Киргизского государственного института искусств им. Б. Бейшеналиевой, главного дирижера Киргизского оркестра народных инструментов им. К. Орозова **Бориса Вениаминовича Фефермана** (р. 1920, Александрия Кировоградской обл. – 1999 Бишкек).

10 ЯНВАРЯ

15 *éàò ñ ãÿ ñ àðòé* философа, историка, члена АН Израия, профессора Еврейского университета в Иерусалиме, автора работ в области средневековой еврейской и арабской философии, лауреата Государственной премии Израия **Шломо Пинеса** (1908, Париж – 1990, Иерусалим).

130 *éàò ñ ãÿ ðæääéÿ* математика, члена Берлинской АН, иностранного члена-корреспондента АН СССР, профессора Берлинского университета, автора работ по алгебре и теории функций **Исая Шура** (Schur; 1875, Могилев – 1941, Тель-Авив).

11 ЯНВАРЯ

110 *éàò ñ ãÿ ðæääéÿ* литературоведа, профессора Ленинградского, Саратовского и Горьковского университетов, исследователя архивных материалов по делу декабристов, редактора и комментатора многих изданий произведений русской литературы XIX века **Юлиана Григорьевича Оксмана** (1895, Вознесенск Херсонской губ. – 1970, Москва).

12 ЯНВАРЯ

205 *éàò ñ ãÿ ñ àðòé* (2 швата) общественного деятеля, одного из родоначальников хасидизма **рабби Мешулама-Зуси из Аннополя** (1718 – 1800, Аннополь Люблинской губ.).

90 *éàò ñ ãÿ ðæääéÿ* математика, члена Национальной АН США, профессора Колумбийского, Северокаролинского университетов и Университета Ратджерса, автора работ в области математической статистики **Герберта Роббинса** (Robbins; 1915, Ньюкасл, США – 2001, Принстон).

14 ЯНВАРЯ

90 ёаò ìì äíŷ ðŕæääíéŷ химика-органика, академика АН Латв. ССР, профессора Рижского политехнического института и Латвийского университета, организатора и директора Института органического синтеза АН ЛССР, автора работ в области химии пиримидинов и азиридинов, разработавшего промышленные способы получения ряда физиологически активных препаратов, лауреата Государственной премии СССР **Соломона Ароновича Гиллера** (1915–1975, Рига).

150 ёаò ìì äíŷ ðŕæääíéŷ этнографа и лингвиста, исследователя культуры народов северо-востока Азиатской России, революционера-народника **Владимира (Вениамина) Ильича Иохельсона** (Jochelson; 1855, Вильна –1937, Нью-Йорк).

20 ЯНВАРЯ

85 ёаò ìì äíŷ ðŕæääíéŷ физика, члена Национальной АН США, профессора Станфордского университета, автора работ в области низких температур **Теодора Гебалле** (Geballe; р. 1920, Сан-Франциско).

22 ЯНВАРЯ

70 ёаò ìì äíŷ ðŕæääíéŷ православного священника, проповедника, богослова, получившего известность благодаря своей миссионерской деятельности в кругах советской интеллигенции в 60–70-х годах, автора книг по основам христианского вероучения, истории религии, православному богослужению **Александра Владимировича (Вольфовича) Мenea** (1935, Москва – 1990, убит в поселке совхоза «Конкурсный» Московской обл., похоронен в Пушкино Московской обл.).

150 ёаò ìì äíŷ ðŕæääíéŷ дерматовенеролога, профессора Университета в Бреслау, открывшего возбудитель гонореи, предложившего метод окраски микобактерий лепры, разработавшего (совм. с А. Вассерманом) метод серологической диагностики сифилиса **Альберта Людвиг Нейссера** (Neisser; 1855, Швейдниц, Пруссия – 1916, Бреслау).

125 ёаò ìì äíŸ ðŒæääíèŸ математика, члена Венгерской и Парижской АН, профессора Клужского, Сегедского и Будапештского университетов, автора работ в области функционального анализа **Фридьеша Рисса** (Riesz; 1880, Дьер – 1956, Будапешт).

23 ЯНВАРЯ

100 ёаò ìì äíŸ ðŒæääíèŸ физика, члена Национальной АН США, профессора Массачусетского технологического института, автора работ в области магнитной гидродинамики, управляемого термоядерного синтеза, элементарных частиц **Джеролда Захариса** (Zacharias; 1905, Джексонвилл, США – Кембридж, США).

27 ЯНВАРЯ

120 ёаò ìì äíŸ ðŒæääíèŸ скрипача, педагога, профессора Московской консерватории, Русской консерватории в Париже, Токийской консерватории **Александра Яковлевича Могилевского** (1885, Одесса – 1953, Токио).

29 ЯНВАРЯ

125 ёаò ìì äíŸ ðŒæääíèŸ антрополога, исследователя цивилизаций эскимосов, тлинкитов и хайда, ирокезов, баганда и центральноавстралийских племен **Александра Александровича Гольденвейзера** (1880, Киев – 1940, Портленд, США).

31 ЯНВАРЯ

60 ёаò ìì äíŸ ðŒæääíèŸ математика, члена Национальной АН США, профессора Массачусетского технологического института, Гарвардского, Корнеллского и Станфордского университетов, автора работ в области математической статистики **Перси Диакониса** (Diaconis; р. 1945, Нью-Йорк).

НАША ЯНВАРСКАЯ ПАМЯТНАЯ ДАТА

70

ЭЛВИС ПРЕСЛИ

ÊÎÐÎËÛ ÒÎ ÅÐ - ÅÀ ÇÄÐÀÎÑÒÀÓÁÒ ÊÎÐÎËË!

Ñî äîÿ äâ ì äððè ïðòøèí ïí-ðè òðèäðàðü èäð, ïí èîÿ Ýèæèáà Ýðàííè ïí ìèè äâîü èçäâîðîí ãî ãî ï ï èðä «Òàäðèè» ï äððà ðàáòòàðð ì ï àíáó-æèííè ï ïóííòóð, ï ðèííÿ äâ ïí ðîí èäè è äèäðèèüâàè äàðòðèèòò ï ððà äíèè 25 ï èèèèííà äíèèäðá à ãà Åíò ðèè ïàíèèèèè èäð ïí ïá ïíèèäððò ï äððîñ ï àíòà à ìèíèèà çíàè àíèðòðèèè, èíòðèèè è ïííèè ì äððè ïðòðèèèèèèèè «çäððàððòòàððòò» ìèè ïá äíèèèèèèèè ãî ïíðàððü.

Элвис Аарон Пресли появился на свет 8 января 1935 года в маленьком американском городке Ист Турайло, штат Миссисипи. Его брат-близнец родился мертвым, и Элвис оказался единственным ребенком в семье.

В 1985 году в США вышел биографический труд Элейн Данди «Элвис и Глэдис», посвященный исследованию родословной певца. Автор книги выяснила, что мать Элвиса, Глэдис Лав Пресли, урожденная Смит, по материнской линии происходила из ортодоксальной еврейской семьи Такеттов. Марта, дочь Нэнси и Абнера Такеттов вышла замуж за Уайта Мэнселла и от этого брака родилась Октавия Мэнселл, которая стала матерью Глэдис. Таким образом, утверждает Данди, поскольку по религиозным законам еврейство передается по материнской линии, Элвиса Пресли можно считать евреем.

Глава семейства Вернон Пресли работал плотником. Глэдис была четырьмя годами старше мужа. Она бралась за любую работу, которую только могла найти, – швеи, официантки, сиделки в больнице... В 1938 году отца посадили за подделку чека, и Глэдис с трехлетним сыном пришлось некоторое время существовать на пособие. Это было страшно и унижительно.

В 1948 году семейство Пресли в поисках лучшей жизни переезжает в Мемфис, штат Теннесси. Город в то время насчитывал около 300 тысяч жителей, и найти работу там было гораздо проще. В Мемфисе Элвис окончил школу и устроился на работу – сначала контролером в кинотеатр, потом в гараж водителем грузовика.

Музыка стала частью его жизни в девять лет, когда родители купили ему гитару. В десять он занял второе место на детском конкурсе певцов и в дальнейшем уже не расставался с инструментом.

В июле 1953 года Пресли случайно знакомится с Сэмом Филипсом, владельцем студии звукозаписи Memphis Recording Service. Юноша зашел туда, чтобы записать пластинку в подарок матери, а спустя ровно год вышла его первая профессиональная запись, которая стала поворотным моментом не только в его собственной жизни, но и в жизни миллионов людей по всему миру. Эта пластинка возвестила о начале новой эры – эры рок-н-ролла и Элвиса Пресли.

Год 1955-й. У Пресли появляется продюсер – полковник Том Паркер, выходец из Голландии, с которым Элвис будет работать до самого конца. Паркер договорился с фирмой RCA Records, которая перекупила у Филипса права на пять следующих пластинок Пресли за 40 тысяч долларов – сумму по тем временам астрономическую. Сам Элвис получил тогда гонорар в 5 тысяч и первым делом купил матери подарок – розовый «Форд».

Следующий год пресса назовет «годом вторжения Элвиса Пресли». Его сингл Heartbreak Hotel расходится миллионным тиражом, по всему миру появляются клубы поклонников Элвиса, а его лицо и имя теперь можно встретить на плакатах, значках, запонках, кепках, стенах домов, машинах, школьных партах, его даже татуируют на собственном теле. Помешательство доходит до того, что подростки собирают «на память» пыль с его авто.

За девять месяцев этого года Пресли заработал свой первый миллион.

Самое интересное, что Элвис на сцене и Элвис в жизни – это были два совершенно разных человека. Сценический образ, навязанный ему в первую очередь продюсером и самим жанром, родоначальником и первооткрывателем которого он стал, абсолютно не соответствовал тому спокойному, мягкому и «домашнему» Элвису, «маменькину сынку», каким его знали близкие. Он носил свою маску рок-звезды с великим мастерством и изяществом.

Глэдис Пресли с сыном.

Его стали приглашать сниматься в кино. Однако Голливуд не понравился его матери, которую он обожал и ко мнению которой всегда прислушивался. Глэдис ездила туда всего однажды, но сумела привить сыну собственную нелюбовь к «фабрике грез». До последнего дня Пресли относился к кино лишь как к способу зарабатывания денег. После него осталось более трех десятков кинофильмов, но все сходятся во мнении, что единственным их достоинством было участие в картинах Элвиса Пресли. Он не был великим актером, не был даже хорошим. И, несмотря на это, в 1960-х годах он получал миллион долларов за фильм плюс 50 процентов от доходов с проката.

В марте 1957 года Пресли купил огромное поместье Грейсленд в местечке Уайтхевен, под Мемфисом. В доме было 23 комнаты, где жили он, его родители и бабушка – мать отца. Казалось бы, мечты

сбылись, вот оно – счастье. Но Глэдис не давала покоя ситуация, складывавшаяся вокруг ее сына, и его постоянное отсутствие. Она всегда очень переживала, когда «ее Эвиса» не было дома, ее пугали фанаты, днем и ночью стоявшие у ворот Грейсленда. Глэдис впала в депрессию и начала пить.

В марте 1958 года Пресли призвали в армию. Несмотря на то что службы можно было избежать, певец решил отдать долг родине. Хотя немногие служили так, как Элвис. Его направили в Техас, в Форт Худ, где он поселился в отдельном домике вместе с родителями, бабушкой и близким другом.

Летом Глэдис заболела и вернулась в Мемфис, где ее положили в больницу. Она умерла 14 августа.

Для Пресли это стало трагедией. После похорон матери он долго не мог прийти в себя. Когда же певец вернулся из увольнения, командование направило его в Западную Германию.

В Европе Элвис по-прежнему жил отдельно от остальных солдат, в его распоряжении был черный «мерседес» с личным шофером, рядом с ним все так же находились родные.

В Германии он познакомился со своей будущей женой, Присциллой Белью. Они поженятся лишь в 1967 году, а спустя пять лет расстанутся. Забрав с собой четырехлетнюю дочь, Присцилла уйдет от Короля рок-н-ролла к его инструктору по каратэ. Но это будет потом. А поначалу Пресли был влюблен, как мальчишка.

Ему было двадцать пять, когда он вернулся домой. За два года многое изменилось, и он прекрасно осознавал это. У молодежи появились другие кумиры, на смену его музыке пришла новая. Стоит ли продолжать? Нужны ли кому-то еще его песни? Эти вопросы постоянно мучили его.

В течение последующих девяти лет он мало появлялся на сцене. Из громких выступлений можно назвать лишь его исторический концерт с «Битлз» в 1965 году.

С середины 1960-х годов в жизнь Пресли входят наркотики. Он всегда презирал наркоманов: это жалкие, безвольные люди. Он, Элвис, не такой. Да, у него были проблемы: он страдал бессонницей, работа изматывала, на нем лежала большая ответственность – и он нуждался в лекарствах. Наркотики ему прописывали врачи. Ему внушали, что мир нуждается в нем, а он мечтал уйти в монастырь...

Его интерес к религии был неслучаен. Напряженное Б-гоискательство традиционно присуще американским течениям радикального бунтарства, и Пресли не стал исключением. Сначала он увлекся иудаизмом, выучил древнееврейский язык, посещал синагогу. Решил установить на могиле матери звезду Давида. Отец был несколько смущен: христианский памятник – и звезда Давида, однако промолчал.

Ī tãëä Äëýãëñ Ī ðãñë ñ õñõãñ tãëãñ ĩé ĩã ĩãé çãñãñé Äãëëää

Впоследствии певец некоторое время изучал восточные религиозные культы, был горячим сторонником «Движения Иисуса», а еще позже зачитывался трудами Елены Блаватской. Однако заметим, что в последние годы жизни в его сценическом гардеробе неизменно присутствовало золотое ожерелье с

подвеской в виде двух переплетенных букв еврейского алфавита – «хэс» и «йуд», составляющих слово «хай» («жизнь»).

Год 1969-й. Год триумфального возвращения Короля. Концерты следовали один за другим, успех был ошеломляющий. Но жить Элвису оставалось всего восемь лет.

За короткое время он растолстел и обрюзг, все чаще обращался к наркотикам, которые уже не помогали. В его жизнь и в его творчество входит страх: ему пишут письма с угрозами, требуют денег, куклуксклановцы сжигают его пластинки. Он все еще Король, но уже начинает сдавать свои позиции.

В 1976 году Элвис познакомился с Джинджер Олден и влюбился в нее. Он мечтал жениться снова, но не успел.

Последний год дался ему очень нелегко: во время выступлений он часто вынужден был уходить за кулисы, чтобы восстановить силы. На концерте в Балтиморе 29 мая 1977 года зрители подумали, что он пьян, а у него просто не было сил стоять, и он пел сидя. Концерт в Индианаполисе Пресли хотел было отменить совсем, но Том Паркер уговорил его выступить. Это был последний выход Элвиса на сцену.

Он вернулся в Грейсленд, и 16 августа его не стало: болезнь, наркотики и нервное истощение сделали свое дело.

Похороны были грандиозными. На кладбище Форест Хилл под Мемфисом был приготовлен огромный мраморный мавзолей. Но впоследствии тело певца захоронили на территории Грейсленда, рядом с его матерью. Захоронили в том месте, которое сам Пресли называл Садам медитаций.

Ἰ ἀεὶ ἂν ἐαί εἰ

ИЗ НАШЕЙ ЯНВАРСКОЙ ПОЧТЫ

יְיָ אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ!

וְאֵלֵינוּ אֵלֵינוּ!

Одной из задач еврейских СМИ является борьба с антисемитизмом. Многие ваши материалы тоже вносят свою лепту в это дело. Тем досадней сталкиваться с публикациями, которые могут ему лишь навредить, причем в чудовищной степени.

В данном случае я имею в виду интервью с А. Городницким. С развязной легковесностью, недостойной известного барда, доктора геолого-минералогических наук и просто интеллигентного человека, Городницкий заявляет, что самыми злыми антисемитами являются евреи-полукровки, приводя в пример Фета и Жириновского. Я думаю, что у всех у нас, учитывая частоту смешанных браков, есть близкие родственники-полукровки. Нередко это даже наши дети, жены или мы сами. Но часто ли мы видим среди них воинствующих антисемитов? Пример Фета неубедителен хотя бы потому, что, когда он пописывал свои антисемитские статейки, он ничего не знал о своем еврейском отце. Узнал же он о нем лишь из письма матери, вскрытого после ее смерти. Жириновский – одиозная фигура, клоун-эксцентрик; к нему вообще нельзя подходить с обычными человеческими мерками. Встречаются куда более злые антисемиты и среди «чистых» евреев. Это такие «писатели», как монах Неофит, автор «Книги кагала» Яков Брафман, современный харьковский «жидоборец» Эдуард Ходос, а также Карл Маркс, Отто Вейнингер, Бобби Фишер и другие. Их пасквили, труды и тиражируемые средствами массовой информации высказывания охотно используются как свидетельские показания против евреев. Что касается нееврейских антисемитов, то, естественно, они преобладают – и по количеству, и по злобности, и по радикальности взглядов на решение «еврейского вопроса». История евреев, а также современный Интернет – тому свидетельство. Так что оскорбление полукровок и мерзко, и несправедливо. Представьте, что кто-то скажет, будто самые ярые антисемиты – армяне.

Или татары. Или белорусы. Ведь это прозвучит оскорбительно для людей, принадлежащих к упомянутым нациям, отнюдь не юдофобов. А почему можно оскорблять евреев-полукровок, которых, по моему, сейчас больше, чем «чистых» евреев?

А теперь о главном. О том, что побудило меня написать в редакцию. Городницкий вдруг объявляет евреем Сталина, приводя смехотворные доказательства. Первое: его в этом убеждали бухарские евреи. Заметьте – не грузинские, а бухарские. Им, очевидно, видней. Второе: окончание «швили» в грузинских фамилиях якобы присваивали инородцам. Это неправда. «Швили» по-грузински значит «сын». Очень многие грузинские евреи действительно носят фамилии с этим окончанием, но всё же подавляющее большинство людей с фамилиями на «швили» – грузины. «Дзе» и «швили» – наиболее распространенные окончания. Вспомним князя Андроникашвили, художника Пиросманишвили, поэта Паоло Яшвили, грузинского политика хрущевских и брежневских времен Джавахишвили, балерину Ананишвили, академика-психиатра Зурабашвили, нынешнего президента Грузии Саакашвили и многих других.

Далее: слово «джуга», по мнению Городницкого, размышляющего, понятно, о фамилии «Джугашвили» – это по-грузински «еврей». Еще одна фантазия. Еврей по-грузински «эбраэли». Есть еще пренебрежительное «урия». А «джуги» нет. Наконец, последний довод, не выдерживающий критики. Отец Сталина был сапожником, а это, дескать, исключительно еврейская профессия в Грузии. Можно ли себе представить, что во всех грузинских селах и деревнях, в отрыве от соплеменников, преимущественно обитавших в Кутаисской губернии, жили евреи-сапожники, отдававшие своих детей в церковно-приходские школы, а затем и в семинарии, подобно отцу Сталина? Как бы тогда сохранились в Грузии евреи, чье 2600-летнее пребывание в стране отмечалось недавно и весьма торжественно.

Общеизвестны антисемитские списки, где фигурируют политики, которым присвоены еврейские, якобы «настоящие», фамилии. Керенский объявлен Кербисом, Чичерин – Мейердорфом, Луначарский – Байлахом, Берия – Берманом, Сулов – Зюссом, Хрущев – Перельмутером, Брежнев – Ганапольским, Лужков – Кацем, Черномырдин – Шлеером, Горбачев – Гайдером, Ельцин – Эльцыным, Кучма – Кучманом и т. д.

Прошло 63 года, но этот Йом Кипур в Рогозном забыть нельзя. Пусть антисемиты всех мастей отрицают Холокост, но пока живы свидетели истребления евреев, им это не удастся. И мой рассказ тоже свидетельство минувшего.

י. עדין אד, אצאג' אודער איי

YOTAT I EETAAA IA AOAAO ITOTI O XOT YOTAT IA AOAAO I EETAAA!

Осенью прошлого года телезрители видели многосерийную передачу Феликса Разумовского «Еврейский вопрос – русский ответ» (Канал «Культура»). Я ждал, что журнал «Лехаим» откликнется на нее. Но не дождался. Передача замечательная по содержанию, блестящая по форме и явно направлена на улучшение русско-еврейских отношений. Однако хотелось бы кое в чем и возразить автору.

В первой передаче Разумовский говорит: «еврейский вопрос» – это «вопрос» религиозный, он начался с Христа на Голгофе и может закончиться только с Христом. Но если

уж отступать так далеко во времени, то надо начать не с Христа, а с Авраама: «еврейский вопрос» возник тогда, когда появилось племя, исповедующее единоб-жие

в языческом окружении. А на Голгофе начался разве что «русский ответ» на «еврейский вопрос». Вот и Разумовский говорит о страшном грехе Б-гоубийства и о том, как наши предки, собравшись на площади в Иерусалиме, кричали «Распни его!» и «Кровь его на нас и детях наших!» Да еще прибавляет: «Это не миф, это история». Выходит, даже такой светлый человек, как Феликс Разумовский, считает, что по сию пору на мне и на всех нас, евреях, лежит «страшный грех того убийства». Он, судя по всему, православный. А вот католические иерархи уже лет 40 назад сняли с нас этот грех (см. М. Грант, «История Древнего Израиля», 1998, с. 298: «Обвинение в Б-гоубийстве было снято Вторым Ватиканским Собором в 1962–1965 гг.»).

А Разумовского я понимаю так: проклятый этот вопрос будет окончательно разрешен, когда русские люди все по-настоящему уверуют в Христа, то есть не просто будут исполнять внешние обряды, а проникнутся подлинным духом Евангелия. Но этого никогда не будет – потому что этого не будет никогда. Человеческая натура воспротивится.

Во времена Пушкина и Лермонтова «еврейский вопрос» еще не давал о себе знать. Пушкин в пору южной ссылки видал евреев издали, но вряд ли имел о них понятие, зато мнение имел вполне определенное. Об этом свидетельствует запись в его «Дневниках» от 15 октября 1827 года. А Пушкин пишет, что увидел молодого человека, он был «с виду настоящий жид – я и принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я повернулся <...> спиной».

Но это оказался Кюхельбекер, обросший бородою. А на кого шпионил еврей в 1827 году? Не знаю.

Во времена войн с Наполеоном – вероятно, на обе стороны. А вот что говорил генерал-губернатор Петербурга граф Милорадович, когда ему доносили, что евреи без дозволения поселяются в Петербурге: «Ну и что? Они прекрасные подданные. Без них мы не победили бы Наполеона!» Вот даже как. К сожалению, не знаю печатного источника, запомнил из передачи, которая прошла этим летом по каналу «Культура» и называлась «Милорадовичи».

Разумовский говорит, что необязательно евреям ассимилироваться, и рисует идиллическую картину: еврей остается евреем среди русских, идет плодотворный диалог двух культур. Что было бы в таком случае? Рассказчик признается, что не знает, но думает, что могло бы быть больше Левитанов, Гершензонов, Пастернаков, Мандельштамов. Но разве Пастернак и Мандельштам – не плоды ассимиляции? Разве это еврейские поэты, кем-то блестяще переведенные на русский язык?

Да и Левитан с Гершензоном тоже, думаю, явились в России благодаря ассимиляции. А какие-то черты еврейского народа, выработанные многими столетиями и по сей день окружающим недоброжелательством, еще не скоро сотрутся. Написано ведь: «Хоть два раза окрести, а кровь-то скажется!»

Но независимо от сказанного я глубоко благодарен Феликсу Разумовскому за то, что услышал и увидел. Всегда смотрю его передачи и другим советую, благодарен каналу «Культура» и рад, что дожил до такого времени, когда в России подобное бывает на ТВ.

À. Èñ èññòðé, Èàçáí ù